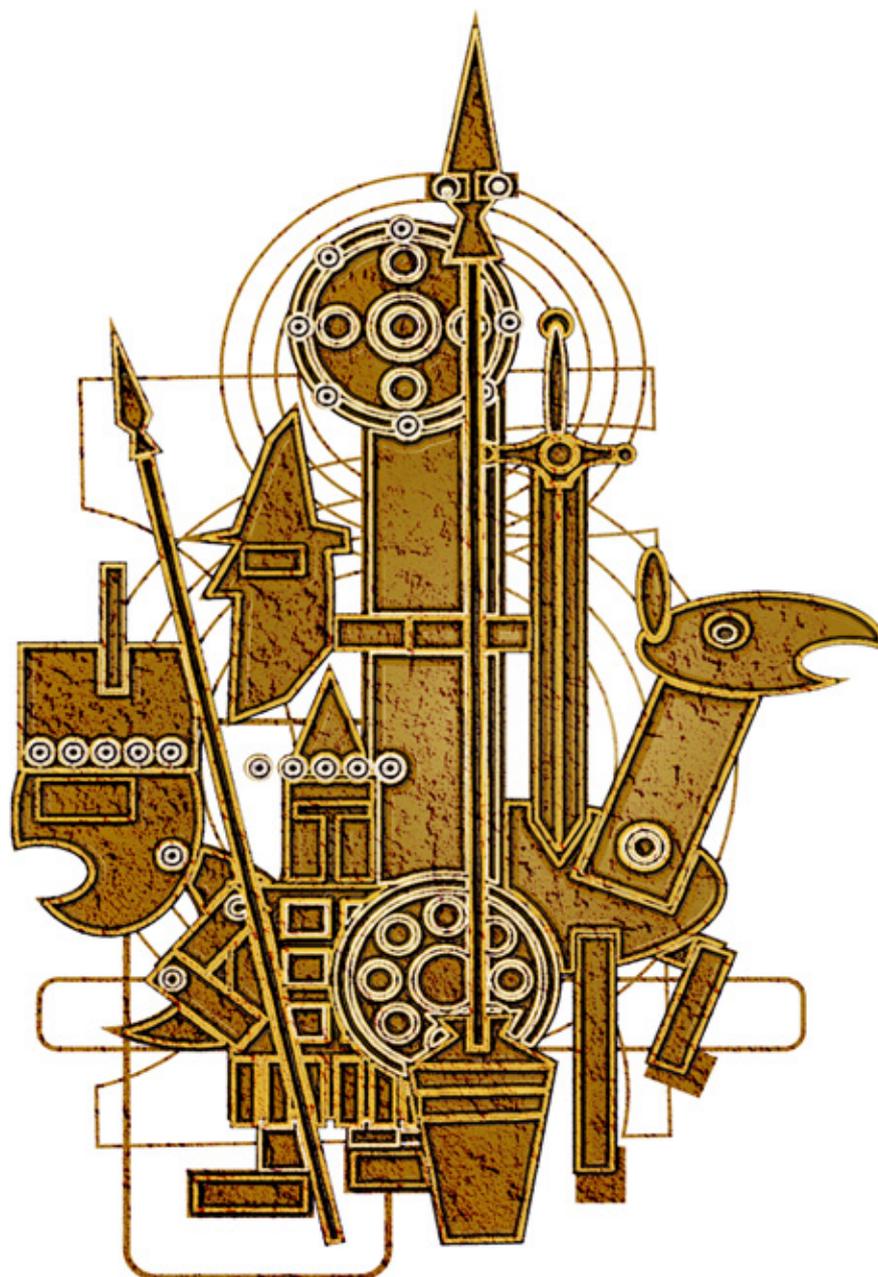

Международная заочная научная конференция
«Вопросы исторической науки»

Москва

УДК 93
ББК 63
В74

Редакционная коллегия сборника:

*Г.Д. Ахметова, М.Н. Ахметова, О.А. Воложанина, С.Н. Драчева,
Ю.В. Иванова, М.Г. Комогорцев, К.С. Лактионов*

Ответственный редактор: *О.А. Шульга*

Вопросы исторической науки: материалы междунар. заоч. науч. конф. (г. Пермь, январь 2012 г.). / Под общ. ред. Г.Д. Ахметовой. — Москва: Ваш полиграфический партнер, 2012. — 94 с.

ISBN 978-5-4253-0329-5

В сборнике представлены материалы международной заочной научной конференции «Вопросы исторической науки».

Предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических специальностей, а также для широкого круга читателей.

УДК 93
ББК 63

СОДЕРЖАНИЕ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Мокина Н.Н.

Материально-техническое обеспечение куйбышевского студенчества в 1950–1960-е гг. 5

Скляр Л.Н.

Социальное значение повышения образованности крестьян, специфика школьного строительства на Ставрополье 8

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Волошин Д.А.

О трагическом и комическом в современной рецепции исторического опыта римской имперской системы 12

Дербенев А.С.

Экономическое сотрудничество США и Саудовской Аравии (июль 1943 – июнь 1945 гг.): слова и дела . . 16

Камалджанова Т.А.

Татарская диаспора Восточно-Казахстанской области в XVIII-XIX вв. 18

Кулаков В.О.

Персидский посол Исмаил-бек и Астрахань в 20-е гг. XVIII века 21

Неваров А.А.

Изучение религии древнего Египта в отечественной исторической науке кон. XIX – нач. XX вв. 23

Силаева И.А.

Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглобина 25

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Гаджиев Н.М.

Гянджа в начале XX века 29

Лошкарёв И.Д.

Гродненский период БНР: истоки, стратегическая обстановка, организация белорусских войск 31

Смесова Е.А.

Из истории деятельности «Пушкинского общества» в Туркестанском крае 34

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ
ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**Андреева Л.Ю.**

Верхневолжские карелы в пореформенный период: некоторые аспекты социально-экономического развития 37

Баранова Л.В.

Нравственность Современного общества 40

Большакова Г.И.	
Финляндское население Карельского перешейка в предвоенные годы: трагедия и реальность войны . . .	43
Долотова Л.С.	
Социокультурная характеристика преподавательниц женских учебных заведений г. Иркутска первой половины XIX – начала XX в.	46
Кириллова А.И.	
Проблема занятости населения в национальных селах Дальнего Востока в 1970–1980-х годах (на примере Быстринского района, Камчатская область)	51
Киричук У.Н.	
Трагические страницы раскулачивания в Ишимском округе	53
Козьминых Е.С.	
Либеральный журнал «Вестник Европы» и российское общество в период реформ Александра II	56
Крутецкий В.Ю.	
О грамотах Александрийского патриарха Иоакима (4 апреля 1545 г.) и Константинопольского патриарха Дионисия (июня 1546 г.) Ивану IV Васильевичу о преподобном Максиме Греке	59
Нисковских Е.Ю.	
Последствия распада колхоза «Родина» Сорокинского района Тюменской области в 1990-е гг.	62
Предигер Б.И.	
Школьное образование российских немцев дореволюционной России как фактор человеческой деятельности (историографический обзор)	64
Улчибеков Э.У.	
Сельский сход как орган управления Диричского союза XVIII – перв. пол. XIX в.	69
Федорова З.А.	
Деятельность уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви Калининской области в период Великой Отечественной Войны	71
Цивелев А.А.	
Суждения и мнения В.С. Соловьева о русском обществе	75
Цыганов А.В.	
События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в воспоминаниях художника В.В. Верещагина	79
5. АРХЕОЛОГИЯ	
Головченко Н.Н.	
Типология кожаных и войлочных головных уборов носителей пазырыкской культуры	83
Шалахов Е.Г.	
Археологические наблюдения и сборы на левом берегу Чебоксарского водохранилища.	85
6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ	
Окопная О.П.	
Формирования донского купечества из казачьей среды II половины XIX – начала XX вв. (из истории российского предпринимательства)	88
7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ	
Баранова Е.А.	
XX съезд КПСС: начало «оттепельных явлений» в исторической науке	91

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

Материально-техническое обеспечение куйбышевского студенчества в 1950–1960-е гг.

Мокина Наталья Николаевна, ассистент

Поволжская государственная социально-гуманитарная академия

Куйбышевская (ныне Самарская) область в послевоенные годы обладала крупным вузовским потенциалом: работали девять институтов, среди них педагогический им. В.В. Куйбышева, сельскохозяйственный, авиационный, индустриальный¹, плановый, медицинский им. Д.И. Ульянова, электротехнический институт связи, инженерно-строительный им. А.И. Микояна, филиал Всесоюзного заочного института советской торговли. В данной статье рассматриваются основные проблемы материально-технического обеспечения студентов региона в 1953–1964 гг.

Анализ законодательно-нормативных актов эпохи «оттепели» и документов Центрального государственного архива Самарской области показывает, что к началу рассматриваемого периода большинство куйбышевских высших учебных заведений по наличию имевшихся учебно-производственных зданий находились в крайне тяжелом положении. Слабость их материальной базы негативно влияла на учебный процесс. Например, Куйбышевский педагогический институт в 1953–1954 учебном году с 1710 студентами дневного и 2800 студентами заочного отделений был размещен в учебных корпусах общей площадью 7204 кв. м.² По санитарным нормативам на одного студента дневного отделения положено было иметь 12 кв. м. учебно-лабораторных площадей, а в институте на одного учащегося приходилось 4,2 кв. м., т.е. почти в 3 раза меньше.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в других институтах. По нашим подсчетам, все вузы города не соответствовали санитарно-гигиеническим нормам и, прежде всего, не были обеспечены необходимым количеством учебно-лабораторных зданий. Так, Куйбышевский индустриальный институт в 1952–1953 учебном году арендовал небольшое помещение для проведения учебных за-

ятий, так как собственное здание было занято рабочими завода им. Фрунзе. Ограниченность аудиторного и лабораторного фонда привела к тому, что занятия в институте проводились в три смены³.

Куйбышевский авиационный институт занимал два учебных корпуса, один из которых принадлежал плановому институту. В учебных корпусах обучались только студенты дневного отделения, эти же помещения служили общежитиями для учащихся⁴.

Куйбышевский плановый институт располагался на двух этажах инженерно-строительного института (ныне архитектурно-строительная академия). Условия для учебного процесса были тяжелые: помимо нехватки учебных площадей, вуз не располагал читальным и спортивным залами, необходимыми учебными лабораториями и кабинетами⁵. Хотя контингент студентов в 50-х гг. не увеличился, а, наоборот, в отдельные годы снизился (в 1953 г. на дневном отделении обучалось 886 студентов⁶, в 1958 г. — 545⁷), тем не менее, институт испытывал значительный недостаток в учебных площадях.

Трудное положение складывалось у высших учебных заведений и с общежитиями для студентов. В 1953 г. лишь общежитие планового института вмещало в себя практически всех иногородних студентов. Так, из 438 нуждающихся в жилье, 358 были размещены в общежитии, остальные — на частных квартирах, оплачиваемых вузом⁸. Руководству педагогического института удалось устроить в общежитие только 37% студентов. У авиационного института в одном из учебных корпусов располагалось женское общежитие площадью 163 кв.м., где проживало 46 девушек. В лабораторном корпусе размещалось мужское общежитие, где проживало 186 юношей на площади 748 кв.м⁹. Но имеющиеся площади всех нуждающихся в

¹ Куйбышевский индустриальный институт имени В.В. Куйбышева в 1962 г. переименован в Куйбышевский политехнический институт имени В.В. Куйбышева.

² Центральный государственный архив Самарской области (далее ЦГАСО). Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 488. Л. 4.

³ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 559-А. Л. 14.

⁴ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 84. Л. 4.

⁵ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 629. Л. 5.

⁶ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 284. Л. 2.

⁷ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 514. Л. 1.

⁸ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 284. Л. 2.

⁹ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 84. Л. 120–121.

жилые студенты не вмещали, поэтому 63% студентов института размещались на частных квартирах, большинство из которых располагалось на окраинах города, и было лишено самых элементарных удобств¹.

Иногородние студенты индустриального института также вынуждены были жить в учебных корпусах². Таких студентов в 1953 г. было 377 человек, остальным 612 вуз снимал квартиры³. В 1954 г. институт сдал в эксплуатацию два новых общежития и физический корпус⁴. Строительство общежитий позволило освободить учебные корпуса от проживающих в них студентов. Однако одно общежитие на 220 мест заняли рабочие строительного треста № 24⁵, что привело к тому, что в 1954 г. в общежитии индустриального института проживало лишь 37% иногородних студентов, а остальные — на частных квартирах.

Таким образом, к началу изучаемого периода материально-техническая база высших учебных заведений г. Куйбышева не отвечала требованиям, предъявляемым к высшей школе. Разумеется, отмеченные недостатки требовали от центральных и местных властей, а также руководства вузов усилить внимание к материальному обеспечению учебной деятельности, строительству учебно-лабораторных зданий и сооружений, общежитий, спортивных комплексов, совершенствованию учебно-лабораторного оборудования. Так, правительство провело ряд мероприятий по упорядочению подготовки специалистов с высшим образованием, по итогам которого обязала Госплан СССР предусмотреть в проектах народно-хозяйственных планов на 1955—1960 гг. необходимые капитальные вложения на строительство и оборудование высших учебных заведений⁶. Последствия принятых решений мы рассмотрим на примере Куйбышевского индустриального (будущего политехнического) института.

В конце сентября 1955 г. Государственная комиссия приняла еще одно общежитие индустриального института (на 500 человек)⁷. В итоге вуз стал располагать общежитиями на 1023 человека⁸. Среднее число студентов института, проживающих в общежитии, в 1953—1959 гг. составляло 739 человек, а среднее число студентов проживающих на частных квартирах, оплачиваемых вузом, соответственно — 549 человек.

В 1960 г. наметился очередной разрыв между потребностями учебного процесса (увеличение набора сту-

дентов) и материальной базой индустриального института. Если в 1953 г. в институте числилось 2320⁹ студентов дневного отделения, то в 1960 г. — 4286¹⁰. Вуз был вынужден, как уже указывалось, проводить занятия в три смены. Студенты, нуждающиеся в жилой площади, вновь стали проживать в учебных корпусах¹¹. Положение удалось в определенной мере исправить лишь в 1962 г., когда за институтом стали значиться три учебных корпуса и три общежития¹². В итоге, среднее число студентов политехнического института, проживавших в общежитии, в 1960—1964 гг. составило 1245 человек, а среднее число студентов проживающих на частных квартирах, которые оплачивал вуз, — 919 человек.

Приблизительно такая же картина наблюдалась и в авиационном институте, который располагал двумя учебными корпусами и зданием городской школы. В 1955 г. в учебных корпусах института проживали 223 студента, а 456 — на частных квартирах, оплачиваемых вузом¹³. Освободить учебные корпуса от проживания в них студентов удалось в 1960 г., когда удалось сдать в эксплуатацию первое студенческое общежитие авиационного института. Однако в нем отсутствовали элементарные условия для проживания. Студентам не хватало кроватей, матрацев, умывальных кранов, душа, прачечной¹⁴. К тому же общежитие было перегруженным и не могло вместить в себя всех нуждающихся. Многие студенты продолжали снимать комнаты, и таких в 1960 г. было 69%.

Тем не менее, в 1960 г., набор студентов авиационного института увеличился, несмотря на то, что фонд учебно-производственных и жилых помещений не отвечал реальным потребностям вуза. В 1953 г. на дневном отделении института обучались 1153 студента¹⁵, а в 1960 г. уже 2629¹⁶. Следует отметить, что ректорат неоднократно обращался в органы местной власти и ставил вопрос о строительстве крайне необходимого вузу учебно-лабораторного корпуса, а также студенческого общежития. В результате было получено разрешение на сооружение учебных зданий, для строительства которых институту выделили землю около Ботанического сада. После утверждения проектно-сметной документации, вуз развернул капитальное строительство учебного корпуса, однако его строительство и введение, в эксплуатацию по объективным и субъективным причинам

¹ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 100. Л. 106.

² ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 559-А. Л. 14.

³ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 261. Л. 14.

⁴ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 559-А. Л. 11.

⁵ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 639. Л. 16.

⁶ Высшая школа. Основные постановления, правила, приказы и инструкции / под ред. Л.И. Карпова, В.А. Северцева. - М., 1957. С. 15.

⁷ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 342. Л. 1.

⁸ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 639. Л. 4.

⁹ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 261. Л. 14.

¹⁰ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 466. Л. 1.

¹¹ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 731. Л. 10.

¹² ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 877. Л. 21.

¹³ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 4. Д. 19. Л. 15.

¹⁴ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 219. Л. 31.

¹⁵ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 84. Л. 121.

¹⁶ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 208. Л. 3.

затягивалось. Таким образом, и к середине 1960-х гг. не удалось расширить аудиторный и жилищный фонд авиационного института.

В 1955–1956 учебном году педагогический институт получил два новых корпуса под общежитие, вследствие этого количество мест в студенческом общежитии увеличилось практически в два раза, с 306 до 600¹, что позволило разместить в общежитии около 47% студентов. В 1956–1962 гг. среднее число студентов, проживавших на частных квартирах, оплачиваемых вузом, составляло 375 человек. Несмотря на то, что контингент студентов дневного отделения педагогического института увеличивался незначительно и в 1960 г. составлял 1778² студентов, учебные занятия в институте проходили в 2–2,5 смены³.

Плановый институт на протяжении всего изучаемого периода располагался в здании инженерно-строительного института и в 1963 г. занимал всего 22 учебные аудитории. Согласно заключениям экспертной комиссии, это здание находилось в аварийном состоянии. Полы учебных помещений в коридорах могли вынести только ограниченную нагрузку ввиду слабости несущих балок⁴. Администрация вуза неоднократно ставила перед местными органами власти вопрос о возвращении институту его учебного корпуса. В 1961 г. после постройки учебного корпуса авиационным институтом было принято решение о возвращении здания. Но и данная мера оказалась недостаточной: на протяжении 1950–60-х гг. плановый институт по-прежнему располагался главным образом в здании инженерно-строительного института, и испытывал потребность в существенном расширении аудиторного фонда.

Следует отметить, что серьезные недостатки в материально-бытовом обеспечении студентов были и в других вузах г. Куйбышева. Так, крыши общежитий педагогического института постоянно протекали, в корпусах не было прачечных, душевых комнат⁵, многие жилые комнаты плохо отапливались, студентам не хватало мягкого и жесткого инвентаря⁶.

Студенты политехнического института неоднократно жаловались на плохую работу санитарных узлов и душевых кабин⁷, плохую звукоизоляцию в общежитии⁸. Все это создавало тяжелые условия как для подготовки студентов к занятиям, сдаче зачетов и экзаменов, так и для отдыха.

Отмеченные недостатки в положении высших учебных заведений и студенчества в 50–60-х гг. XX века являлись предметом пристального интереса Министерства высшего образования СССР и Центрального комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений. Одним из способов их преодоления стали Всесоюзные смотры-конкурсы по жилищно-бытовому обслуживанию студентов, содержанию студенческих общежитий вузов и студенческих городков⁹. Они имели цель не только улучшить жилищно-бытовые условия общежитий, но и стимулировать процесс совершенствования воспитательной работы в общежитиях, развития студенческого самоуправления, формирования здорового образа жизни учащейся молодежи.

Администрации, профкомы и студенческие советы многих вузов активно боролись за выполнение условий Всесоюзного смотра-конкурса. Одним из победителей конкурса того времени стал коллектив Куйбышевского индустриального института, которому была присуждена вторая премия в 1956–1957 учебном году¹⁰ и пединститут, награжденный премией и переходящим Красным знаменем Министерства просвещения РСФСР за выполнение условий Всесоюзного конкурса на лучшую организацию труда и отдыха студентов в 1958 году¹¹. В то же время Куйбышевский плановый институт в 1956–1957 учебном году получил серьезные замечания от организаторов конкурса за невыполнение его условий¹².

Отметим, что авиационный институт регулярно становился победителем общественных смотров общежитий, ему присуждалось первое место по городу и вручалось переходящее Красное знамя Обкома союза. При этом следует обратить внимание на тот факт, что помещения общежитий вуза не были приспособлены под общежитие, а в каждой комнате, как правило, проживало 8–12 человек, а в отдельных комнатах до 21 человека¹³.

С большими сложностями шло формирование блока общественного питания в вузах г. Куйбышева. Обслуживание студенческих столовых в рассматриваемый период осуществлял Куйбышевский городской трест столовых и ресторанов. Согласно заключениям экспертной комиссии¹⁴, проводившей мероприятия по улучшению работы столовых и буфетов высших учебных заведений, большим спросом среди студентов пользовались: тушеная капуста, винегрет, картофельное пюре, пирожки, блинчики, пончики. Но их качество, ассортимент и калорий-

¹ ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 587. Л. 248.

² ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 845. Л. 1.

³ ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 1048. Л. 20.

⁴ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 677. Л. 7.

⁵ ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 646. Л. 244.

⁶ ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 583. Л. 20.

⁷ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 496. Л. 9.

⁸ ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 498. Л. 11.

⁹ Высшая школа. Основные постановления... Указ. соч. С. 483.

¹⁰ ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 383. Л. 35.

¹¹ Молодой учитель. Куйбышев, 1958. № 27.

¹² ЦГАСО Ф. Р-3572. Оп. 6. Д. 383. Л. 24.

¹³ ЦГАСО Ф. Р-3951. Оп. 2. Д. 84. Л. 121.

¹⁴ ЦГАСО Ф. Р-2321. Оп. 9. Д. 92. Л. 64.

ность не соответствовали санитарным нормам и реальным потребностям студентов.

Экспертная комиссия рекомендовала столовой педагогического института организовать приготовление горячих завтраков, ужинов и диетических блюд для студентов. Комиссия отметила, что в столовой торговали главным образом дорогостоящими кондитерскими и колбасными изделиями. В продаже не было бутербродов, булок, сосисок, котлет, пирожков, молоко, кефира, которые пользовались большим спросом у студентов.

Среди недостатков в работе студенческих столовых комиссия отмечала и плохую пропускную способность всех столовых г. Куйбышева. Скорее всего, это было связано с тем, что студенческие столовые были недостаточно оснащены технологическим оборудованием, инвентарем, кухонной и столовой посудой, приборами. Также отмечалась крайне неудовлетворительная организация питания студентов по абонементам. Например, в авиационном институте вместо 1110 студентов по абонементам питались только 150 человек, в индустриальном институте — 50, в педагогическом — 17.

В 1954 г. столовые политехнического, а в 1955 г. и педагогического институтов расширили свою работу за счет перевода студентов на самообслуживание. Если раньше они затрачивали на обед больше часа, то по введенному новому методу обслуживания данное время сократилось до 20–30 минут¹. К 1957 г. почти все студенческие столовые города наладили свою работу подобным образом.

В конце 50-х гг. вопрос о расширении самообслуживания в образовательных учреждениях был поднят на государственном уровне. В июне 1959 г. ЦК КПСС и Совет Министров приняли постановление о расширении самообслуживания в детских учреждениях, школах, вузах. Согласно новому постановлению студенты должны были проводить необходимые работы по поддержанию чистоты и порядка не только в общежитиях, столовых, но и в учебных помещениях, а также выполнять работы по ремонту и строительству общежитий, спортивных сооружений, учебных зданий и т.д.²

К 1960 г. институты достигли определенных результатов в развитии самообслуживания, состояние многих общежитий и учебных корпусов заметно улучшилось. В немалой мере этому способствовало то, что графики дежурств составлялись заранее, а студенты выполняли свою работу добросовестно, уборка помещений производилась не только своевременно, но и более качественно.

Исходя из вышеизложенных фактов, мы можем утверждать, что материально-бытовые условия вузов г. Куйбышева в 1953–1964 гг. были крайне тяжелыми. Учебные корпуса были сильно перегружены, что заставляло проводить занятия в 2–3 смены. Силами студентов проводился не только ремонт и строительство зданий, но и работы по поддержанию чистоты и порядка в общежитиях, столовых и в учебных помещениях института. В рассматриваемый период студентам удавалось сочетать и учебу и общественно-полезный труд.

Социальное значение повышения образованности крестьян, специфика школьного строительства на Ставрополье

Скляр Лидия Николаевна, кандидат исторических наук, доцент
Ставропольский институт экономики и управления имени О.В. Казначеева

Реформы в аграрном секторе страны, активно проводившиеся во второй половине XIX века, и укреплявшиеся на этой основе капиталистические отношения в сельскохозяйственном производстве непременно требовали увеличения уровня грамотности среди крестьян, выступавших с этого времени в качестве субъектов на рынке товарной продукции. Историческая эволюция школьного дела в России показывает, что самодержавие в целом лояльно относилось к образованности населения и даже само инициировало этот процесс, но при этом постоянно использовало некоторые ограничительные меры, дававшие возможность регулировать социальную активность сельских жителей.

Преобразования в пореформенный период коснулись не только экономических аспектов государствен-

ного развития. Как известно, они затронули практически все стороны жизни российского общества, что стало главной причиной активизации антиправительственных политических сил. Этот процесс, безусловно, связывался с распространением революционных идей, а локализация его негативных последствий виделась в ограничении доступа простого населения к передовым идеям государственного устройства, которые в то время широко дискутировались в кругах народников и представителей других течений и движений. Поэтому в действиях правительства в области образования чувствовалась некоторая осторожность, связанная, прежде всего, с опасениями по поводу проникновения и распространения свободолобивых демократических тенденций

¹ ЦГАСО Ф. Р-2304. Оп. 1. Д. 587. Л. 248.

² ЦГАСО Ф. Р-2343. Оп. 14. Д. 731. Л. 85.

в сельскую среду. Вместе с тем, полностью перекрыть всякий доступ населения к грамоте было невозможно, поскольку экономический прогресс, затронувший деревню, требовал повышения профессионального уровня основных производителей, да и рыночные отношения сделали сельское общество более открытым и подверженным влиянию извне.

Россия знает множество реформ в области народного образования, которые проводились практически каждым самодержавным правительством. Однако преобразования, начатые в 1860-е годы, качественно отличались от предыдущих попыток сделать школу образцовой тем, что они диктовались не популистским желанием конкретного императора повысить свой авторитет в народе, а коренной ломкой жизненного уклада, хозяйственной и политической конъюнктуры, государственного строя в целом. В этой связи вполне оправдано считать, что именно в эти годы школа, как социальный институт, получила реальную возможность не только обучать грамоте, но и формировать новую личность с качествами, соответствующими более высокой ступени развития общества.

Н.В.Чехов, например, считает, что активное движение в школьном деле началось даже раньше объявления реформ, а именно с конца 50-х годов XIX века [1, с. 26]. Правда реальный рост учебных заведений и увеличение учащихся в школах, в том числе в Ставропольской губернии, приходится все же на более поздний период. Процесс реорганизации школьного дела вызревал в течение нескольких десятилетий с первой половины столетия. Подготовка мероприятий в этом отношении началась ещё до отмены крепостного права, так как неразрывность освобождения крестьян и приобщение народа к образованию и культуре стала очевидной. Если придерживаться хронологии, то сразу же после крестьянской реформы остро стал вопрос о преобразовании школы. В этом отношении К.Д.Ушинский писал, что «народ наш дозрел, наконец, до той степени, когда учение его сделалось неизбежным жизненным вопросом» [2, с. 259]. Новые исторические условия, развитие капиталистических отношений в стране требовали формирования широкого слоя образованных людей. Необходимо было ликвидировать безграмотность, создать четкую систему образования и подготовки преподавателей.

Об уровне образованности сельского населения Ставропольской губернии по состоянию на исследуемый период свидетельствуют данные первой всеобщей переписи населения, согласно которой количество грамотных в регионе составляло 12,7% [3, с. 6]. После того как в губернии начала активно формироваться структура сельских населенных пунктов, в 1870-е годы стало быстро расти количество сельских школ, значительно улучшилась подготовка учителей, так как к этому времени в губернском центре полноправно функционировала одна из лучших мужских гимназий в стране. Статистика свидетельствует, что только в 1879 году в сельских уездах гу-

бернии было открыто 10 училищ, а число всех учебных заведений к этому времени достигло 142 [4, с. 52]. Выше уже отмечалось, что на содержание школ выделялись средства из казны, а также практиковались целевые сборы с крестьян по окладным листам.

Соответствующая возросшим потребностям постановка школьного дела в сельской местности требовала подготовки квалифицированных учителей. Понимая важность их роли, правительство в 1870-х годах ввело в практику специальный экзамен на звание учителя, к сдаче которого допускались выпускники средних учебных заведений: мужских и женских гимназий, духовной семинарии. Следует отметить, что приоритет обучения в это время все еще оставался на стороне мужского пола, и это было связано не столько с политикой правительства в области женского образования, сколько с патриархальными традициями в семьях, где считалось, что женщине образование не обязательно, а желательно. Традиционно в русских семьях независимо от состояния родители старались, прежде всего, дать образование сыновьям, нежели дочерям. К началу нового столетия положение стало в корне меняться. В стране начали создаваться смешанные школы, где девочки могли учиться совместно с мальчиками, однако, процент обучавшихся девочек оставался намного ниже.

Такое положение было характерно и для сельской местности, но и здесь постепенно обучение девочек становилось нормой. Со временем некоторые из них овладевали знаниями в такой степени, что стремились непременно стать учителями. Правило сдачи спецэкзамена распространялось и на них. В качестве примера можно привести прошение дочери священника Марии Скрынченко, о том, что она желает поступить на должность учительницы в Александровское училище, и просит Управу допустить её сдать экзамен [5, с. 67]. Тем не менее, учителей мужчин было больше, да и процент грамотности среди них был намного выше — 20,4% по сравнению с 4,6% у женщин.

В сельской местности Ставропольской губернии в исследуемый период основными типами учебных заведений являлись начальные и одноклассные училища, а также школы грамотности. Их деятельность осуществлялась на основе положения от 14 июля 1864 года. Наблюдение за их работой осуществлял в уезде училищный совет, в который входили представители министерства народного просвещения, внутренних дел, православного духовенства, местных властных структур. Поскольку в губернии председателем училищного совета являлся епархиальный архиерей, то все вопросы народного образования контролировались и направлялись при решающем участии духовенства.

Основная задача сельской школы была не только образовательная, а, скорее, воспитательная, основанная на принципах православной веры. Церковь рассматривала обучение детей простым истинам как своего рода внутреннюю миссию. В этом отношении А.Х. Пашаев от-

мечал, что широкое распространение учебных заведений в сельской местности происходило при непосредственном участии и активной деятельности «Общества распространения народного образования», созданного в Ставропольском губернском центре в 70-е годы XIX века [6, с. 113]. Деятельность этого общества в целом являлась весьма плодотворной. К концу пореформенного периода процент грамотных в Ставропольской губернии был более чем в полтора раза выше, чем в среднем по России и составил 43,7%. Согласно обзору Ставропольской губернии в 1886 году на Ставрополье функционировали четыре средних учебных заведения, два низших, тринадцать частных и сто сорок четыре начальных [7, с. 56].

Основным и самым распространенным типом учебных заведений были начальные училища. Они делились на приходские и церковно-приходские. Первые финансировало министерство народного просвещения, а вторые — получали дотацию от синода, но выделявшихся средств, как правило, не хватало, поэтому основная тяжесть содержания всех школ ложилась на сельские общества. Следует отметить, что тяга сельских жителей к обучению детей была очень велика. Просвещение являлось как раз той социальной областью, которая с пользой для дела сочетала в себе крестьянские потребности и направления правительственной деятельности. Многочисленные свидетельства в этом смысле представляют архивные документы. Их анализ дает возможность говорить о том, что жажда знаний, желание научиться читать и писать у сельского населения в значительной степени преобладали над корыстью и жадностью. Поэтому оно в большей части селений Ставропольской губернии охотно жертвовало значительные суммы на устройство помещений для училищ, содержание персонала и усовершенствование учебного процесса [8, с. 49].

В 1880-е годы церковь существенно увеличила свое влияние на систему просвещения. В этой связи значительная часть начальных учебных заведений: школы грамоты и церковно-приходские училища перешли в ведение православного духовенства. Кроме того, местными епархиями в сельской местности создавались свои школы грамоты, дававшие самые элементарные навыки в письме, чтении и счете. Образование, получаемое в этих школах, во многом уступало программам министерства народного просвещения, тем не менее, в церковно-приходских

школах наряду с законом Божьим и церковным пением преподавались такие учебные дисциплины как арифметика, русский язык и чистописание [9, с. 11]. Установившаяся тенденция была узаконена 13 июня 1884 года, когда император Александр III утвердил «Правила о церковно-приходских школах». Перед ними ставились в первую очередь задачи религиозного воспитания учащихся. Естественно, что своими действиями правительство в данном случае преследовало чисто политические цели — противопоставить церковное учение возраставшей тяге к естественным знаниям.

Задачи в области народного просвещения решались на Ставрополье двумя типами церковно-приходских училищ: одноклассными и двухклассными. Специально для них были изданы начальные уроки закона Божьего, букварь церковно-славянского языка, Евангелие, Псалтырь. Учебные руководства и пособия для учителей церковно-приходских школ выпускались централизованно и непременно с одобрения Синода [10, с. 295]. Благодаря вполне достаточному государственному финансированию к 1900 году количество школ церковного ведомства и министерства народного просвещения в сельской местности уравнилось. По «Правилам» 1884 года церковно-приходские школы были изъяты из ведения местных училищных советов. С этого времени не только открытие, но и все управление школьными делами являлось прерогативой духовного ведомства.

Несмотря на затрачиваемые средства, большинство школ размещалось в тесных церковных сторожках или в наемных помещениях, преподавали в них в основном священнослужители, которые сами порой слабо разбирались не только в правилах грамоты, но и православных канонах. Например, в селении Богородицком существовала церковная школа, которая помещалась в церковной сторожке, а грамота преподавалась местным священником без всякой платы [11, с. 11]. Мы уже обращали внимание на то, что в церковно-приходских школах на первом месте стояли вопросы духовного воспитания, считалось, что только на этой основе можно сделать человека образованным. По словам историка Н.В. Чехова эти школы были призваны «больше воспитывать, чем учить, более сообщать навыков, чем знаний, больше развивать религиозные чувства, чем ум ребенка» [12, с. 100].

Литература:

1. Чехов Н.В. Народное образование в России. — М., 1912.
2. Ушинский К.Д. Вопросы о народных школах. Т.2. — М.-Л., 1948.
3. Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 год. — Ставрополь: Издание центрального статистического комитета МВД, 1905.
4. Обзор Ставропольской губернии за 1879 год. — Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1880.
5. ГАСК. Ф. 95. Оп. 1. Д. 8630. Л. 67.
6. Пашаев А.Х. Очерки истории народного образования на Кавказе в XIX — начале XX вв. — Баку: Изд-во АПИ им. В.И.Ленина, 1991.
7. Обзор Ставропольской губернии за 1886 год. — Ставрополь: Типография Губернского Правления, 1887.

8. ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 294. Л. 49.
9. ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 255. Л. 11.
10. Стрелов В.И. Становление и развитие церковно-приходских школ Ставропольской губернии в XIX — начале XX века//Церковь и общество. — Ставрополь, 2004.
11. ГАСК. Ф. 58. Оп. 1. Д. 294. Л. 11.
12. Чехов Н.В. Народное образование в России. — М., 1912.

2. ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

О трагическом и комическом в современной рецепции исторического опыта римской имперской системы

Волошин Дмитрий Алексеевич, кандидат исторических наук, доцент
Армавирская государственная педагогическая академия

Вряд ли можно поспорить с утверждением, что «политическая история человечества по большей части — это история империй» [5, с. 3]. Настоящее время ознаменовано впечатляющим взлетом «имперских орлов»; причем, сегодня мы можем наблюдать не только очередной этап генезиса собственно имперской идеи. Генетически восходя к Риму, слово «империя» (как замечает С.В. Ткачев) входит в нашу обыденную жизнь в названиях развлекательных журналов, компаний, магазинов — и при этом предполагаются исключительно положительные коннотации этого слова. В общественно-политической публицистике «империя» — слово, звучащее уже постоянно; в качестве эпитета им «награждают» Россию, США и реге ЕС; в западной, и особенно американской, политологии проблематика империи переживает своего рода новое рождение.

Рис. 1. Иллюстрация к ст. Дж. Р. Педена «Инфляция и падение Римской империи»

Как известно, соблазн мирского величия — один из самых сильных [2, с. 160]. Рим претендовал на то, чтобы стать государством вселенским, единственным во всемирной, совпадающим по своим масштабам со всем цивилизованным миром. Римская империя мыслила себя... скорее не как государство, а как цивилизованное и поли-

тически организованное человечество... [2, с. 123—124]. Однако все империи смертны. В своей работе «Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй» А.П. Никонов пишет: Но отчего-то падение великих империй отзывается в человеческих душах камертоном высокой трагедии и возникает странное ощущение... Ощущение непонятной утраты. Порой оно появляется, даже если человек в этой империи никогда и не жил... [4, с. 7]. И в этом смысле очередной исторический Secret de Polichinelle прост: «на ландшафте истории империи обнаруживают странную особенность — их тайна и смысл раскрываются постфактум, с точки зрения Вечности. Воспринимаемые при жизни как подчас несносное бремя, империи, превращенные в миф, начинают жить своей особенной жизнью, волнуя и притягивая как магнит, мороча головы миллионам, едва зарастут сорняками колонны и храмы их капитолиев» [6, с. 142].

Одна из особенностей римского имперского мифа заключается в его потрясающей резистентности внешним историческим обстоятельствам, способности к саморегенерации, в результате которой могут меняться частности и детали в интерпретации тех или иных событий сакрализованного прошлого Populus Romanus [2, с. 149]. Современной же рецепции исторического опыта Римской империи в равной степени присущи трагические и комические моменты (как известно, комическое и трагическое по отношению друг к другу являются логическими коррелятами). При этом можно обозначить закономерность: вглядываясь в прошлое Римской империи, мы подмечаем и наделяем особой значимостью в первую очередь те ситуации, которые ясно и недвусмысленно перекликаются с реалиями жизни современной. Т.е., подобное «узнавание» самих себя в формате «здесь и сейчас» применительно к событиям далекого прошлого заставляет относиться к проблеме извлечения исторических уроков более чем серьезно. А чертами комического наделяются не только «узнаваемые» факты и ситуации, но и то, что не может быть понято и логически объяснено вследствие причин ментального свойства, отсутствия должной подготовки, а подчас и просто научного интереса. И в особенности это применимо к России (традиционно напрямую никогда не идентифицировавшей себя с империей Рим-

ской), где историческая память слишком коротка даже применительно к собственному прошлому, а исторические уроки, как подчас кажется, и вовсе никогда не будут усвоены.

В исторических уроках Римской империи нас тревожат такие актуальные и злободневные темы, как: тяжесть и несправедливость налоговой политики в Империи, направленной, по сути, против широких слоев населения; невозможность заработать честным путем, повлекшая за собой не только протестные настроения, но и массовое возникновение банд грабителей. Также обращают на себя внимание вопиющее социальное расслоение; то, что Римская империя эпохи упадка была миром сибаритствующих олигархов, окруживших себя личной охраной в своих виллах; разорение и исчезновение «среднего класса», инфляционные процессы (Рис. 1), а также действующие в унисон богатые слои населения и правительство. Многие подмечают пагубность распространившейся в Империи политики поиска покровителей, размах коррупции на фоне многочисленных, но неэффективных попыток борьбы с ней. Одним словом, в данном случае речь идет о тех процессах и проявлениях результатов внутренней политики, которые заставили в свое время римлян «смотреть на собственное государство как на злейшего врага» [13].

Категория трагического в вышеобозначенном контексте отражает острейшие противоречия, коллизии далекого прошлого, те ситуации и обстоятельства, которые разворачивались в процессе крушения Римской империи и которые сопровождалась человеческими страданиями на уровне повседневности, гибелью прежних ценностей. При этом трагическое в гибели Римской империи родственно прекрасному и возвышенному в том, что оно неотделимо от идеи величия — величия Государства. «Империя — это монументальное величие человека, стремящееся к реализации некоей сверхзадачи. Эта монументальность отличительная характеристика универсалистского имперского мироощущения». И далее, в своей статье «Трагедийный аспект имперского бытия» А.А. Цуркан пишет: «Величие империи идет рука об руку с трагедийностью переживания ее истории. Она оказывается обратной стороной этого величия, и не случайно Г. Ферреро называет свой монументальный труд, посвященный истории Рима, «*Grandezza e decadenza di Roma*». Галерея трагических образов, почерпнутых из имперской истории Европы, дает на протяжении столетий почву для размышлений выдающимся представителям европейской литературы — от Данте и Шекспира до Мережковского и Иосифа Бродского» [6, с. 142–143].

В сегодняшней России особый трагизм в осмыслении «имперской темы» (равно как и неожиданная ее актуальность) связаны с неизжитыми советскими амбициями, с чувством государственной ущемленности и прочими социально-общественными мотивами [1, с. 112]. А.И. Любжин [3] говорит о двух мощных ассоциативных рядах, вызываемых у нас словом «Империя» (с одной стороны, «тюрьма народов» и беспросветный гнет правящей верхушки, с

другой — русские орлы на альпийских высотах и за Балканами у стен Константинополя). Закономерно побеждать стал второй...

И это не случайно. Так, Э. Паин заметил: в России сохранился и в настоящее время воспроизводится взаимосвязанный комплекс факторов, который можно называть «имперским синдромом». Он состоит из следующих основных элементов: первый элемент — «имперское тело» — территория, сохраняющая рубцы колониальных завоеваний, второй элемент — «имперское сознание», включающее сложный комплекс традиционных стереотипов, например, имперские амбиции, третий элемент — «имперский порядок». Это, прежде всего, наднациональный политический режим, сущность которого состоит в том, что государственная власть отчуждена от нации (общества) и рассматривает народ своей страны если не как покоренное население, то уж, во всяком случае, всего лишь как послушных поданных, как трудовые ресурсы и сырье для политического манипулирования.

Если обратиться к современному Западу, то можно заметить: престиж римской цивилизации в западном мире сегодня низок как никогда: торжество римской символики во времена американской революции стало прощальным приветом Рима Западу — сейчас Рим стал скорее символом отупляющей цивилизации (так обозначает современную ситуацию в своей известной статье «Второе падение Рима» М. Линдт). Тем не менее, идея «Вашингтон — Новый Рим» в настоящее время мало кем оспаривается системно и всерьез.

В этой связи хотелось бы отметить три недавно вышедшие в Принстоне и Оксфорде книги, посвященные империям: «Империи в мировой истории» Дж. Бербанк и Ф. Купера [7], «Правление империй» Т. Парсонса [12] и «Империя свободы» Р. Иммермана [8]. Первые две работы представляют собой попытки систематического изучения империй; в труде Р. Иммермана особое внимание уделяется критике имперских устремлений США. При этом (что является знаковым) ни одну из этих работ нельзя назвать апологией США. Авторы всех трех работ гораздо меньше обеспокоены тем, что номинально представительские учреждения уступают место авторитарным лидерам, и существенно больше — тем, как одно государство или этническая группа расширяют свое влияние и часто территорию за счет других. Подобная расстановка приоритетов не вызывает удивления, ведь большинство работ по империям появилось в ответ на серию интервенций, предпринятых Соединенными Штатами после окончания «холодной войны».

Авторы пишут: проводимая империями политика особенно жесткой бывает на периферии — там, где и возникают вызовы. Границы никогда не бывают четко зафиксированными и стабильными: даже Римская, Китайская и Берлинская стены были местами возникновения волнений. Часто блестящие и беспощадные командиры, которым удавалось захватить власть над империей, — Юлий Цезарь, Чингисхан, Наполеон Бонапарт — начинали свои

кампании на периферии и продвигались внутрь, стремясь к богатым провинциям и центру.

Рис. 2. Карикатура «Джордж Буш Младший – римский император»

Римская империя не знает иной реальности, кроме реальности имманентного. Поэтому ценность политико-правовых форм ее бытийствования для носителей и пропагандистов имперской мифологии – вещь несомненная [2, с. 147]. Закончился ли век империй, как полагают многие? После событий 1989 года, происходивших в Европе, американские наблюдатели праздновали наступление «гражданского общества», веря, что, настойчиво используя накопленную силу, организованные группы, в частности церкви, союзы и движения протеста, смогут свергнуть репрессивный бюрократический аппарат. Однако после терактов 11 сентября привлекательность идеи гражданского общества померкла.

Так, в работе профессора Бостонского университета Джозефа Уильяма Джерома «Упорство варваров и высокомерие Империи: вызов сверхдержаве», мы встречаем следующую формулировку: «как и Рим, США пришлось стать империей. Это империя, созданная по необходимости: «события 9/11» пробудили в США уже было задремавшую Империю. Сегодня США столкнулись с той же проблемой, с которой столкнулся в свое время Рим вдоль Рейна и Дуная. К счастью, на современном этапе у США есть преимущество – опираясь на опыт Рима, следует осознать, что война с террором никогда не будет выиграна артиллерией, бомбардировками и насилием (Рис. 2). Варваров этим не остановить – и судьба Римской империи это подтверждает [9, р. 8–10].

Противовесом трагического в восприятии опыта Римской империи выступает комическое. Комическое – это категория, отражающая социально-значимые противоречия римской цивилизации под углом зрения эмоционально-критического к ним отношения с позиций современности. По мнению большинства исследователей, сущность комического состоит в противоречии: комизм той или иной ситуации чаще всего проявляется как результат контраста, противостояния. Таким образом, во всяком комическом противоречии действуют противо-

ложные начала, одно из которых кажется положительным и привлекает к себе внимание, но на деле оборачивается отрицательным свойством.

В исторических уроках Римской империи потомков, как правило, забавляют: снобизм и высокомерие римских правителей, их маниакальная приверженность «римскому мифу» даже в условиях, когда это кажется абсурдом. В современных реалиях достаточно комично и узнаваемо выглядят различные проявления «политического мачизма» (например, тяга к личному участию в гладиаторских боях однажды побудила самого Нерона вооружиться охотничьим копьем и вступить в схватку со львом – но ходили упорные слухи о том, что хищнику предварительно вырвали зубы и порвали главные мышцы); практика показушных «регулярных встреч» (бессмысленных и ни к чему не обязывающих) правителя с народом, обеспокоенность правителей проблемами устройства различного рода грандиозных спортивных мероприятий (задававших своеобразный ритм повседневной жизни в Империи); пропаганда, представлявшая поляризованное и раздираемое противоречиями римское общество преданным и находившимся в полном согласии с властями Империи. Не менее узнаваемыми представляются страсть к массовым зрелищам, всеобщая распущенность, нежелание иметь детей, иждивенчество и прочие пороки римского «общества потребления» (Рис. 3). Также на современном этапе представляются наивными попытки римлян различными способами поднять уровень цивилизованности варваров (в более широком и узнаваемом контексте – народов, которые желают пользоваться благами столь ненавистной им цивилизации, но при этом, ссылаясь на свою этноконфессиональную идентичность, по сути, не желают принимать «правила игры» в новом доме) – и тем самым приспособить «миграцию и мигрантов» к нуждам Империи (а по большому счету, к нуждам ее элит).

Рис. 3. Иллюстрация Т. Лэна к ст. «Опасность жизни ради хлеба и зрелищ»

Распространено мнение, согласно которому комическое отличается от элементарно-смешного именно своей социально-критической направленностью. В этом отношении комическое всегда социально окрашено. Комизм имперской теме Рима придает сам утопический характер импер-

ского проекта. Имперский проект одновременно столь же идеален, сколь и недостижим. Как замечает А.А. Цуркан, недостижимость этого идеала становится очевидной и вызывает снисходительно скептическую усмешку постфактум, после неудачного окончания очередного эксперимента, когда немедленно обнаруживается масса запоздалых провидцев и критиков, со знанием дела разводящих руками (так было в Германии после поражения нацизма или в бывшем СССР после распада Союза). Но пока эксперимент продолжается, все будто зачарованы его ходом и искренне верят в его счастливое завершение. Много ли сомневающихся в «вечности» Рима было после победоносного взлета империи при Траяне или счастливом благоденствии Рах Романа под властью Антонина Пия? [6, с. 144].

Римляне в свое время создали империю не из «страсти к завоеваниям», а из-за «страха быть завоеванными». Но «покой для империи губителен. Это один из парадоксов имперского бытия: империя, в своей сверхзадаче стремящаяся к абсолютному и совершенному покою, крайне тягостно переживает остановку своей экспансии, состояние стазиса, ибо последнее — «момент истины» для тех, кто осуществляет имперское строительство на практике. Наступает момент отрезвления и отказа от прежних, вызывающих насмешку ценностей» [6, с. 145].

Интересны для изучения (а для сторонних наблюдателей — забавны) ситуации и конкретно-исторические обстоятельства, в которых вдруг Империя начинает вести себя не «по-имперски». И здесь скрывается целый комплекс взаимосвязанных факторов, раскрывающих причины подобных «неожиданных» и «возмутительных» казусов. К примеру, В. Каганский отмечает: «Россия — все еще империя, но империя менее, нежели когда-либо за всю свою историю». Также все чаще говорят о том, что претензии на лидерство России презентуются лишь в программных документах, а «былое величие» является «продуктом внутреннего потребления». Таким образом, Россия на сегодняшний день предстает в формате PR-империи для граждан России и «обыкновенной страной» — для всего остального мира (т.е., PR-империя — это поддержание имперской самоидентификации граждан страны в формате тех идеологических установок, которые реализует власть). Социолог Ю. Левада характеризует современное состояние российского общества как период имитации: «Но у нас эпоха имитации прошлого величия... Имитация порядка, страха, доверия, успеха... Все, что не тронешь, все имитация». Данный феномен уже начал последовательно разрушаться под воздействием публичных недружественных актов по отношению к России со стороны не только современных геополитических тяжеловесов, но и руководителей стран, некогда являвшихся республиками СССР.

Литература:

1. Кантор В. Империя как путь России к европеизации // Вопросы литературы. — 2007. — № 4. — С. 112–156.
2. Лурье С.В. От древнего Рима до России XX века: преемственность имперской традиции // Общественные науки и современность. — 1997. — № 4. — С. 123–133.

Также многим представляются достаточно забавными проявления излишнего имперского рвения (если только это самое рвение не направлено на них). Действительно, можно утверждать, что ни одна страна не доминировала так, как США за всю историю со времен Римской империи в области культуры, экономики, технологий и военного дела. Вот только лозунг «Разделяй и властвуй» *Imperium ROMANUM* трансформировался в *Imperium USANUM* и звучит следующим образом: «Освободи и правь»...; а решение проблем самоограничения по примеру Рима (Рис. 4.) представляются американским экспертам неизбежным и жизненно необходимым.

Рис. 4. Карикатура к ст. The Financial Times «Римская империя как пример самоограничения для Обамы»

Таким образом, история Римской империи — неисчерпаемый источник вдохновения мыслителей во все последующие эпохи. Подчас современность может направить это вдохновение против самой истории, усматривая не аналогии, а смысловые тождества между древностью и современностью. Тем не менее, сравнение с гибелью других империй действительно помогает взглянуть на современные российские и многие международные геополитические проблемы в более широком контексте. При этом первостепенный вопрос заключается в том, смогут ли страны, способные действовать как империи, функционировать в рамках международной системы, которая, в отличие от предыдущей, менее иерархична и в большей степени опирается на общность интересов. К тому же, история свидетельствует, что грань между гуманитарными и имперскими интервенциями весьма тонка... [11]. И в то же время, Рим по-прежнему останется тем главным и самым значительным уроком, которого будут пытаться избежать государства, воспринимающие себя (либо воспринимаемые) в формате «Империя».

3. Любжин А.И. Что такое империя? // Россия в глобальной политике. — 2004. — №5 (сентябрь/октябрь) [электронный ресурс] // URL: <http://www.globalaffairs.ru> (дата обращения: 18.12.2011).
4. Никонов А.П. Судьба цивилизатора. Теория и практика гибели империй. — М.: ЭНАС; СПб.: Питер, 2010. — 260 с.
5. Ткачев С.В. Империя как современная полития: Дис... канд. полит. наук: 23.00.01. — Владивосток, 2005. — 217 с.
6. Цуркан А.А. Трагедийный аспект имперского бытия (к вопросу о типологии языческой империи и православного царства) // Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2004. — № 1. — с. 142–161.
7. Burbank J., Cooper F. Empires in World History. — Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. — 528 p.
8. Immerman R. Empire for Liberty. — Princeton: Princeton Univ. Press, 2010. — 286 p.
9. Jerome J.W. Barbarian Tenacity & Imperial Hubris: the Challenge of a Superpower: Boston University Professors Program. — Boston: Boston Univ. Press, 2006. — 127 p.
10. Kennedy P. Rome offers Obama a lesson in limits // The Financial Times. — 2009. — 29 December [электронный ресурс]. URL: <http://www.ft.com> (дата обращения: 03.09.2011).
11. Maier Ch. S. Empire without end: Imperial Achievements and Ideologies // Foreign Affairs: Published by the Council on Foreign Relations. — 2010. — Vol. 89. — № 4 (July/August) [электронный ресурс]. URL: <http://www.foreignaffairs.com> (дата обращения: 23.11.2011).
12. Parsons T. The Rule of Empires. — Oxford: Oxford University Press, 2010. — 496 p.
13. Peden Joseph R. Inflation and the Fall of the Roman Empire // Mises Daily. — 2009. — 07 September (Monday) [электронный ресурс] // URL: <http://mises.org> (дата обращения: 07.11.2011).

Экономическое сотрудничество США и Саудовской Аравии (июль 1943 – июнь 1945 гг.): слова и дела

Дербенев Андрей Сергеевич, студент

Вятский государственный гуманитарный университет (г. Киров)

Международная политика США на ближневосточном направлении все чаще становится объектом внимания политических и экспертных кругов. В конце 2010 – начале 2011 г. арабский мир вступил в полосу народных волнений. В этой связи в научных публикациях по международной тематике можно наблюдать новый виток интереса к изучению региональных и международных процессов на Ближнем Востоке. Стоит отметить, что на сегодняшний день проблема американо-саудовских экономических отношений в 1943–1945 гг. весьма слабо освещена как в отечественной, так и в зарубежной историографии. Использование в данной статье ряда американских дипломатических документов позволяют взглянуть на американо-саудовские отношения в 1943–1945 гг. под новым углом.

В 1943 г. американская внешняя политика на ближневосточном направлении стала существенно инициативнее. Особый вес приобрели американо-арабские отношения. 18 июля 1943 г. американский посол в Эр-Рияде Джеймс Муз вручил верительные грамоты королю Саудовской Аравии Абдель Азизу. Арабский город Джидда стал дипломатической столицей [1].

Деловой интерес официального Вашингтона к Саудовской Аравии стимулировался серьезными положительными сдвигами в экономике обоих государств. Об укреплении хозяйственных позиций США в королевстве свидетельствует то, что американские бизнесмены стали

активнее проникать в главный сектор экономики Саудовской Аравии – нефтяной и тем самым «арабский акцент» в американской внешней политике становился все сильнее. Важное значение для Вашингтона имели факторы экономического взаимодействия с Эр-Риядом. Развивая отношения с Саудовской Аравией, американское внешнеполитическое ведомство строило планы относительно расширения и углубления двусторонних торгово-экономических связей. Это было необходимо по ряду причин. Во-первых, американцы приобретали новых торгово-экономических партнеров и повышали свой международный статус. Во-вторых, американо-арабское сотрудничество в сфере безопасности подтвердило заинтересованность сторон в расширении политического диалога.

В меморандуме на имя президента США 22 декабря 1944 г. госсекретарь представил ряд проектов по расширению долгосрочной финансовой помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза. Основными причинами расширения помощи были: растущие потребности американской экономики в арабской нефти и планы по строительству аэродромов на территории Саудовской Аравии. Кроме того, госсекретарь подчеркнул, что «экономическую поддержку необходимо реализовать в ближайшее время, в условиях острой конкурентной борьбы, развивающейся на арабском нефтяном рынке, ибо другие развивающиеся нации могут опередить нас, что самым

серьезным образом отразится на позициях США в зоне Персидского залива» [2, р.141]. Диапазон проектов был весьма широк.

Первый проект внешнеполитического ведомства США заключался в следующем: по оценкам американских внешнеполитических стратегов для удовлетворения неотложных нужд Саудовской Аравии потребуется 43 млн. долл., американское правительство может предоставить кредит на пять лет. Сущность второго проекта заключалась в том, что Экспортно-Импортный банк США обеспечит финансирование совместных американо-арабских проектов в различных сферах. Третий проект был адресован командованию вооруженных сил США, в котором говорилось: «Оказать помощь Саудовской Аравии посредством строительства аэродромов и связанных с ними коммуникаций, инфраструктуры и направить военных специалистов для обучения арабской армии и создания стратегически важных объектов». Все эти предложения были одобрены командующими сухопутных и военно-морских сил США [3, р.734–735].

Пакет финансовой помощи королевству предполагалось вынести на обсуждение в Конгресс. Некоторые его представители считали, что часть денежных средств Саудовской Аравии попадет в руки бизнесменов Агапсо, а процесс принятия проекта финансовой помощи затянется, как и оказалось на самом деле.

22 февраля 1945 г. руководство Государственного Военно-Морского Координационного Комитета (SWNCC) изложило Ф. Рузвельту свой взгляд на перспективы финансовой помощи Саудовской Аравии в рамках ленд-лиза.

По оценкам специалистов SWNCC для тотальной модернизации Саудовской Аравии потребуется примерно 28–57 млн. долл. в период 1945–1950 гг. Было решено оказать помощь двух видов:

1. В краткосрочной перспективе военное ведомство США должно было обеспечить строительство аэродромов, в частности, сооружение авиабазы в Дахране и создание сети современных дорог.

2. В долгосрочной перспективе предоставить денежные средства для модернизации нефтяных промыслов [4].

В меморандуме Госдепартамент, подчеркивая стратегическую значимость воздушных путей над Саудовской Аравией, указывал на то, что наиболее ценным является арабская нефть для вооруженных сил США. Кроме того «военная миссия и строительство дорог отвечают национальным интересам Соединенных Штатов» [5, р. 852–853].

Важнейшим шагом вперед в американо-саудовских отношениях стала встреча на высшем уровне. Состоявшиеся в феврале 1945 г. переговоры между президентом США Ф. Рузвельтом и королем Саудовской Аравии Абдель Азизом на борту американского военного корабля «Куинси» в Суэцком канале стали важной вехой в истории взаимодействия двух государств. В ходе её президент США подчеркнул интерес американского политического руководства и бизнес сообщества к расширению отношений с Саудовской Аравией [6, р.30–31].

Важным предметом обсуждения двух лидеров явился вопрос о еврейских беженцах в Палестину. Король недвусмысленно намекнул президенту США, что евреям, пострадавшим в ходе Второй мировой войны, должно быть предоставлено жизненное пространство на территории стран «оси», ибо арабы рассматривали еврейскую иммиграцию в Палестину как серьезную угрозу арабскому миру [7, р.29]. Король подчеркнул, что арабы будут всеми средствами противодействовать еврейской миграции в Палестину. По словам полковника Эдди, Абдель Азиз был неуступчив [8, р.34–35.].

Позже Рузвельт направил королю письмо, в котором говорилось, что «американское правительство будет вести диалог по палестинской проблеме как с евреями, так и с арабами, и не будет принимать решения без согласия всех заинтересованных сторон» [9, р.289–290].

Обещание Рузвельта король использовал в дальнейшем при обсуждении палестинского вопроса. Абдель Азиз неоднократно просил руководство США соблюдать заявленные обязательства в отношении евреев.

Помимо Палестины Абдель Азиз поставил вопрос о послевоенном сотрудничестве двух государств. Он прямо спросил Рузвельта: «Будет ли Саудовская Аравия представлять в долгосрочной перспективе интерес для США?» Король заявил: «Стоит ли мне доверять англичанам, когда они заявляют, что будущее моего государства с ними, а не с американцами, что политические интересы США в Саудовской Аравии временны, только на период войны...и что только одна Англия может быть надежным партнером королевства после войны, как это было вначале моего правления?» Рузвельт прислушивался к мнению арабского лидера. После встречи с Рузвельтом Абдель Азиз сообщил Эдди: «Контраст между президентом Рузвельтом и премьер-министром Черчиллем очень велик. Черчилль уклоняется от обсуждения спорных вопросов, стремится не брать на себя никаких обязательств, вынуждая меня неоднократно возвращаться к предмету разговора. Президент же стремится добиться взаимопонимания при обсуждении проблем, развеять мрак и пролить свет на проблему» [10, р.8–9].

На борту крейсера президент США Франклин Рузвельт и король Саудовской Аравии Ибн Сауд подписали соглашение, известное как «пакт Куинси», о праве монополии США на разработку саудовских месторождений. Согласно пакту США получили эксклюзивные права на разведку, разработку месторождений и приобретение саудовской нефти, в свою очередь, гарантируя арабам защиту от любой внешней угрозы. Встреча на высшем уровне стала мощным двигателем американо-саудовских отношений. Абдель Азиз лавировал между США и Британией, отстаивая интересы своего государства. В июне 1945 г. в Конгрессе США проходили слушания о финансовой помощи Саудовской Аравии. Было принято решение отсрочить финансовую помощь королевству. После этих событий Эдди сообщил Абдель Азизу, что единственным источником помощи королевству в сложившейся обстановке

новке является «армия Соединенных Штатов». Эдди считал, что король может отклонить помощь американских военных, так как арабские деловые круги и религиозная элита опасались проникновения американских военнослужащих, поэтому наряду с военной помощью в королевство должна поступать гуманитарная помощь [11, р.913–914].

Анализ различных форм экономической деятельности США в Саудовской Аравии показывает, что все они концентрируются в основном на получении доступа к местным энергоресурсам и другим видам стратегического сырья, таким образом, экономический и нефтяной фактор входили в число ключевых в стратегии США. В Вашингтоне отводили саудовской нефти особую роль в борьбе за сферы влияния на Ближнем Востоке. Американцы оказывая экономическую помощь, предприняли попытку решить проблему добычи и транспортировки

саудовской нефти на территорию своего государства. Американская экономическая помощь стала одним из ключевых в развитии нефтяного сектора саудовской экономики. Это в свою очередь предопределило специфику политической и экономической истории страны и оказывал влияние на изменения в региональном балансе сил. «Американские монополии полностью контролировали добычу нефти в Саудовской Аравии и Бахрейне, 50% — в Кувейте, 25% — в рамках британской концессии «Ирак петролеум компании», кроме того, были представлены и в других арабских странах», — отмечает Б. Кунихолм [12, р.80].

Разработка и реализация американских программ экономической помощи королевству связывалась с развитием нефтяного сектора эмирата. Официальный Вашингтон заложил базу для долгосрочного экономического сотрудничества с нефтяным эмиратом.

Литература:

1. См.: A Guide to the United States History of Recognition, Diplomatic, and Consular Relations, by Country, since 1776: Saudi Arabia. Режим доступа: <http://history.state.gov/departmenthistory/people/moose-james-sayle>
2. Miller A.D. Search For Security: Saudi Arabian Oil and American Foreign Policy 1939–1949. N.C., 1980.
3. Larson H.M. New Horizons, 1927–1950, History of Standard Oil Company. N.J., 1971.
4. Подробнее об отчете специалистов SWNCC см.: Records of the State-War-Navy Coordinating Committee 19, 7 February 1945.
5. Foreign Relations of the United States (далее — FRUS). 1945. The Near East. Vol. VIII.
6. Eddy W.F.D.R. Meets Ibn Saud. N.Y., 1954.
7. FRUS. 1945. Vol. VIII.
8. Eddy W. Op. cit. P. 34–35.
9. Edward R. Stettinius, Jr., Roosevelt and the Russians. Wash., 1949.
10. FRUS. 1945. V. VIII.
11. FRUS. 1945. V. VIII.
12. Kuniholm B. R The Origins of the Cold War in the Near East: Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey, and Greece. N.J., 1980.

Татарская диаспора Восточно-Казахстанской области в XVIII-XIX вв.

Камалджанова Тахира Анваржановна, кандидат исторических наук
Семипалатинский государственный университет им. Шакарима (Казахстан)

Казахстан является полиэтничным государством, поэтому представляется актуальным изучение места и роли каждого этноса в частности и татар в истории становления и развития республики. Выбор периода для исследования — XVIII-XIX вв. был неслучайным, так как именно в это время происходит интенсивное формирование представителей татарской диаспоры на территории Восточного Казахстана. Известно, что татары данного региона в основной своей массе были заняты в торговле: «Татары, переселившиеся сюда из Вятской, Казанской, и Тюменского уезда Тобольской губерний, в промышленности и, особенно в торговле предприимчивы, деятельны, трудолюбивы...» [1, с. 5].

Название «татары», как свидетельствует один из источников — «От скифов до татар» имеет домонгольские корни. Стоит различать два понятия «татары»: одно из них обозначает непосредственное название этнической группы, другое — собирательное название для группы племен, составляющих определенный комплекс, даже если в него входили племена разного происхождения (такое же разделение есть и в понятии «монголы»). Долгое время татарами назывались все тюркоязычные народы каганата. В свою очередь, многие из них присваивали себе это название, т.к. на протяжении многих столетий оно олицетворяло стойкость, величие и непобедимость.

Существует несколько гипотез о происхождении этнонима «татары». Вот некоторые из них: когда началось монгольское нашествие, люди, видевшие передовые отряды армии, в ужасе кричали «тартары, тартары!», что означает «жители ада» (от греческого «тартар» — преисподняя, подземное царство мертвых). В переводе с китайского «та-та» («да-да») обозначает «тащить, тянуть» или «стрелок из лука». В тунисском языке также есть слово, похожее на название «татары», тогда в прямом значении оно переводится как «колонизатор». Также есть мнение, что этноним произошел от слов «тат» — гора и «ар» — житель, то есть буквально «люди, спустившиеся с гор» [2, с. 152]. В казахском языке есть слова «татыр» — солончак, «татыру» — угощать, «тату» — пробовать, дружный, «татулык» — дружба, хорошие приятельские отношения [3, с. 41].

Татары как народ имеют достаточно различий, основанием для которых служит территория проживания, вероисповедание и даже внешний вид. И.В. Ерофеева указывает на то, что в зависимости от места проживания в официальных документах татар упоминают как «казанских», «крымских», «литовских», «оренбургских», «сибирских», «тобольских», «барабинских», «тюменских», «томских», «ишимских». Но эти группы не имели каких-нибудь существенных отличий, т.е. не являлись отдельными племенами [4, с. 232].

Тюрколог с мировым именем В.В. Радлов (1837—1918 гг.) отмечал, что иртышские татары являются смесью вытесненных сюда уже много столетий назад татарских племен. Частью переселившихся в XV-XVI вв. из южных ханств Средней Азии, численно преобладавших поволжских татар, частью переселившихся позднее. Среди причин, способствовавших переселению татар Поволжья в Южную Сибирь, выделяют следующее. С одной стороны — активная русификаторская политика правительства, выразившаяся в насильственной этнической и конфессиональной ассимиляции инородцев России. С другой — правительство своими распоряжениями поощряло рост числа жителей пограничных районов империи [3, с. 42].

Первые сведения о массовых миграциях татар на территорию Казахстана относятся к середине XVIII века. Первоначальными точками расселения во второй половине XVIII в. был Уральск, с 1760 г. царским правительством было разрешено заселение Иртышской линии, и татары устремляются в построенные на ней крепости Петропавловск и Семипалатинск. Приблизительно тогда же стали складываться татарские слободы в Петропавловске и Семипалатинске [4, с. 233].

В 1776 г. генерал-губернатором Западной Сибири «для заложения крепости по новому проекту» был откомандирован капитан И.Г. Андреев... В апреле того же года он прибыл в Семипалатинскую крепость. Вместе с Андреевым прибыло 40 работников, 25 солдат Семипалатинского батальона, 50 тюменских и тобольских служилых татар и 200 ссыльных колодников. В новую крепость

стали переселяться жители старой крепости, военнотружущие [1, с. 59], различные тюркоязычные выходцы из Поволжья, Западной Сибири, Средней Азии и Восточного Туркестана («татары», «сибирские бухарцы», «бухарцы», «ташкентцы», «кашгарцы», «шала-казахи» и пр.), традиционно занимавшиеся посреднической торговлей в казахских кочевьях [4, с. 233]. Как отмечают документы, в то время: «население Семипалатинской области главным образом состоит из инородцев (88,39%), при чем в уездах процент этот еще увеличивается, достигая 93,41 %» [5, с. 8].

С 60-х гг. до середины 90-х гг. XVIII в. семипалатинские торговые татары стали размещаться на территории Меновой слободки, находившейся на полуострове Полковничьем [4, с. 233]. Из-за сильных разливов Иртыша в «1792 г. начальник Сибирской линии генерал-майор Штрандман разрешил перевести на новое место купеческую, или меновую слободку. Отведенное им место позже стало называться Татарской слободкой, где купцы построили гостиничный двор [1, с. 59].

В 1786 г. в районе Новоишимской линии в 40 верстах от крепости Петропавловской татары-переселенцы из Поволжья основали деревню Маулет авылы-Мамлютово, где шесть лет спустя в ходе шестой ревизии (1792 г.) было зарегистрировано 176 душ мужского пола [4, с. 233].

В первой четверти XIX в. торговые татары стали селиться в районе Усть-Каменогорска, где они размещались на левом берегу Иртыша ниже крепости, вблизи менового двора. В 1826 г. там проживало 37 татар. [4, с. 234].

Приехавший в Семипалатинск в июле-октябре 1826 г. известный путешественник и исследователь доктор К.А. Мейер отмечал в городе уже четыре мечети. «Город расположен к востоку от крепости, приблизительно в полверсте от нее. Он довольно большой, и в нем стоят деревянные, в большинстве случаев маленькие и невзрачные дома, четыре деревянные мечети, деревянный же гостиничный двор, очень обветшалое здание таможни, а на северной окраине множество киргизских юрт. В восточной части города в Иртыш впадает маленькая речушка Семипалатинка. Город населяют русские, татары, несколько ташкентцев, несколько немцев и евреев и довольно много киргизов [6, с. 462].

Вплоть до середины XIX в. население «татарских слободок» отличалось определенным непостоянством и неоднородностью этнического состава, и формировалась главным образом за счет внешних миграций. В 1836 г. в Петропавловске проживало 459 татар, в Семипалатинске — 1451 и в Усть-Каменогорске — 210 человек [4, с. 234].

Известно, что татары по роду занятия в основном были купцами и торговцами. Об этом свидетельствуют архивные данные: «... Большое число жителей города было связано с торговлей, поэтому купечество составляло довольно значительный процент его населения ...» [1, с. 63]. Татары вели торговлю мехами, кожей, коврами, тканями, галантерейными товарами, кондитерскими из-

делями, чаем, восточными пряностями и специями, вытесняя из этих сфер торговцев из числа местных народов [7, с. 170]. Вместе с тем, они были одним из самых образованных народов, превышая уровень грамотности по губернии на 20%. Необходимо отметить, что в материалах переписи 1897 г. образовательный уровень татар определяется в трех категориях: грамотные на русском языке (составляли 4,7% от численности татар), грамотные на других языках (27%), имеющие образование выше начального (0,03%) [8, с. 192]. В целом, по Семипалатинской области доля грамотных составляло 6%, среди казахов – 6,5%, русских – 27,5%. [8, с. 189]. По материалам переписи татарский язык в Семипалатинской области находился на 3-м месте по распространенности (9,940 тыс. чел.) [2, с. 155].

Татары по вероисповеданию относились к подавляющей части населения в области – магометанам [2, с. 155], которых по Семипалатинской области составляло 89,8% [5, с. 7]. В социальном отношении большинство татарских переселенцев относились к сословию мещан (37,6%), 28,2% татар являлись крестьянами; 9,9% – казаками и 2,4% – купцами [4, с. 236].

В 80-х г. XIX в. в Семипалатинской области, как и во всей России, создавались попечительские организации и общества. В начале XX века в Семипалатинске действовало более 70 благотворительных обществ. И самое активное участие в их деятельности принимали татары [3, с. 42]. До наших дней сохранились несколько мечетей, в том числе единственная на территории Казахстана двухминаретная мечеть, построенная в 1858–62 гг. на средства местных купцов Сулейменова, Абдышева, Рафикова, Халитова. Одноминаретной мечети, жемчужине татарского края, построенной в 1910 г. на средства купца Латифа Мусина позднее было присвоено его имя. С именами купеческих Мусиных, Халитовых, Рафиковых связано развитие научно-технического прогресса и промышленности в городе. Садык Мусин, основатель династии купцов Му-

синых, «семипалатинских Елисеевых, как называли их на самой крупной в России макарьевской ярмарке, построил первую в округе паровую мельницу» [1, с. 19]. Они же, Мусины, стояли у истоков пароходства на Иртыше. В 1908 г. на пристани верхнего Иртыша уже насчитывалось 46 пароходов и 87 барж, из них 2/3 принадлежали Л.Мусину [9].

Вместе с тем, в г. Семипалатинске стали появляться кожевенные, салотопенные и другие заводы, которые как сообщают документы ни по числу их, ни по размерам производства не соответствовали обилию сырого материала и в техническом отношении стояли на первоначальной ступени развития. Так, мыловаренный завод купца Баймурата Рафикова в 1854 г. имел один мыловаренный чан производительностью 80 пудов. Но постепенно шел рост числа заводов и их производительности. Так, мыловаренный завод Халитова производил не менее 1000 пудов мыла в год. [1, с. 63]. Производительность паровой мукомольной мельницы в 1910 г. составил 1309270 пудов зерна [1, с. 19]. В Усть-Каменогорске зафиксировано 2 мыловаренных, 6 кожевенных заводов, 4 кирпичных [10, с. 36]. Из этого мы видим, что татары по роду занятий были не только купцами занятиями в торговле, но и крупными владельцами промышленных предприятий, создаваемых как в г. Семипалатинске, так и в области [2, с. 63]. Почти все они жили в правобережье и в большом достатке: «дома их составляют лучшую часть города» [1, с. 5]. Самой зажиточной частью Семипалатинска был Татарский край, сохранивший свое название до наших дней. По первой переписи 1882 г. проведенной в г. Семипалатинске численность татар составляло 22,8%.

Таким образом, к концу XIX в. татары стали третьей по численности крупной диаспорой на территории Казахстана (после русских и украинцев) и проживали почти во всех регионах края за исключением Сырдарьинской области.

Литература:

1. Татары Семипалатинского Прииртышья. Центр документации новейшей истории Восточно-Казахстанской области. – Семипалатинск, 1998. – 67 с.
2. Завалко Д.А. Татарская диаспора на территории Восточного Казахстана в XIX в. // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы V Международной научно-практической конференции. – Усть-Каменогорск: Медиа-Альянс, 2004. – С. 151–158.
3. Михнова П.В. Архитектурное наследие как социально-демографическая характеристика общества (на примере городов Северо-Восточного Казахстана // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы VI Международной научно-практической конференции. – Усть-Каменогорск, 2005. Часть 2. – С. 34–44.
4. Алексеенко Н.В., Алексеенко А.Н., Ерофеева И.В., Масанов Н.Э. История Казахстана народы и культура. – Алматы: Дайк-Пресс, 2000. – 680 с.
5. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Семипалатинская область / под ред. Н.А. Троицкого. – Семипалатинск, 1905.
6. Кашляк В.Н. Храмы Семипалатинска: прошлое и настоящее. – Семипалатинск, 2004. – 610 с.
7. Закиров Р.З. Татары в меняющемся мире. Очерки этнополитической истории в XX – начале XXI вв. – Казань: Татарское книжное изд-во, 2006. – 207 с.

8. Завалко Д.А. Татарская диаспора в ВКО в конце XIX — четверти XX века (по материалам всеобщих переписей населения) // Этнодемографические процессы в Казахстане и сопредельных территориях: материалы VI Международной научно-практической конференции Усть-Каменогорск, 27–28 ноября 2004 г. — Усть-Каменогорск, 2005. Часть 1. — С. 188–193.
9. Оспанов Д. Семей татарлары // Ертiс өңiрi. — 2003. — 7 тамыз. — 7 б.
10. Алексеев Н.В. Усть-Каменогорск и устькаменогорцы. — Усть-Каменогорск, 1995. — 77 с.

Персидский посол Исмаил-бек и Астрахань в 20-е гг. XVIII века

Кулаков Владимир Олегович, кандидат исторических наук, доцент
Астраханский государственный университет

Персидский поход 1722 г., стал первым крупным военным предприятием внешней политики России в Прикаспии. Во время его проведения Астрахань окончательно оформилась как главный военный центр России в прикаспийском регионе. О важной роли астраханского губернатора в осуществлении похода свидетельствует указ Петра I генерал-майору М.А. Матюшкину, командующему сухопутными войсками, о подчинении А. Волынского: «Когда будет Вам, о чем предлагать здешний губернатор Волынский, тогда по его требованию исполняйте, а наипаче в здешних работах чинить ему всякое вспоможение» [2, с. 46]. Данный указ написан Петром в Астрахани 5 ноября 1722 г. Когда же российские войска уже заняли Гилян и Баку на астраханского губернатора были возложены обязанности по материальному и финансовому поддержанию военных частей, находившихся там. Это подтверждает еще один указ российского императора М. Матюшкину от 9 сентября 1723 года: «Писали мы к губернатору Волынскому, чтоб он отправил в Гилян к Левашову рекрутов с довольствием..... и денег велено ему от править из Астрахани три тысячи рублей» [2, с. 56].

После завершения первого этапа Персидского похода Петр I, который принимал в нем личное участие, вернулся в Астрахань. Здесь, он получил сведения от российского консула в Гиляне Семена Аврамова, что жители этой провинции просят прислать помощь для защиты от бунтовщиков: «Тамошние жители от бунтовщиков весьма утеснены и ничего так не желают, как чтобы пришло Российское войско и приняло их в защищение» [3, с. 116]. Срочно созданный в Астрахани военный совет решил, воспользовавшись благоприятной обстановкой, немедленно направить часть войск к городу Решту. Было сформировано два батальона пехоты под командованием полковника Н.М. Шипова, а вести суда должен был Ф. Соймонов, пожалованный Государем в капитан-лейтенанты.

Необходимо заметить, что в подготовке данного предприятия существенную роль сыграли данные, полученные от купцов, которые вели торговлю с Гиляном через Астрахань. Как отмечает Соймонов, в Астрахани нашелся приказчик московских купцов Андрей Семенов, который, прожив много лет в Гиляне «обо всем имел довольное

знание». На основе полученных от приказчика сведений Ф. Соймонов составил план города Решта, а также получил от Петра указание возвести крепость на дороге Решт-Казвин для защиты Гиляна от наступающих бунтовщиков.

Получив такие данные, в начале декабря 1722 г. суда флотилии вышли из Астрахани, достигли Энзелийской бухты и высадились на берег, вступив в Решт. По прибытии российской военной эскадры в гилянскую столицу, выяснилось, что здесь еще находился персидский посол Исмаил-бек, назначенный шахом Тахмаспом для совершения дипломатической миссии к Петру I для того, чтобы заключить с Россией мирный договор. Предполагалось, что за оказание военной помощи Персии в ее борьбе с афганскими захватчиками Россия получит некоторые прикаспийские территории этой страны. Однако шах Тахмасп не имел реальной власти в тот момент, и со стороны его министров возникло сопротивление по отношению к данной миссии Исмаил-бека. Но, несмотря на это, полковнику Н. Шипову удалось встретиться с персидским послом и, предоставив в его распоряжение два судна под командованием лейтенантов Лунина и Татищева, он отправил его в Астрахань.

В это время Астрахань приобретает еще одну важную роль в персидской политике России, которую она играла на протяжении всего XVIII столетия. Речь идет о том, что она начинает выступать еще и как дополнительный центр дипломатической деятельности Российской империи по отношению к Персии. Занимая выгодное стратегическое положение на Каспийском море, именно через Астрахань к царскому двору в Петербург отправлялись из Персии посольства и дипломатические миссии, одним из представителей которых и был Исмаил-бек, в судьбе которого этот город сыграл далеко не последнюю роль.

Ко времени окончания военной кампании 1723 года Петр I уже находился в Петербурге, поэтому, пробыв некоторое время в Астрахани, Исмаил-бек отправился в российскую столицу на аудиенцию к императору. Там 12 сентября был заключен трактат между Россией и Персией, по которому персидская сторона уступала России свои прикаспийские провинции Гилян, Мазандаран, Астрабад, а также Дагестан [4, с. 98].

Подписанию договора предшествовала деятельность Исмаил-бека в Астрахани, во многом определившая столь выгодные для российской стороны условия договора. Исмаил-бек, находясь весной 1723 г. в Астрахани и будучи информирован о готовящемся российском предприятии в отношении Азербайджана, написал письмо на имя султана города Баку, в котором призывал последнего не оказывать русским сопротивление, поскольку целью похода является защитить город от бунтовщиков. Письмо было отправлено М. Матюшкиным в город вместе с майором Нечаевым, который также должен был передать слова командующего: «и того ради он уповает, что султан не будет противиться его предприятиям, но наипаче поступит по предложенному от Исмаил-бека совету» [4, с. 101].

И хотя сначала бакинцы отвергли просьбу Исмаил-бека и приняли решение вести боевые действия с русскими войсками, ссылаясь на то, что письмо было написано не в Персии, во многом сам факт отправки этого послания персидским послом обусловил очень непродолжительное время, которое было затрачено русскими на осаду Баку. Уже 26 июля войска заняли город.

Следует подчеркнуть, что персидский посол после подписания договора сначала вернулся в Гилян, но пробыл там недолго и, опасаясь за свою жизнь в связи с тем, что многие здесь считали его изменником за подписание Петербургского трактата, попросил вывести его отсюда. Вплоть до своей смерти он прожил в Астрахани, получая из российской казны жалованье за свои прежние заслуги, оказанные им России на дипломатическом поприще. Астраханский губернатор И.П. Измайлов лично контролировал весь процесс перевода его сюда из Дербента, находясь в постоянной переписке по этому поводу с Государственной Коллегией иностранных дел с одной стороны и командующим персидским корпусом в Гиляне генерал-майором В.Я. Левашовым и комендантом Дербента генералом А.Б. Бутурлиным с другой [5, Л. 2–4]. В октябре 1731 г. И. Измайлов получил донесение от генерала В. Левашова, в котором тот извещал его, что по императорскому указу отправил на казенных судах бывшего персидского посла Исмаил-бека из Гиляна в Дербент. Однако вскоре получил от него письмо, в котором посол просит перевести его дальше в Астрахань «для перемены воздуха, поскольку он слаб здоровьем». Поэтому поводу был выслан соответствующий ордер коменданту Дербента А. Бутурлину.

Также В. Левашов просит астраханского губернатора содержать Исмаил-бека государственным жалованьем в тех же размерах, какие были установлены ему в Гиляне, то есть: «надлежит ему кормовых денег давать на месяц по 300 рублей и по три батмана табаку кальянного, да на 2 месяца соли по рогоже, дров в неделю 24 коромысла» [5, Л. 7]. В Гиляне к персидскому послу был приставлен почетный караул, сопровождавший его, а каждый выезд и въезд в город отмечался пушечной стрельбой, однако в Астрахани до поступления прямого указа императрицы так поступать, по мнению Левашова, не стоит: «понеже

его та честь преминавала, а в Гиляне той чести надобность требовала для интересов Ея Императорского Величества» [5, Л. 8].

Через полгода, как свидетельствует письмо генерала Бутурлина Измайлову, Исмаил-бек был направлен из Дербента в Астрахань в сопровождении команды солдат из 15 человек под начальством капитана Трусова. Они, по-видимому, были не последние люди при коменданте, поскольку тот просит при первой возможности отправить их к нему обратно. Это свидетельствует об особой важности порученной им миссии и большом значении, которое придавало российское руководство жизни и безопасности Исмаил-бека.

Что касается вопроса обеспечения его в Астрахани жалованьем и всем необходимым, то губернатор Измайлов предлагал осуществлять её из средств комиссии Низового корпуса, которая здесь находилась. Государственная Коллегия иностранных дел в соответствии с данным предложением И. Измайлова направила указ генералу Левашову, чтобы он выделил нужную сумму из расходов на корпус. В случае же если требуемых денег в комиссии не найдется, то, как был извещен губернатор указом Коллегии от 2 декабря 1731 г.: «надлежащую на Исмаил-бека сумму он [Левашов] присылал Вам в Астрахань из доходов персидских наших провинций и надлежит Вам из тех денег послу в бытность его в Астрахани дачу производить» [5, Л. 12].

В связи с возвращением Исмаил-бека необходимо отметить еще одну важную деталь, проливающую свет на те внешнеполитические функции, которые выполняли астраханские органы власти на персидском направлении. В ведении астраханской губернской канцелярии находились дела по обеспечению переводчиками персидского языка тех или иных дипломатических миссий, либо отправка их для работы в города Кавказа, являвшиеся опорными базами России на границе с Персией. Одними из первых в 1726 г. были присланы из Астрахани в Дербент в качестве переводчиков несколько казанских татар. Но по прошествии нескольких лет А. Бутурлин просит астраханского губернатора заменить состарившегося толмача Аят Евдашева, которого он отправляет обратно в Астрахань вместе с бывшим послом Исмаил-беком, на: «другого к толмачеству способного» [5, Л. 14]. Следует сказать, что деятельности астраханских властей по определению переводчиков персидского языка придавалось большое значение на самом высшем уровне. Так для решения вопроса о замене переводчика в Дербенте судье татарских и калмыцких дел в губернской канцелярии Астрахани Федору Черкесову уже через неделю после обращения А. Бутурлина к И. Измайлову был написан императорский указ. В нем от судьи требовалось максимально быстро найти замену толмачу и доложить об этом в Государственную Коллегию иностранных дел [5, Л. 15–16].

Занимая важное стратегическое положение, Астрахань выступала в роли транзитного пункта на пути следования представителей шахского престола к императорскому

двору и в последующие годы. Причем именно власти Астрахани были уполномочены контролировать путь таких миссий и обеспечивать их безопасность и комфорт. Так в 1736 г. в Персии произошло важное событие — умер малолетний шах Аббас III и на собранном курултае новым правителем был избран Надир, являвшийся регентом при Аббасе, который именно с этого времени стал официально именовать себя шахом. В связи с этим событием в Санкт-Петербург был отправлен посланник Мигра Али Бек с извещением о смене власти в Персии [1, С. 117].

Когда эта задача была им выполнена, Али Бек со своей свитой возвращался обратно из столицы в Москву и оттуда в Царицын. Причем на всем протяжении пути его сопровождал капитан астраханского гарнизона Петр Микулин с 17 драгунами, о чем он получил отдельную инструкцию из Коллегии иностранных дел. В августе 1736 г. губернатору И. Измайлову был направлен указ императрицы Анны Иоанновны подписанный генералом Минихом, о том, что по прибытии посланника в Астрахань его нужно будет принять с надлежащим почтением и «отправить из Астрахани без задержания водой на добрых морских судах до которого места надлежит» [5, Д. 6, Л. 41]. То есть именно на астраханское руководство ложилась задача обеспечения транспортом до Персии миссии посланника. Кроме того, в указе также предписывалось и материально обеспечить Али Бека, ежели тех денег, которые ему были даны в

Москве не хватит: «кормовые деньги ему даны на август-октябрь, но ежели он задержится в пути до Астрахани более трех месяцев, то Вам выдать ему кормовых денег на сколько времени потребно по 10 рублей на день» [5, Д. 6, Л. 42]. В упомянутой инструкции сопровождающему посланника П. Микулину, которая, как и указ губернатору, сохранилась в астраханском архиве, говорится о том, что в пути к Али Беку следует относиться с максимальным почтением, охранять и сберегать его свиту. Кроме того, от капитана требовалось максимально быстро доставить посланника в Астрахань, поскольку «обоих государств интересы того требуют, чтобы он нынешней осенью непременно мог море Каспийское переехать и ко двору Шахова Величества вскоре прибыть» [5, Д. 6, Л. 43].

Таким образом, определение дипломатических функций астраханских губернаторов дает возможность заявлять о том, что правительство страны возлагало большую ответственность на местных руководителей, предоставляя им право обеспечения всем необходимым персидских миссий, а также дальнейшего содержания в Астрахани их представителей. Эти полномочия активно способствовали обеспечению внешнеполитических контактов России и Персии, а это в свою очередь говорит о том, что Астрахань в первой половине XVIII века превратилась в форпост региональной (каспийской) дипломатии Российской империи.

Литература:

1. Броневский, С.М. Исторические выписки о сношениях России с Персиею, Грузиею и вообще с горскими народами, в Кавказе обитающими со времен царя Ивана Васильевича донные. М. 1996 г.
2. Комаров В.В. Персидская война 1722—1725. Материалы для истории царствования Петра Великого. М., 1867 г.
3. Лысцов В.П. Персидский поход Петра I. М., 1984 г.
4. Соймонов Ф.И. Описание Каспийского моря и чиненных на оном российских завоеваний, яко часть истории государя императора Петра Великого. СПб., 1763 г.
5. Государственный Архив Астраханской Области (ГАО) Ф.394, Оп. 1, Д. 6, Л. 40—43; Д. 262, Л.1—17.

Изучение религии древнего Египта в отечественной исторической науке кон. XIX – нач. XX вв.

Неваров Антон Анатольевич, старший преподаватель
Омский государственный технический университет

Основная роль в изучение истории древнего Египта в XIX веке была отведена ученым Западной Европы, в частности Франции, Англии, Германии. Отечественные ученые не остались в стороне от успехов в исследовании Древнего Египта в западноевропейской науке.

Самостоятельное, научное исследование памятников древнего Египта началось в России лишь в последнюю четверть XIX в. Здесь особенно выделяются три имени — О.Э. Лемм, В.С. Голенищев и Б.А. Тураев.

О. Э. Лемм, один из первых египтологов в России, работал по египтологии у Эберса, в Лейпциге, и у Лепсиуса, в Берлине. В 1882 году он получил в университете г. Лейпцига степень доктора философии за диссертацию «*Studien zum Ritualbuch des Ammondienstes*».

Этот труд, только в более полном виде, вышел в этом же году под заглавием «*Das Ritualbuch des Ammondienstes*», где он, на основе Берлинского папируса № 55 Королевского музея, дает полный обзор служебника бога

Амона чрезвычайно важный для ознакомления с богослужением древнего Египта.

Одну из глав этого служебника О.Э. Лемм опубликовал в 1887 году под заглавием: «Einige Bemerkungen zur Ceremonie des Lichtanzundlos».

Чрезвычайно важным трудом является древнеегипетская хрестоматия: «Angyptische Lesestucke zum Gebrauch bei Vorlesungen und zum Privatstudium», появилась в 1883 году. Хрестоматия предназначалась для начинающих египтологов. Правда, в хрестоматии представлена только первая часть, посвященная древнеегипетским текстам до эпохи Птолемеев.

С 1886 г. О.Э. Лемм первым из русских египтологов стал читать лекции по истории древнего Египта на факультете восточных языков Петербургского университета.

В 1890 г. он издает хрестоматию по египтологии: «Excerpta e libris sacris veterum Aegyptiorum in usum scholarum sumptibus Imperialis Literarum Universitatis Pertopo-litanae», но она также осталась неоконченной; в вышедшем первом выпуске большую часть занимал полный текст первой главы Книги мертвых».

Выдающимся русским египтологом является В.С. Голенищев, написавший ряд ученых трудов в этой области. Его работы издавались, по преимуществу, во Франции.

Ему принадлежит: «Die Metternichstelle», появилась в 1877г, затем в 1880 году было напечатано: «Sur un ancien chapitre du Livre des Morts», «Sur un ancien conte egyptien» в 1882 г. В 1887 году он выпустил «Эпиграфические результаты поездки в Иади-Хаммамат».

Большой заслугой В.С. Голенищева является собрание египетских древностей: составленное им за долгие годы его научной работы, собрание памятников древнего Египта представляет богатейшую всемирно известную коллекцию.

Скорее всего ни одному египтологу не удалось подарить исторической науке столько первоклассных памятников, как В.С. Голенищеву. Нельзя не отметить, что практически все они хранятся в русских музеях.

Переводы В.С. Голенищева очень хороши, т.к. он прекрасно владел и языком, и трудной иератической палеографией. Отдельные ученые, в знании грамматики ставили его на одну ступень с главой берлинской египтологической школы А. Эрманом.

Расцвет деятельности В.С. Голенищева был эпохой издания не только одних письменных памятников. В кон. XIX в. он издавал и предметы материальной культуры. И, как в отношении текстов, он часто не ограничивается простым изданием, а давал глубокий грамматический и лексический комментарий, так и в отношении археологических памятников он наряду с тщательным описанием, вводит научное изучение их.

В 1910 г. из-за болезни жены Голенищев вынужден покинуть Россию и обосноваться на постоянном месте жительства во Франции. С 1923 г. он преподавал различные отрасли египтологии в Каирском университете.

В.С. Голенищеву не удалось создать русскую египтологическую школу, он заложил только ее основание. Создателем данной школы выступил профессор Петербургского университета, академик Б.А. Тураев.

Тураев начинал заниматься египтологией у Лемма, а затем учился в Германии. Как ученый, Б.А. Тураев подошел к истории древнего Египта гораздо шире, чем его предшественники, т.к. он является первым в России историком древнего Египта, использующим строго исторический метод, что выделяло его даже в ряду египтологов Западной Европы, являющихся почти исключительно филологами.

Все его работы составлены на основании первоисточников, которые он прекрасно знал и понимал. Он мог разбираться в самых трудных поздних иероглифических и иератических текстах, присоединяя к широте историка точность филолога.

Основной научный труд Б.А. Тураева «Бог Тот», является очень ценным вкладом в область египтологии, основой его послужил прекрасно подобранный материал письменных и вещественных памятников, относящихся к культуре изучаемого бога.

История религиозных представлений в древнем Египте является одним из главных элементов истории их культуры. Академик Тураев детально исследует один из вопросов древнеегипетской религии.

На основании имеющегося материала, он прослеживает историю представлений древних египтян о боге Тоте, в котором они олицетворяли свою культуру, с именем которого связывали свои представление о идеале правды и премудрости.

В начале своей книги Б.А. Тураев касается мифа и рассматривает историю культа Тота. Расчленив отношение культа бога Тота к древним фетишистским культам ибиса и павиана, автор дает характеристику культа бога Тота в эпоху Древнего Царства по текстам пирамид. Для Среднего Царства им исследуются тексты переходного времени, тексты саркофагов, а для Нового времени, разрабатывается ряд глав из Книги Мертвых и других характерных для того времени папирусов. Переходя к позднему времени, академик Тураев отмечает слияние культа Тота с другими культами. Целая глава посвящена изображениям Тота в искусстве, приводится ряд форм, в которых было представлено это божество в произведениях искусства и ремесел.

Отводится также место и богослужебным формам культа бога Тота. Б.А. Тураев отмечает большую распространенность этого культа по всей области египетской культуры. Им дается детальный перечень городов, в которых почитался этот бог.

Затем автор касается еще женских дополнений Тота, представления о которых носили очень неустойчивый характер. В заключении этой работы, говорится о сближении Тота с Гермесом в эллинско — римскую эпоху.

Большое количество статей, посвященных вопросам древнеегипетской религии и археологии, поместил академик Тураев в различных изданиях. Отметим только не-

которые из них, как, например, «Из истории Книги Мертвых», несколько замечаний о текстах саркофага «Im'pw», представляющего типичный образец древнейшего после пирамид заупокойного сборника, или статья об ящиках для хранения — погребальных статуэток, называемых «ушебти», очень мало обследованных в египетской археологии, и еще многие другие работы. Обладая ог-

ромной эрудицией по изучаемым вопросам и глубоко проникновенным пониманием древнего Египта, Тураев делал ряд тончайших наблюдений и приходит к блестящим выводам, представляющим богатейший материал для египтологов. Академик Тураев подготовил целую плеяду востоковедов, в т.ч. и египтологов, таких как: В.В. Струве, М.Э. Матъе, М.А. Волков и др.

Литература:

1. Белова Г.А., Шеркова Т.А. Русские в стране пирамид. Путешественники, ученые, коллекционеры. М., 2003.
2. Бузескул В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX — нач. XX в. Часть 2. Л., 1931.
3. Голенищев В.С. Археологические результаты путешествий по Египту зимой 1888—89 гг. // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества СПб., 1891. Т. 5. Вып. 1.
4. Кагаров Е.Г. Прошлое и настоящее египтологии. Сергиев Посад, 1915.
5. Тураев Б.А. Бог Тот. Опыт исследования в области древнеегипетской культуры. М., 2002.

Томские бунты XVII в. в оценках Н.Н. Оглоблина

Силаева Ирина Александровна, кандидат исторических наук
ООО «СОТАКС» (г. Нижневартовск)

Видный ученый рубежа XIX—XX столетий Н.Н. Оглоблин выделяется среди своих современников как исследователь колоссального объема документов Сибирского приказа. По его материалам историк изучил и Томские бунты XVII в.

Н.Н. Оглоблин указывает, что причиной первого из них, относящегося к 1637—1638 гг., явились злоупотребления воевод. Служилые люди («мир») требовали от государя признания своих прав и интересов. Московская же администрация боролась с самостоятельностью служилых людей, что, по мнению исследователя, показывает неординарность причин бунта [3, с. 229].

Н.Н. Покровским принимается точка зрения Н.Н. Оглоблина, утверждавшего, что мирские люди, игравшие основную роль в томских бунтах, принадлежали к различным сословным группам, но, несмотря на это, они объединялись и подавали челобитные о злоупотреблениях воевод [4, с. 77].

Ученый считал поводом к восстанию указ сентября 1637 г. об отмене хлебного жалованья служилым людям, имеющим «немалые пашни», тогда как собственником «малых пашен» это жалованье было уменьшено. Указ был объявлен томскими воеводами стольником князем И. Ромодановским и стольником А. Бунаковым, а также дьяком Анисимом Трофимовым.

Осуществление данного указа подрывало благосостояние служилых людей, приносило немалую прибыль государственной казне, а томские воеводы рассчитывали при этом получить не только словесное, но и материальное поощрение.

Как отмечал Н.Н. Оглоблин, восстание было поддержано служилыми людьми, за исключением советников

воевод (в основном детей боярских). Инициаторами бунта явились казаки во главе с пятидесятником Андреем Губой. В поддержку движения выступили посадские и ясачные люди уезда, несмотря на то, что их появившийся указ не касался. Они протестовали против злоупотреблений воевод. Жалобы посадских и ясачных людей касались и случаяев, нередких при князе И. Ромодановском, когда посадские и ясачные люди вынуждены были закладывать и продавать своих жен и детей [3, с. 230]. Служилые люди, в свою очередь, возмущались злоупотреблениями воевод — не только И. Ромодановского, но и князей И. Пронского, И. Татеева и других.

По данным Н.Н. Оглоблина, количество бунтовавших составило порядка 700 человек. После ареста 7 пятидесятников вслед за ними добровольно сели в тюрьму более полутораста служилых людей, и тогда вина служилых людей была распределена на всех захваченных, и все составившие были освобождены. В это же время начинаются мирные переговоры бунтовщиков и властей.

Н.Н. Оглоблин сообщает, что Андрей Губа и поддерживавшие его служилые люди бежали в ясачные волости, поднимая их против Москвы. Позднее Андрей Губа с челобитной от имени посадских, служилых и ясачных людей явился к царю.

Бежавшие из Томска и вновь вернувшиеся туда весной 1638 г. служилые люди продолжали оказывать сопротивление воеводе, держа позицию «мира» [3, с. 231].

По замечанию Н.Н. Оглоблина, при столкновении с беглецами князь И. Ромодановский даже становится на сторону поднявших бунт служилых людей, что насторожило московское правительство, и оно вскоре сменило И. Ромодановского на князя С.В. Клубкова-Мосальского, И.С.

КОбыльского и дьяка Д. Жеребилова, которым было тут же поручено произвести сыск по факту бунта. Прежнего воеводу вызвали в Москву, его советников направили по разным городам. Сыск, проведенный С. Мосальским, не привел к наказанию воевод московским правительством, как и в других аналогичных случаях [3, с. 232].

Неожиданная мера правительства, которая вызвала бунт среди служилых людей, затрудняла и без того сложное финансовое положение плохо обеспеченных служилых людей в Сибири, где свой урожай хлеба почти отсутствовал, привозной же хлеб стоил очень дорого. Правительственная мера, с точки зрения Н.Н. Оглоблина, была бы справедлива полвека спустя, когда в сибирской провинции появился свой хлеб, поскольку ее колонизация уже шла полным ходом. В 1630-х гг. же пашни являлись для служилых людей очень слабым подспорьем к государствену жалованью [3, с. 233].

К тому же, — указывал Н.Н. Оглоблин, — пашни уже были обложены сбором (именовавшимся «выделенный хлеб») в пользу государевой казны, что равняло их с пашнями посадских людей и «оброчных крестьян». Стало быть, служилое землевладение не являлось в Сибири XVII в. прибыльным занятием.

По сведениям Н.Н. Оглоблина, летом 1637 г. князь И. Ромодановской образовал комиссию по описанию земель служилых людей, состоящую из письменного головы Афанасия Боркова, одного подьячего, приходского попа, двух казачьих пятидесятников — Андрея Губы и Аггея Чижова — и 4 рядовых конных и пеших казаков. Андрей Губа возглавил выступление служилых людей против нового указа, так как был близок к рядовым служилым людям по положению и мог понять ту ситуацию, в которую они попали с изданием нового указа [3, с. 234].

Окончание работы комиссии означало вступление в силу данного указа с сентября 1637 г. Вскоре в адрес воевод поступила словесная угроза служилых людей о предстоящем оставлении ими своих земель. Последовавший после этого караван с хлебным жалованьем и его задача согласно новому указу возмутили служилых людей, так как после скудной выдачи привозные хлебные запасы остались в большом количестве [3, с. 235].

Как отмечает Н.Н. Оглоблин, в Томске произошел неординарный случай, сопровождавший выполнение указа. Остатки хлебного жалованья были свезены по приказу князя И. Ромодановского во дворы некоторых служилых людей для воеводских нужд. Изначально возмущившиеся привлечением к перевозке хлеба, служилые люди сделали попытку отказаться от нее, но им пришлось повиноваться. Возглавляли перевозку хлеба дети боярские Г. Черницын, П. Сабанский и О. Харламов, помощь им оказывали подьячий Андрей Глазунов и конный казак Макар Колмогорец. По поводу действий М. Колмогорца и А. Глазунова было составлено множество челобитных.

На взгляд князя И. Ромодановского, заводчиками бунта явились томские казаки, владевшие пашнями и отказавшиеся выполнять приказ. Среди них были пятидесятник

А. Губа, А. Чижов, И. Володимерец. Всего в восстании в 1637 г. изначально участвовали 56 казаков, требовавших раздачи свозимого оставшегося хлебного жалованья служилым людям. Воевода настойчиво объяснял служилым людям содержание принятого указа [3, с. 236–237].

Как писал Н.Н. Оглоблин, А.Губа и другие служилые люди объявили воеводе о своем намерении изъять государевый хлебный запас. Выступавшего десятника И. Матвеева ударил И. Ромодановский, что послужило началом восстания. При этом 7 казачьих пятидесятников были отправлены в тюрьму, вслед за ними сели добровольно и другие служилые люди. Спустя три дня по приказу И. Ромодановского к нему были приглашены 7 пятидесятников, после чего все остальные заключенные сами освободились и также предстали перед воеводой [3, с. 238].

По данным ученого, администрация предприняла новую попытку заставить служилых людей свезти хлебные запасы с судов в хлебные амбары и подчиниться новому указу. Волнение в городе росло, в связи с чем воеводы решили выдать хлебное жалованье тем служилым людям, которые не имели пашен. Такая мера должна была, по мнению воевод, привлечь на их сторону хотя бы половину бунтовщиков. Эту уступку те встретили отказом: и хлебное жалованье не взяли, раз оно предлагалось не всем служилым людям, и к съезжей избе по распоряжению воевод не явились.

Как подчеркнул Н.Н. Оглоблин, служилые люди, поднявшие бунт, решив направить челобитную государю об отмене указа «о службе с пашен», снарядили А. Губу, И. Володимерца, И. Матвеева и других служилых в Москву. По пути А. Губа собрал челобитные о злоупотреблениях И. Ромодановского и остяцкого князя Нандрика, владения которого находилось в ясачных волостях Кортульской, Шепильской и Чурюбарской на реке Оби. В нижних ясачных волостях по Оби А.Губа также взял челобитные от населения [3, с. 239, 240]. Содержание челобитных касалось разных налогов, пошлин, оброков, собиравшихся с населения в различных видах [3, с. 243]; были и другие притеснения и незаконные сборы. Остякам в некоторые годы, бедные на добычу пушнины, приходилось продавать и закладывать своих жен и детей, чтобы выплатить ясак. Аналогичную ситуацию испытывали посадские люди, которым князь И. Ромодановской приказал построить новую мельницу [3, с. 244].

По наблюдению Н.Н. Оглоблина, князь С.В. Клубков-Масальский пытался обелить своих предшественников, в том числе князя И. Ромодановского, утверждая, будто все привезенные в Москву челобитные были написаны под диктовку и не отличались достоверностью.

Исследователь приводит данные о злоупотреблениях воевод из шести челобитных, доставленных в Сибирский приказ А. Губой и И. Володимерцем 28 января 1638 г. Челобитные касались не только злоупотреблений действовавших воевод, но и притеснений прежних, а также содержали сведения о том, что не выданный служилым людям хлеб воеводы оставили себе [3, с. 241, 242].

Новая волна бунта поднялась весной 1638 г. Речь шла о необходимости устранения воевод от власти. 1 апреля 1638 г. в томскую съезжую избу к ним явились сбежавшие с челобитными казахи пятидесятники Ф. Клементьев, В. Капустин и В. Сидельников, заявив о намерениях выступить с другими служилыми людьми против воевод. Князь И. Ромодановской попытался отправить «изменников» в тюрьму, но во время начавшейся драки служилые люди отстояли своих товарищей [3, с. 246–247].

Н.Н. Оглоблин отмечал, что после речи И. Ромодановского толпе, собравшей по его приказу у съезжей избы, князь сам схватил И. Матвеева и других его помощников и пытался отвести в тюрьму. В ходе восстания служилые люди были высвобождены и угрожали убить сторонников воевод (детей боярских, подьячих, таможенного голову Ф. Печецына и других) [3, с. 248].

Назначенным в Томск С.В. Клубкову-Масальскому, И.С. Кобыльскому и дьяку Д. Жеребилову был дан наказ выслать из города прежних воевод и их сторонников, выполнение указа «о службе с пашен» приостановить, по делу о смутах 1637–1638 гг. провести расследование. Расспросные речи служилых людей о бунтах не принесли новых сведений, причем некоторые из служилых людей отказывались давать показания с целью смягчить вину всех восставших [3, с. 249].

О заговоре томской «литвы», состоявшемся в 1634 г., свидетельствуют выявленные Н.Н. Оглоблиным отписка томских воевод стольника князя Н.И. Егупова-Черкасского, его товарища Ф.Г. Шишкина и дьяка А. Строева (июнь 1634 г.), расспросные речи в томской съезжей избе, наконец, «выпись» Сибирского приказа для доклада государю [1, с. 6].

Н.Н. Оглоблин указывает, что в августе 1633 г. в Томск было прислано 150 «литовских людей», часть которых поверстали в конные и пешие казаки; некоторые попали в дети боярские, некоторые — в пашенные крестьяне. Вместе с ранее присланными здесь насчитывалось уже около 200 «литовцев». Вскоре недовольство ссыльных вылилось в бегство 30 человек. В заговоре с целью побега участвовало 50 служилых людей и 25 крестьян. Организаторами заговора были конные казаки И.П. Белоловец и И. Краснопольской [1, с. 7].

Н.Н. Оглоблин называет и других участников заговора, игравших в нем активную роль: В. Борисов, конный казак М. Голящевской, пешие казаки С. Стасейской, К. Михайлов и Т. Левонтьев, крестьянин С. Иванов и З. Левонтьев (холоп томского воеводы князя Н.И. Егупова-Черкасского). Ученый перечисляет заговорщиков и из другого сословия, например, сына боярского М. Гробовецкого [1, с. 8].

Их целью было «побить» воевод и их сторонников, захватить казну денежную и пушную, взять оружие и лошадей, поджечь город, острог и посады и направиться степью мимо Тары на Волгу в сторону Литвы.

Как установил Н.Н. Оглоблин, о планах бунтовщиков во всех подробностях узнали в съезжей избе от пашенного

крестьянина Т.Е. Смолянинова, состоявшего в рядах заговорщиков [1, с. 9].

Основные организаторы заговора, названные Смоляниновым, были схвачены и подвергнуты пыткам. Второстепенных участников заговора, несмотря на их отпирательство, также допрашивали. В результате расследования без разрешения московского правительства томские воеводы князь Егупов-Черкасский и Шишкин, дьяк Строев приказали повесить 12 человек. Еще 12 человек, которые не были причастны к заговору, тоже были казнены [1, с. 10], ряд бунтовщиков посадили в тюрьму.

По замечанию Н.Н. Оглоблина, воеводы объявили населению Томска, что «литовские люди» по-прежнему будут туда присылаться. В Сибирский приказ была направлена «выпись», содержащая данные о количестве казенных и заключенных в тюрьму людей; ответа на эту «выпись» не последовало. Н.Н. Оглоблин сообщал, что вскоре брошенные в тюрьму были освобождены в связи с заключением мира с Польшей [1, с. 11].

По определению Н.Н. Оглоблина, Томский бунт 1648 г. вылился в борьбу двух враждующих сторон: служилых и жилецких людей против князя О.И. Щербатого, И.Н. Бунакова и дьяка Б.И. Патрекеева. Бунт 1648 г. закончился, как и предыдущий, отстранением воевод.

По окончании бунта против Бунакова как его организатора были выдвинуты обвинения князем Щербатым. Бунаков же обвинял первого воеводу в тайных связях с калмыцкими тайшами [2, с. 3].

Как показывает Н.Н. Оглоблин, у Бунакова и Патрекеева было много сторонников среди служилых людей, среди которых называл сына боярского Ф.И. Пушина, подьячего Т. Мещеринова, казачьего пятидесятника И. Володимерца, черкашенина М. Яроцкого, казака В.М. Мухосрана; их ряды возглавлял ссыльный Г.О. Плещеев-Подрез и сын боярский П. Сабанской [2, с. 4].

Н.Н. Оглоблин приводит грамоту от 19 сентября 1648 г. томскому воеводе князю О.И. Щербатому, в которой описывалось начало бунта служилых людей против воевод. От имени служилых в Москву Бунаковым и Патрекеевым были отправлены челобитчики. Привезенные ими челобитные сообщали об обидах на воевод, налогах, притеснениях, а также содержали просьбы о смене воевод и наказании Г. Плещеева, назначением администраторами в Томске Бунакова и дьяка М. Ключарева [2, с. 5–6].

Н.Н. Оглоблин излагает содержание и другой грамоты (от 19 сентября 1648 г.) И. Бунакову и дьяку М. Ключареву, повторяющей сведения из предыдущей грамоты и вместе с тем содержащей новые данные, к примеру, о своевольном заточении в тюрьму И. Бунаковым и Б. Патрекеевым князя О.И. Щербатого, П. Сабанского и 23 их сторонников. В грамоте высказывались опасения по поводу того, что Щербатый до приезда новых воевод будет мстить служилым людям, поднявшим бунт в Томске.

Одна челобитная (от 17 сентября), адресованная И. Бунакову и дьяку М. Ключареву Пушиным и Володимерцем, фиксирует насильственный захват князем Щер-

батым дворовых людей и ясыря у служилых людей. Пушин и Володимерец просили вернуть отнятое служилым людям [2, с. 6].

Как отмечает Н.Н. Оглоблин, отправленная в сентябре 1648 г. следующая челобитная томских служилых и жилецких людей содержит просьбу запретить князю Щербатому осуществлять вывоз из Томска дворовых людей и ясырь. В этом документе есть ссылка на приговор князя А.Н. Трубецкого направленный в Тобольск боярину и воеводам И.И. Салтыкову с товарищами о привлечении к суду князя Щербатого и тщательном расследовании. В ответ на эту челобитную последовала грамота тобольским воеводам (1648 г.), где говорится об исполнении приговора [2, с. 7].

По наблюдению Н.Н. Оглоблина, немало сведений о бунте 1648 г. содержит и наказная память (1648 г.) новым томским воеводам М.П. Волынскому и Б.А. Коковинскому, дьяку М. Ключареву. В памяти идет речь и об отправке из Москвы в Томск за «воровство» Г. Плещеева-Подреза. Память предписывала заключить его в тюрьму в случае нового «воровства» [2, с. 8].

В памяти содержатся и сведения о насильственном захвате жены Татьяны сыном боярским Ф. Пушиным у сына боярского Л. Полтева и угрозах в его адрес. В памяти упоминается о том что Пушин, Патерекеев, Бунаков, Мещеринов, Федоров собирали челобитные со служилых людей против князя Щербатого, вознаграждая их за подписи, не желающих же подписывать такие челобитные избивали [2, с. 9].

Следуя памяти, Н.Н. Оглоблин указывает, что приверженцы Бунакова и Патерекеева осуществляли нападения

на сторонников князя Щербатого. Патерекеев занимался продажей вина, требовал исполнять молебен в церкви в свою честь, избивал неугодных. Князь О.И. Щербатый в свою очередь запрещал крестьянам выдавать дочерей за служилых людей, ссыльных, присланных для службы, направил на пашню [2, с. 10].

По замечанию Н.Н. Оглоблина, в розыскных речах приведены сведения о заточении в тюрьму Плещеева, выступлениях сторонников последнего, освобождении его из неволи и последующем сближении с князем Щербатым. Расспросные речи, как и некоторые грамоты, указывают на заговор Плещеева и его сторонников против князя Щербатого, отправку челобитчиков в Москву, установление своих порядков Плещеевым в Томске, притеснения им служилых людей [2, с. 11–13]. В расспросных речах содержались и показания служилых, ясачных и жилецких людей, направленные против Плещеева [2, с. 14].

Другие показания служилых людей, а также воевод и основных участников восстания, содержатся в «очной ставке князя Щербатого с Бунаковым в Сибирском приказе» (1651/52 г.). Здесь также упоминается о переписке колмыцкого тайши с Бунаковым [2, с. 20–21].

Посадские и служилые люди Томска и Сибири вообще выражали недовольство воеводским управлением, выступали против государственных повинностей, натуральных сборов, системы податей, злоупотребления «приказных людей» и феодальных форм управления, что отмечалось Е.В. Чистяковой [5, с. 208].

В оценке Н.Н. Оглоблина волнения населения Томска показали московскому правительству недостатки воеводского управления крупным сибирским городом.

Литература:

1. Оглоблин Н.Н. Заговор томской «литвы» в 1634 г. // Чтения в Историческом Обществе Нестора-летописца. Киев, 1894. Кн.8.
2. Оглоблин Н.Н. К истории Томского бунта 1648 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. 1903. Кн.3.
3. Оглоблин Н.Н. Томский бунт 1637–1638 гг. // Исторический вестник. 1901. № 7.
4. Покровский, Н.Н. Начальные челобитные Томского восстания 1648–1649 гг. // Литература и классовая борьба эпохи позднего феодализма в России. Новосибирск, 1987.
5. Чистякова Е.В. Городские восстания в России в первой половине XVII века (30–40-е годы). Воронеж, 1975.

3. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ СТРАН

Гянджа в начале XX века

Гаджиев Ниямеддин Мазахир оглу, магистр
Гянджинский государственный университет (Азербайджан)

В начале XX века Азербайджан с административной точки зрения был поделен на две губернии — Бакинскую и Гянджинскую. Гянджа была вторым, после Баку крупным городом Азербайджана. Начиная с XX века, численность населения города увеличилась с 20 тысяч до 58 тысяч человек. К 1914 году в городе насчитывалось более 20 крупных и средних промышленных мероприятий, в том числе 8 хлопкоочистительных, 3 коньячных заводов, 1 кирпичный завод, 5 кожевенных фабрик, а также мастерская железных дорог. К тому же в городе действовали филиалы 5 крупных банков России. Город управлялся Городской Думой. (1, с. 54)

Экономическая жизнь города. На территории Азербайджана действовало 50 хлопкоочистительных заводов, из них 28 располагались на территории Гянджинской губернии, а 8 в самой Гяндже. На каждом заводе работало около 20 рабочих. Хлопкоочистительные заводы принадлежали крупным торговым компаниям. В 1911–1912 годам отдельные торговые компании Гянджи и объединяются в крупные торговые корпорации под названием «Хлопок», «Улдуз (Звезда)», «Умид (Надежда)». В 1915 году на хлопкоочистительных заводах Гянджи было произведено продукции на 11836 рублей, что составило 15% всей продукции, произведенной в Азербайджане. Продукция Гянджинских хлопкоочистительных заводов вывозилась в Россию. (2, с. 59)

В Гяндже также функционировали винодельческие предприятия. Развитие виноделия в Азербайджане происходило одновременно с укреплением местного капитала. В начале XX века в Азербайджане в области виноделия действовало несколько компаний. Самым крупной компанией в Азербайджане был торговый дом «Братья Форер». Действующий, в основном, в немецких колониях Гянджинской губернии, торговый дом имел в Гяндже вино-водочный завод, оснащенный современным оборудованием. У компании было более 10 филиалов в более чем 10 городах Азербайджана. В 1916 году на основе капитала данной компании было создано акционерное общество «Южное виноделие». (1, с. 63) Капитал общества, оцениваемый в 4 миллиона манат, был поделен на акции, номинальная стоимость которых составляла 100 тысяч рублей. Совет директоров компании находился в Гяндже. К 1915 году в Гяндже функционировала табачная фабрика, здесь было занято 50–60 рабочих. Табак обра-

батывался в Гяндже, а потом мелко порезанный отправлялся в Россию.

В 1914 году в Гяндже было более 120 предприятий, занимающихся торговлей хлопком, вином, нефтью, рыбой, мукой, цементом, коврами и т.д. В целом, количество объектов, занимающихся розничной торговлей было около 1500, среди них 52% занимали ларьки, магазины и торговые склады. В 1914 году торговый оборот Гянджи составлял 14–16 тысяч рублей. В последующие годы эта цифра возросла в 2 раза. К началу XX века в Гяндже было более 600 купцов с официальными удостоверениями, из них 4000 были азербайджанцы. Виднейшими представителями торгового капитала были А.Н.Аскеров, Г.Б.Кулиев, И.Г. Рагимов и другие. Продукция, привозимая с соседних уездов, продавалась на Гянджинских рынках или же по железной дороге отправлялась в направлении Баку и Батуми. В 1910 году в Гянджу для продажи было привезено 3085700 пудов лесных и строительных материалов. 3000 пудов разных растительных семян, 121694 пудов риса, 9658 пудов чая, 130558 пудов горючего, 1317653 пудов нефти и нефтяной продукции, 10000 пудов нефти, 225176 пудов рыбы, 225176 пудов сахара, 462317 пудов соли, 1299994 пудов табака, 178546 пудов каменного угля, 462948 пудов различной ткани. (10, с. 137) Из Гянджи в Россию вывозилась продукция хлопкоочистительных заводов, а в центральные города России и Сибирь экспортировались свежие фрукты, вино. В связях Гянджи с границей большую роль играл Иран. В Иран экспортировалась пшеница и продукция животноводства. (2, с. 73)

Городское управление. В Гяндже существовало городское самоуправление. «Городской устав» был принят в 1894 году. В 1913 году 1788 человек имели право участвовать в выборах в Городскую Думу. К 1917 году количество гласных азербайджанцев составляли в Думе большинство. Из них 30% были представителями интеллигенции. Известные представители азербайджанского общества Аскер ага Адыгезалов, Гасан бек Агаев, Адил хан Зиядханов, Усуббек и Насиббек Усуббековы, Аскер бек, Алекпер бек и Халил бек Хасмамедовы, Али бек, Алекпер бек и Худадат бек Рафибековы, Гусейнгулу хан и Джеваншир хан Хойские, Мамедбагир Шейхзаманов и другие в разное время были депутатами Городской Думы. (5, с. 92)

Просвещение, культура, меценатство. В Гяндже особое внимание уделялось просвещению. В начале XX века в городе действовало 7 начальных школ. Из них 2 школы были открыты на средства Аскер ага Герани. В 1909 году именно на его средства была открыта первая женская школа в городе. К слову, первая женская школа в Азербайджане была открыта в Баку на средства Гаджи Зейналабдин Тагиева в 1901 году. К 1914 году в Гяндже действовало 152 школы, в этих школах обучалось 5188 учеников, преподавало 192 учителя. В начале XX века в Гяндже функционировали и специализированные школы по подготовке специалистов разного профиля и уровня. В подобных школах ученики обучались ремеслу шелководов и бахчеводов, кузнецов и плотников и т.д. Гянджинская специализированная школа финансировалась за счет городской самоуправы, из государственной казны выделялись мизерные средства. В 1914 году в этой школе обучались 112 учеников, из них 64 азербайджанца. До 1915 года школу закончили 231 выпускник, которые были готовыми специалистами в разных областях. Также в Гяндже действовали курсы фельдшеров, портных и т.д. В указанный период передовая молодежь Азербайджана продолжала свое образование в Москве, Петербурге, Киеве, Харькове, Казани, Одессе. Были и такие, которые обучались в Западной Европе, Турции, Иране.

В начале XX века многие знатные люди становились почетными попечителями школ, оказывали учебным заведениям посильную помощь. В конце XIX — начале XX века в просвещении Гянджи большую роль играют просветительские благотворительные общества. Еще в 1880 году подобное общество было создано учениками реальной гимназии. Основной целью общества было обеспечение школы наглядными пособиями, помощь нуждающимся ученикам. В Гяндже также существовал филиал общества «Святая Нина». Это общество всячески помогало женской гимназии. В 1906 году по инициативе Алекпер бека Рафибейли было создано «Гянджинское мусульманское благотворительное общество». Формально общество было создано в 1902 году. Члены данного общества делились на три категории: 1) почетные члены каждый год перечисляли в общий фонд 20 рублей, 2) действительные члены в год перечисляли 5 рублей, 3) простые члены в год перечисляли от 1 до 5 рублей. Среди почетных членов этого общества были Али Гаджи Гусейнов, Гаджи Мухаммед Рафиев, Мешеди Аббас Саламов, Мешеди Али Рафиев, Исфендияр-Шамхорски и другие. Общество оказывало посильную помощь всем нуждающимся ученикам и студентам. В одном только 1916 году нуждающимся ученикам было выделено 4159 рублей. Гянджинское мусульманское благотворительное общество поддерживало тесные связи с Бакинским и Иреванским мусульманскими обществами. В ноябре 1915 года создается Гянджинский филиал общества «Нешри-Маариф». Его учредителями были Алекпер бек Рафибейли, Али бек Рафиев, Мешеди Векилов. Основной целью общества являлось просвещение мусульман, попечительство и поддержка школ, открытие новых школ, под-

держка начального образования. В целом, в указанный период в Гяндже существовало 5 просветительских благотворительных обществ. В развитии просвещения города немалую роль сыграл известный меценат Гаджи Зейналабдин Тагиев. Главный ахунд (духовный сан) города Гасан Моллазаде, первый азербайджанский врач-венеролог Еннаги Нагиев, первый агроном Гусейн Нагиева и многие другие гянджинцы обучались за рубежом именно на средства Гаджи Зейналабдин Тагиева.

Первое медицинское общество Азербайджана было учреждено в Гяндже в 1914 году. Учредителями общества являлись Худадат бек Рафибейли и гасан бек Агаев. Выпускник Харьковского Медицинского Университета. Мусу бек Рафиев также был одним из активных членов общества. Общество проводило борьбу против инфекционных заболеваний, оказывало бесплатную медицинскую помощь. Необходимо учитывать, что в то время медицинские услуги были очень дороги, так что оказание бесплатной медицинской помощи по тем временам было очень большое событие. Во время первой мировой войны общество оказывало медицинскую помощь раненым солдатам. Благодаря деятельности общества было спасено сотни человеческих жизней.

Одним из интересных общественных организаций Гянджи было «Общество внедрения грамотности среди грузинского населения», основанное в 1913 году. Представителями правления были К.Топуридзе (председатель), С.Мачабели (заместитель), Г.Квиташвили (секретарь), Л. Харадзе (казначей). При правлении функционировала театральная секция. В 1914 году был рассмотрен «вопрос об основании начальной грузинской школы в Гяндже. Согласно решению собрания, выбранная собранием комиссия по урегулированию школьных дел энергично начала свою работу. Арендовали подходящее для школы здание, приобрели школьную мебель. Главное правление возбудило перед правительством ходатайство об основании школы в Гяндже, получило разрешение и также назначило учителей...Однако существовала школа недолго. В Гянджинском отделении «Общества...» уже в первый год было 82 члена. В 1914 году доход составлял 1686 рублей 47 копеек, к 1 января 1915 года доход увеличился на 1045 рублей. (11) Все средства были направлены на просвещение местного населения. Гянджинское отделение «Общества внедрения грамотности среди грузинского населения» провело определенную работу в области культуры и просвещения и внесло свой вклад в историю грузино-азербайджанских взаимоотношений.

Первая театральная постановка в Гяндже была представлена в 1895 году. Эта была пьеса Мирза Фатали Ахундова «Марди Хасис». Первоначально все спектакли проводились в клубе, построенном на средства немецкого предпринимателя Форера. В 1904–1905 годах было построено собственно театральное здание на средства Гусейнугулу хана Хойского. Практически все спектакли проводились с благотворительной целью. Средства, вырученные от показа спектаклей, шли на нужды просвещения. Спектакли

на азербайджанском языке шли в театре, названном «Прожектор». Это здание было сооружено на средства местного купца Гарагезова. В 1906 году с целью помощи театру и театральным деятелям было создано Гянджинское мусульманское драматическое общество. Председателем общества был Алескер бек Хасмамедов. Общество включало 38 человек. Театральная труппа общества ставила, в основном, музыкальные спектакли. Также в Гяндже действовало «Общество актеров». Учредителем общества был Худадат бек Рафибейли. Общество оказывало помощь в постановке

спектаклей, оказывало материальную поддержку актерам. Первая книга о театре на азербайджанском языке была написана в Гяндже Мирза Мухаммед Ахундзаде в 1901 году. Книга называлась «Что есть театр».

Итак, в начале XX века Гянджа была одним из промышленных и культурных центров Азербайджана. К тому же Гянджа постепенно становилась центром национального движения. Именно Гяндже суждено было стать первой столицей первой демократической республики на Востоке, провозглашенной в 1918 году.

Литература:

1. Əzizov T. Azərbaycan XX əsrin əvvəllərində, Bakı, 1997
2. Сумбатзаде А.С. Социально-экономические предпосылки победы Советской власти в Азербайджане, Москва, 1972
3. Керимзаде П. Из истории меценатства в Северном Азербайджане, Баку, 2000
4. Градостроительство и архитектура Азербайджана X/X-начала XX века
5. Azərbaycan tarixi, V cild, Bakı, 2001
6. Süleymanova S. Azərbaycanca ictimai-siyasi hərəkət. Bakı, 1999.
7. «Гәncә», tarixi oçerklər, Bakı, 1994
8. «Каспий», 1906, 18 июля
9. Ибрагимов М. Формирование менталитета азербайджанского народа в условиях колониального режима царизма, АН Азербайджана. Проблемы истории Азербайджана. Баку, 1993
10. Nərimanoğlu F., Əhmədova V. Gəncə XIX əsrdə-sosial şərait və ictimai mühit. Gəncə şəhərinin tarixi, elmi-praktik konfransın materialları, Bakı, 2004.
11. Махашвили Д. Из истории грузинской культурно-образовательной жизни в Баку и Гяндже. — Ученые записки, ГДУ, 2008, № 1

Гродненский период БНР: истоки, стратегическая обстановка, организация белорусских войск

Лошкарёв Иван Дмитриевич, студент

Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации

Белорусская Народная Республика была провозглашена 25 марта 1918 в условиях германской оккупации. Возможность продемонстрировать на практике состоятельность этого государствоподобного образования представилась только с исчезновением оккупационной администрации. С учетом того, что почти синхронно с выводом германских войск началась экспансия второй Речи Посполитой на территории «восточных кресов», времени на демонстрацию у БНР было немного. В белорусскоязычной историографии в отношении данного отрезка времени используется термин «Гродненский период БНР».

По условиям дополнительного соглашения к Брест-Литовскому договору от 27 августа Россия признала отход к Германии Прибалтики, обязалась поставлять четверть бакинской нефти и выплачивать контрибуцию в 6 миллиардов рублей золотом. В условиях масштабной советизации германских войск Советская Россия добилась ответных уступок — обязательства Германии повлиять на

Турцию в свете очищения Баку и прилегающего уезда, гарантировать защиту Петрограда от атаки финнов. Кроме того, зона временной оккупации (куда входила значительная часть заявленной территории БНР) по мере выплаты контрибуции должна была очищаться — за исключением черноморского побережья. Вдобавок, Германия обязалась не претендовать на расширение своего влияния на восток и не поддерживать новые государственные образования (в том числе, БНР) в западных областях бывшей Российской империи [10, 90—92]. Уже в начале сентября немцы обязались начать эвакуацию из оккупированных территорий и завершить ее до 28 февраля 1919 года. С середины сентября началась эвакуация из Полоцкого уезда, затем — Лепельского и Сенненского, с конца октября — Оршанского и Могилевского. 31 октября советские войска вошли в Могилев. В возвращаемых РСФСР территориях выходили из подполья организации РКП (б), крупнейшие были в Минске (более 500 членов), Гомеле, Бобруйске.

В условиях кризиса в Германии своеобразный суррогат правительства БНР изменил состав, чтобы более соответствовать моменту. После переходного право-левого коалиционного состава в октябре пришел кабинет социал-демократа А.И. Луцкевича, переименовавшего Народный Секретариат в Раду Народных Министров. 9 октября суррогат парламента — Рада БНР — пополнилась социалистическими элементами из культурных, общественных, религиозных и профессиональных организаций, увеличившись до 100 человек, и признала себя полномочным краевым органом до созыва Белорусского Учредительного Собрания, что означало своеобразный шаг назад по отношению к 3-й Уставной грамоте, провозгласившей независимость, и шаг навстречу общероссийским партиям. Осторожно националистической была и программа нового кабинета: объединение всех белорусских земель под властью БНР, признание БНР и ее участие в Версальской конференции, возможность федерации с Литвой и Украиной, создание вооруженных сил и сети местных белорусских рад, проведение земельного размежевания с определением минимума и максимума возможного надела, формирование земельного фонда помощи малоземельным и безземельным [2, 173—174].

Уход немецких войск поколебал позиции германофилов в Раде БНР, доля которых за время оккупации росла. Другие политические силы рассматривали разные пути защиты от распространения Советской власти (в том числе, путем договоренностей напрямую с красными). В октябрь-ноябре 1918 делегация БНР во главе с А.И. Луцкевичем искала помощи как у гетмана Скоропадского и даже попыталась торговаться с делегацией РСФСР во главе с Х.Г. Раковским. Ряд членов БДСП и БПСФ грезил проектами сотрудничества с польским Регентским Советом и Литовской Тарибой. В ответ, в октябре ЦК БПСР в брошюре «Што рабіць?» призвал провести выборы в местные Советы и сотрудничать с большевистским подпольем. А в ноябре лидер БПСР Ф.Ф. Гриб вел переговоры в Москве с наркомом по делам национальностей И.В. Сталиным, правда, безрезультатно. Дважды (20 и 22 октября) Рада БНР направляла странам Антанты и Четверного Союза требования признать БНР и гарантировать ее границы — соответствующие ноты были оставлены без внимания.

Уход немцев оживил общероссийские и местные национальные партии. Большевики сохранили за время оккупации организации в Минске, Орше, Полоцке и Витебске [1, 749—750]. Правые эсеры, меньшевики, Бунд провели в начале ноября в Минске краевой земско-городской съезд, избравший Временный Совет органов земского и городского самоуправления Беларуси (Временный Совет Белорусского края), которому поручалось после отхода немцев принять на себя власть в крае. Это была прямая конкуренция проекту БНР. Более того, Бунд и эсеры выступали в ряде случаев совместно с большевиками — например, в Мозырьском ВРК в период наступления петлюровцев (декабрь 1918 — март 1919). Как ни странно, Полесский ревком почти целиком состоял из левых эсеров, а в Мо-

зырьской городской организации РКП (б) отмечалось за силье бундовских элементов [6, 58—59]. В то же время, сближение белорусских националистов и общероссийских партий провалилось. От участия в Демократическом Краевом Центре (сокращенный вариант Временного Совета Белорусского края) деятели БНР отказались. Предложение кадетов от 20 ноября о сотрудничестве в обмен на отмену принятых во время немецкой оккупации актов (главным образом, Уставных грамот) также было отвергнуто. Более того, 29 ноября появилась 4-я Уставная грамота, призывавшая организовывать крестьянские и рабочие рады в контакте с Радой БНР, не дать накинуть ярмо на Беларусь чужакам и земствам.

Именно в условиях полного невнимания со стороны международного сообщества и укрепления конкурирующих политических сил белорусские националистические силы, ставшие основой органов БНР, озаботились военным вопросом формирования вооруженных отрядов. В частности, БПСР организовала в Гродненской и западной части Минской губерний сельские силы самообороны. 9 ноября Рада Народных Министров БНР постановила сформировать армию. В развитие этого постановления, 11 ноября генералу К.А. Кондратовичу и полковнику К.Б. Езовитову было поручено сформировать штаб 1-го Белорусского полка [9, 28]. Однако переговоры с оккупационной администрацией продемонстрировали нежелание последней допустить формирование отрядов БНР в период эвакуации.

Из-за революции в Германии немецкие солдаты неорганизованно и массово направились домой, а 13 ноября ВЦИК РСФСР аннулировал Брест-Литовский договор и дополнительное соглашение к нему. Уже 15 ноября началось постепенное наступление Западной армии РККА (7600 штыков и 200 сабель при 18 орудиях и 204 пулеметах) вслед за эвакуирующимися и демобилизующимися немецкими войсками: 21 ноября освободили Полоцк и Жлобин, 28 ноября — Бобруйск, 2 декабря — Борисов, 8 декабря — Слуцк, 9 декабря — Двинск. В Минске власть окончательно перешла к большевикам только 10 декабря. Ситуацию осложняло то, что 11 ноября в Велижском уезде Витебской губернии началось антисоветское восстание, чуть позже началось движение «жигаловщины», охватившее Могилевскую и Смоленскую губернии. До конца ноября большевики подавили восстания, остатки повстанцев продолжили борьбу партизанскими методами, впервые положив начало зеленому движению на данных территориях. В 30-е годы XX века это комментировалось следующим образом: «Крах германской оккупации выдвигал перед РСФСР задачу освобождения оккупированных областей и организации там советской власти». Верным с военной точки зрения кажется и следующий пассаж: «Наступление в Привислянском направлении началось вслед за отходом немцев. Задачей ставилось: 1) занятие Белоруссии, 2) продвижение в сторону Варшавы до реки Западный Буг (включительно). Продвижение Красной Армии к означенным рубежам развивалось вполне

успешно. Польша была занята борьбой на других фронтах и восточную свою границу охраняла слабо» [4, 133]. То есть для советских войск наступил период «ковать железо, пока горячо» — не ожидая реакции Польши РСФСР расширялась на Запад, в перспективе надеясь на распространение Советской власти в рамках ожидаемой мировой революции: 14 декабря была освобождена Вилейка, 18 декабря — Молодечно, 27 декабря — Новогрудок. К январю 1919 года Западная армия находилась уже на линии Якобштадт-Свенцяны-Сморгонь-Несвиж-Лунинец. Некоторая задержка в продвижении произошла в Полесье — немецкий солдатский Совет в Гомеле поддержал оружием петлюровцев и военизированные формирования, идеологически близкие Белому движению. 6 января 1919 — были заняты Барановичи, 9 января — Лунинец, 10 января — Лида, 14 января — Слоним и Гомель, 25 января — Пинск.

В конце 1918 созрела и большевистская альтернатива БНР. 1 января 1919 года в Смоленске вышел манифест о создании Советской Социалистической Республики Беларусь. Многие бывшие активисты националистического движения (левого фланга) вошли в состав нового правительства: председатель — Д. Жилунович, комиссар по иностранным делам — В. Фальский, по труду — И. Дыло, по делам национальностей — Ф. Шантырь. В среде так называемых «белорусов-коммунистов» опыту БНР уделяли некоторое внимание, в связи с чем, в современной белорусской историографии утвердился тезис о влиянии БНР на создание ССРБ, несмотря на категорические возражения А.Н. Резника [5, 76–77].

3 декабря органы БНР переехали в Вильно. Виленская Белорусская Рада, председателем которой А.И. Луцкевич состоял с 1917 года, подготовила почву для переезда — 15–27 ноября договорилась о сотрудничестве с Литовской Тарибой, уступив фактически часть территории БНР (Западная Беларусь и Полесье провозглашались автономией в составе Литвы) — хотя Луцкевич договаривался от имени Виленской Рады. 6 представителей белорусов вошли в состав Тарибы, было учреждено министерство по белорусским делам во главе с И.Я. Воронко, генерал К.А. Кондратович получил право формирования белорусских войск и должность вице-министра по военным делам. Признанная Антантой Литва в планах белорусских националистов должна была стать плацдармом для возвращения земель БНР. Литва пошла на такие беспрецедентные льготы, поскольку формирование литовской армии сильно отставало от политических амбиций, а появление даже одного белорусского полка могло радикально изменить ситуацию в двухполковых Вооруженных силах численностью не более 500 человек. 27 декабря во избежание напряженности с литовскими властями и в преддверии наступления большевиков на Вильно, Рада и правительство БНР переехали в Гродно, где находились до апреля 1919 года. Именно с этого времени и начинается собственно Гродненский период БНР.

Концентрация большого количества националистических деятелей и активистов резко оживила жизнь в

Гродно, поскольку за три года город покинуло 44% жителей (31 тысяча человек). Это было вдвойне труднее, потому что подавляющее большинство жителей новой «столицы» БНР составляли евреи (28 тысяч из 40 тысяч) и атмосфера захолустного «местечка» укоренилась. Только после переезда литовского министра Воронко и органов БНР в Гродно возникли 3 белорусские культурные организации («Белорусская хатка», «Лучина», «Бацькаўшчына»), 6 газет («Белорусский народ», «Бацькаўшчына», «Родны край», «Беларусь», «Голас Гародна», «Зорка») [8, 74–75]. После переезда органов БНР было инициировано изменение состава Белорусской губернской управы, прежний состав которой А.И. Луцкевич охарактеризовал как москвофилов и черносотенцев. 3 января из Вильно прибыл И.Я. Воронко, так как город заняли сначала поляки, а потом большевики. Началась политическая грызня между П.П. Алексюком и И.Я. Воронко, А.И. Луцкевичем и И.Я. Воронко, то есть между Белорусским комитетом г. Гродно, образованном в сентябре 1918 года по распоряжению Виленской Белорусской Рады, и Министерством по белорусским делам Литовской Республики. Причем для борьбы с Воронко Луцкевич пошел на сближение с «отцом белорусских полонофилов» П.П. Алексюком, хотя относился к Польше более чем сдержанно.

В это же время, в январе 1919 Польша сделала первые попытки продвинуться на Восток — ее войска 1 января заняли Вильно, хотя и были выбиты красными в ходе боев 3–6 января. Проигнорировав советские предложения о переговорах, поляки в феврале начали новое наступление: 4 февраля заняли Ковель, 9 февраля — Брест, 2 марта — Слоним, 5 марта — Пинск. С февраля образовался сплошной советско-польский фронт, но в марте из-за наступления Колчака, красные начали перебрасывать части на Урал [3, 396–397]. В середине февраля Западная армия перешла к обороне на рубеже Поневеж-Вильно-Великомир-Жосли-Лида-Слоним-река Шчара-Огинский канал-Пинск-Сарны [10, 110–111].

Относительной самостоятельностью органы БНР пользовались только в рамках небольшого Гродненского анклава. И в вышеперечисленных условиях, организация вооруженных сил стала как никогда более актуальной. Генерал К.А. Кондратович начал организацию Национальной армии (проектная численность — 10 тысяч человек), изначально планировалось создать два белорусских полка, что было согласовано с литовской стороной [9, 29]. 29 января литовский министр по белорусским делам И.Я. Воронко объявил о мобилизации офицеров на Гродненщине, исполнение поручил белорусскому коменданту Гродно капитану Н. Демидову. Уже в середине февраля по его командованием находилось 80 офицеров и 63 солдата, но отряд отличался слабой дисциплиной — пьянством, картежничеством, драками. Вербовочные пункты были открыты в Волковыске, Белостоке, Слониме, Радуне, Лиде, Соколке, Пружанах, Кобрине, Бресте, Васишиках, Щучине, Друскиниках. При поддержке литовских властей, уже в марте удалось набрать 1-ый Белорусский пехотный полк (ко-

мандир — полковник Лаврентьев, затем — полковник Езовитов; численность до 800 человек) и специальный батальон гродненской комендатуры (офицерский батальон, группа гренадеров, эскадрон гусар, военный оркестр; численность до 350 человек). В Ковно была сформирована добровольческая белорусская рота (200 солдат и офицеров), которую 12 апреля переименовали в 5-ю роту 1-го Белорусского пехотного полка [8, 76–77].

Но польские власти помещали формированию белорусских отрядов: с января 1919 гродненский комиссар С.И. Ивановский поселился в городе и развил активную деятельность, несмотря на протесты белорусских и литовских ведомств. Ему удалось перетянуть 500 человек из белорусских частей в Ковенский стрелковый полк Литовско-Белорусской дивизии (хотя сами белорусские части С. Ивановский оценивал как случайный сброд при российских офицерах), а в Гродно появилось отделение ПОВ (Польска Организация Войскова), которое занималась объединением поляков и созданием вооруженных отрядов [7, 66]. Вдобавок, польские власти задерживали белорусских вербовщиков, внедряли шпионов и осведомителей в белорусский полк.

В середине февраля стало ясно, что Антанта «отдала» Гродненщину полякам. Поэтому постепенно деятели БНР

отказались от борьбы и начали покидать город: одним из первых в Париж уехал генерал К.А. Кондратович, затем отбыл министр белорусских дел И.Я. Воронко, премьер БНР А.И. Луцкевич получил кредит от новых украинских властей и 20 марта отправился на Версальскую мирную конференцию. Более того, часть кредита позволила перевести 1-ый Белорусский полк с баланса литовского правительства на финансирование из казны БНР, в связи с чем, эвакуация подразделения не состоялась, хотя и намечалась [8, 78–80]. На этом фоне, немецкие войска эвакуировались и согласно соглашению от 5 февраля на их место прибывали польские части, которые разоружили в апреле-мае все белорусские формирования. В составе литовской армии остались 5-я рота Белорусского пехотного полка, сторожевой отряд (40 человек) и гусарский эскадрон (50 кавалеристов).

События ноября 1918-марта 1919 продемонстрировали негибкость, некоторую однобокость белорусских националистических сил, их неспособность сформировать свои вооруженные силы, отсутствие культуры компромиссов и частое непонимание собственных интересов. В целом, это означает, что западном театре Гражданской войны в России одна из альтернативных сторон — белорусский националистический проект — оказалась нежизнеспособной.

Литература:

1. Меньшевики в 1918 году. Отв. ред. З. Галили, А. Ненароков. Отв. составитель Д. Павлов. — М., 1999.
2. Луцкевич А. Барацьба за вызвальньне. — Вільня-Беласток, 2009.
3. Галин В.В. Интервенция и гражданская война. (Серия: Тенденции). — М., 2004.
4. Гражданская война. 1918–1921. / Под ред. А.С. Бубнова и др. — СПб., 2002.
5. Резник А.Н. Образование Белорусской ССР. Ноябрь 1918 — февраль 1919. — Минск, 2009.
6. Барсук А.Я. Станаўленне Савецкай улады на Мазыршчыне ў 1918–1921 гг. // Беларусь: этапы станаўлення дзяржаўнасці (да 90-годдзя з дня утварэння БССР: матэрыялы Міжнар. навук.-практ. канф., Мінск, 18 снеж. 2008 г.). — Мінск, 2009. С. 58–62
7. Гомулка К. Паміж Польшчай і Расіяй. Беларусь у канцэпцыях польскіх палітычных фарміраванняў (1918–1922). Пераклад з польскай мовы. — Вільня, 2008.
8. Латышонак А. Жаўнеры БНР. Пер. з польскай мовы. — Вільня-Беласток, 2009.
9. Лаўрэш Л. Міністр Беларускай Народнай Рэспублікі генерал ад інфантэрыі Кіпрыян Кандратовіч. Біяграфічны нарыс. — Ліда, 2007.
10. Трацяк С.А. Брэсцкі мір і грамадска-палітычныя працэсы ў Беларусі: лістапад 1917 — студзень 1919 г. — Мінск, 2009.

Из истории деятельности «Пушкинского общества» в Туркестанском крае

Смесова Екатерина Александровна, ст. преподаватель
Андижанский государственный университет (Узбекистан)

Кардинальные изменения, произошедшие за годы независимости в Узбекистане, определили ход и развития отечественной истории. Обращение к узловым страницам истории Узбекистана, к тем её разделам, которые стали переломными в ходе развития, в частности, колониальному является особо актуальным.

Изучение событий, имевших место в Туркестане в 1905–1907 гг, и в последующие годы имеет важное значение для анализа исторических предпосылок в крае. В этом плане одной из важнейших задач историков Средней Азии является дальнейшее и более обстоятельное, более глубокое изучение истории в колониальном Туркестане,

тем более, что многие стороны этой темы нуждаются в дополнительном исследовании и разработке.

В это время позитивно изменилась деятельность широких кругов местного общества. Особенно это сказалось в оживлении деятельности гражданских и военных собраний, в создании новых общественных и культурно-просветительных организаций. Появляются новые общественные собрания в Коканде (1895г), на станции Фараб (1899г), в Новом Маргилане (1900г), Чимкенте (1901г) Красноводске (1903) и многих других городах края. [1, с. 42]

С 1896 года в Туркестане возникают общественные организации нового типа — ремесленные собрания. Впервые такое собрание было открыто в Кизил-арвате при главных мастерских Среднеазиатской железной дороги. Еще более массовый характер в крае различных культурно-просветительных кружков, союзов и обществ.

«Общество по устройству народных чтений в Туркестанском крае» было названо «Пушкинским» в память поэта А.С. Пушкина. [2, с.3]

Деятельность «Пушкинского общества» проходила не без ведома колониальных властей, и даже с их помощью, и вниманием. Подобная заинтересованность может быть объяснена тем, что царская администрация была напугана растущим революционным движением в России. Для того, чтобы противодействовать его распространению на окраины, было решено направить «умы подданных в желаемом направлении», используя опыт центральных районов империи, где были созданы легальные рабочие организации. Российское правительство надеялось, что создание таких организаций отвлечет рабочих от революционной борьбы. Они были созданы в таких центрах как Москва, Санкт-Петербург, Киев, Одессе, Баку и др.

«Пушкинское общество» образованное в 1901 г., начало функционировать с 15 января 1902 г. Его деятельность выразилась в организации отделов народного чтения, воскресных школ и книжных складов. Обществу было предоставлено уставом право, устраивать библиотеки, читальни, чтения, курсы, школы, издавать печатные произведения, производить книжную торговлю, открывать филиальные отделения во всех городах и селениях края. [3, с.374] В архиве сохранилась программа народных чтений с 17 февраля по 31 марта 1902 г. Знакомство с текстом этой программы даёт представление о народных чтениях, о том, где и на какие темы они проводились.

Например, 17 февраля проводились народные чтения на Ташкентском вокзале и в аудитории Сельскохозяйственного общества по произведениям Н.А. Некрасова «Мороз красный нос» и Станюковича «Максимка»; 24 февраля состоялись чтения по произведениям М.Ю. Лермонтова «Песня про купца Калашникова» и А. Толстого «Садко». [4, с.8–9]

В марте народные чтения состоялись 10 раз по произведениям: «Человек за бортом» Станюковича, «Забывтый рудник» Немировича-Данченко, «Полтава» А.С. Пушкина, «Князь Серебряный» А. Толстого и др.

Контингент лекторов и организаторов чтений подбирался очень тщательно, и утверждался генерал-губернатором. Власти боялись «перехода народных чтений в руки людей неблагонамеренных и обращения чтений в орудие противоправительственной пропаганды». Больше всего власти колониального Туркестана боялись сближения, взаимопонимания русских и местных трудящихся масс. Отсюда и определенные поправки в проекте устава общества, которые решила внести колониальная администрация. Согласно правилам, выработанным колониальной администрацией, председателем и товарищем председателя «Пушкинского общества» могли быть только лица христианского вероисповедания. [5, с.3–5] Учащиеся учебных заведений, солдаты, юнкера, а также люди, состоявшие под следствием или судом, не могли быть членами общества. Свыше года рассматривался устав «Пушкинского общества», и только 27 июня 1901 года устав был утвержден генерал-губернатором края Сахаровым после целого ряда поправок и дополнений.

Устав общества, небольшая голубая брошюра на 10 страниц, был отпечатан в Ташкентской типолитографии В.М.Ильина.

Власти настойчиво пытались подчинить своему влиянию деятельность организации, но для большинства членов, несмотря на установленный полицейский надзор, общество было центром общественной, политической и культурно-просветительной деятельности.

Сведения о деятельности «Пушкинского общества» сохранились в архиве и газете «Туркестан». Например, сохранился отчет общества за 4 года его деятельности с 1902 по 1905 гг. [6, №17] За 4 года деятельности общества было проведено 143 народных чтения, причем наибольшее их число состоялось, по данным отчета, в 1902 г. Однако просветительская деятельность общества зачастую наталкивалась на противодействие со стороны правительственных агентов. Так, в 1904 г. были прекращены народные чтения на Ташкентском вокзале, вследствие того, что местная жандармерия решила осуществить своё «право» на цензуру этих чтений.

Воскресные школы «Пушкинского общества» начали функционировать с 1902 г. Число учащихся в них колебалось от 50 до 80 человек в мужских школах, от 30 до 40 человек в женских. Слушателями воскресных школ были рабочие, мелкие служащие и их дети. К занятиям в воскресных школах допускались лица, утвержденные генерал-губернатором или директором народных училищ, после проверки «политической и нравственной благонадежности» желающих учиться в этих школах. [7, с.20]

Значительно лучше обстояло дело с книжными складами «Пушкинского общества» и книжной торговлей. В распоряжении общества имелись 2 склада и книжный киоск на Воскресенском базаре в Ташкенте, обслуживавшие в больших размерах «духовные нужды на книгу». Книжные склады общества имелись в Черняево, Коканде, Самарканде, Андижане, Бухаре, Перовске, Чарджуе, Аулие-Ата и Петро-Александровске.

В 1905–1907 гг., находясь под влиянием социал-демократов, эсеров и анархистов, «Пушкинское общество» большим тиражом стало выпускать издания «Донской речи», «Молота», «Буревестника» и др. На складе общества, на Саларской улице, в доме Гейера продавались листки «Донской речи» со следующим содержанием: 1. Что такое всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право. 2. Как надо расходовать народные деньги. 3. Что дают рабочим профессиональные союзы. 4. Что такое палата представителей. 5. Как в Пруссии выбирают не представителей народа, а представителей богачей и чиновников. 6. Какие народные представители не нужны народу.

Газета «Русский Туркестан» сообщала, что 7 сентября 1905 г. на Соборной улице, у магазина ЗАХО заведующий книжным складом общества Гольберт продавал листки издания «Донской речи», посвященные злободневным вопросам общественной жизни России. [8, №193].

Итак, просветительская деятельность «Пушкинского общества» в 1905 г. велась с целью донести до народа истинное значение происходящих в ту пору событий. На страницах газеты «Русский Туркестан» члены «Пушкинского общества» заявляли: «Давно пора сдать в архив близорукую теорию высших и низших рас, согласно которой одни нации предназначены провидением к господству, другие же низшие расы — предназначены к постепенному исчезновению с арены общественной жизни. Мы не сомневаемся, что 6-миллионное население Туркестанского края сыграет далеко не последнюю роль в экономической жизни России и прочих стран». [9, №258]. Но, считалось, чтобы оно сыграло эту роль, необходимо ему помочь в политическом и культурном росте.

Такие заявления совершенно противоречили целям и надеждам колониальной администрации, которая при помощи легального «Пушкинского общества» стремилась отвлечь трудящихся от борьбы за свои права. Репрессии царизма против членов общества — А. Борейши, В. Корнюшина, А. Худаш, А. Гольберта, Г. Михина, Л. Кистяковского и других, привели в конце 1907 г. почти к полному его бездействию. Деятельность общества закончилась в продаже книг издания преимущественно «По-

средника» из киоска в Кауфманском сквере, да и эта продажа была предоставлена на единоличном распоряжении и ответственность казначея общества Ю.О.Якубовского. [10, с.315]

Однако, популярность общества у русского трудового населения была довольно велика. Успех обеспечивался и тем, что в его культурно-просветительской работе видное место отводилось театру. В 1909 г. во время выработки программы проведения 100-летнего юбилея Н.В. Гоголя, Совет «Пушкинского общества» привлек к проведению юбилейных торжеств драматическое общество «Волна». Они подготовили совместно спектакли «Ревизор» и «Женитьба». Оба спектакля прошли в апреле 1909 г. с огромным успехом и затем были неоднократно повторены.

Однако одно за другим закрывались в крае общественные и культурно-просветительские организации. Среди них общество «Ревнителей просвещения» в городе Верном, собрание в новом Маргилане, ремесленное собрание в Кизил-Арвате и др. Сведения о деятельности №Пушкинского общества» этого периода крайне скудны.

В 1912 году А.И.Добромыслов в историческом очерке по этому поводу писал, что «Общество только в начале привлекало к себе внимание ташкентского обывателя и, только после 5 лет почти полного прозябания оно с начала 1910года стало как будто возрождаться». [11, с.241] Но это возрождение было встречено местными властями недоброжелательно и дело дошло до того, что Пушкинскому обществу долгое время не разрешали проводить даже внутренних собраний его членов.

В заключении отметим, что несмотря на большие трудности «Пушкинское общество» не прекращало работу своих отделов, этому не могли помешать ни зоркое внимание, и бесконечные придирки со стороны властей, ни репрессии самых лучших представителей общества, ни запреты его деятельности. Для воспитания масс организация использовала все возможные методы. Так, в последние годы своей деятельности общество с этой целью использовало пропагандистскую силу театра. В итоге подобная деятельность способствовала развитию освободительного движения в Туркестане.

Литература:

1. В.П.Дьяченко «Русский драматический театр в Туркестанском крае» — Ташкент, Фан, 1966, стр 42
2. ЦГА РУз., ф.И — 1, оп 028, д.420, л 3
3. ЦГА РУз., ф.И — 1, оп 4, д.1201, л 374
4. ЦГА РУз., ф.И — 17, оп. 1, д. 15567, л. 8–9.
5. ЦГА РУз., ф. И — 1, оп. 28, д. 420, л. 3–5.
6. Газета «Туркестан» от 17 сентября, 1906 г. — №17.
7. ЦГА РУз., ф. И — 17, оп.1, д. 15567, л.20.
8. Газета «Русский Туркестан» 7 сентября 1905 г. — №193.
9. Газета «Русский Туркестан» 6 декабря 1905 г. — № 258.
10. ЦГА РУз., ф. И — 462, оп. 1, д. 296, л.315
11. А.И Добромыслов «Ташкент в прошлом и настоящем» Ташкент, 1912 г., стр 241

4. ИСТОРИЯ ОТДЕЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ, СТОРОН И ЯВЛЕНИЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Верхневолжские карелы в пореформенный период: некоторые аспекты социально-экономического развития

Андреева Лилия Юрьевна, старший преподаватель

Тверской филиал Московского государственного университета экономики, статистики и информатики (колледж)

В настоящее время, когда наиболее остро стоит вопрос о единстве народов России, проблема сохранения культуры и истории малочисленных народов особенно актуальна. Процесс развития локальных этнических общностей становится объектом исследования историков.

В период правления Александра II были проведены важнейшие реформы, которые оказали существенное влияние на все сферы общественной жизни в стране, в том числе на положение различных народов и народностей, проживающих на территории Российской империи.

В Тверском регионе с XVII в. компактно проживала локальная этническая общность верхневолжских карел. Тверские карелы (преимущественно крестьяне) за несколько веков мирного сосуществования с русским населением прочно вошли в систему хозяйственной жизни региона. В пореформенный период перед местной властью и помещиками встала задача по новому выстраивать политику в отношении верхневолжских карел.

Эволюцию в отношении местной власти к бывшим крепостным крестьянам характеризует ситуация в карельских деревнях, принадлежавших бежецкой помещице Шишковой. Бывшие крепостные крестьяне-карелы обязаны были выплачивать помещице накопившиеся за многие годы оброчные недоимки. В 1878 г. помещица подала жалобу в Тверское губернское по крестьянским делам присутствие. Уездный исправник докладывал: «В настоящее время оброчной недоимки взыскалось 600 руб. Из них 500 руб. получил доверенный Шишковой Сурин, а 100 руб. отнесены в Бежецкое уездное казначейство на уплату, числившихся за Шишковой недоимок по Земскому сбору» [1, с. 2]. Остальные недоимки крестьяне просили отсрочить. Если крестьяне не выплачивали долг, то составлялась опись их имущества, для последующей его продажи. Деньги, полученные от продажи крестьянского имущества, шли на выплату долгов. В пореформенное время повлиять на крестьян можно было только экономически. После отмены крепостного права в России власти не могли применять жестких карательных мер в отношении крестьян, что часто требовали помещики. Так, в прошении Шишковой в Тверское присутствие обращалось внимание на то, что «временно обязанные крестьяне

Трестенской и Толмачевской волостей могли бы исправно платить, если бы послабление властей не давало к неплатежу повода» [1, с. 12]. Повод помещики видели в том, что местная власть не всегда реагировала на их прошения о воздействии на крестьян. Иногда, видя тяжелое экономическое положение крестьян, власти, в лице уездных исправников, договаривались с крестьянами о возможностях своевременной оплаты долга, пытались примирить с ними помещиков, просили отсрочки.

Важно обратить внимание на то, что многие помещичьи хозяйства Верхневолжья находились в этот период в кризисном состоянии. Помещики не могли приспособить свои хозяйства к новым экономическим условиям, сложившимся после отмены крепостного права, ведь давить на крестьян прежними методами было уже невозможно. Повинности с крестьян по-прежнему оставались важным источником дохода для помещичьих имений.

Вместе с тем крестьяне не могли выплачивать недоимки по оброку в связи с большими размерами долга. В жалобе одного помещика отмечалось, что «крестьяне должны платить ежегодно 4905 руб., обязанности свои крестьяне не выполняют, о прежних не уплаченных ими 6 тыс. руб. они не вспоминают. За последние три года (1876, 77 и 78 — е гг.) вновь не уплачено 6 тыс. руб.» [1, с. 3]. Накопление недоимок в первую очередь свидетельствует о сложном положении крестьянских хозяйств в районе компактного проживания верхневолжских карел.

Тяжелое положение по выплате крестьянами-карелами долгов было связано с тяжелым экономическим гнетом, плохими урожаями, вызванными погодными условиями, недостатком удобрений. Кроме того, существовала практика, когда доверенные помещиков «самопроизвольно зачисляли уплаченные крестьянами деньги в счет прежних недоимок, а не текущих платежей» [1, с. 17]. Долг крестьян за прошлые годы практически не сокращался, а текущий платеж оставался не оплаченным и записывался в недоимки. Общая задолженность крестьян-карел в районе их компактного проживания в районе Верхневолжья только увеличивалась. В таких условиях выплата крестьянами-карелами долгов помещикам становилась практически не возможной. При этом приказ

чики, как правило, практиковали сбор оброка не только деньгами, но и продуктами, крестьяне бесплатно поставляли им различную сельскохозяйственную продукцию, они же, в свою очередь, продавали ее по выгодным для себя ценам [1, с.25].

Таким образом, бывшие крепостные крестьяне-карелы по-прежнему находились в центре традиционной хозяйственной системы помещичьего имения, что, безусловно, негативно сказывалось на их социально-экономическом положении.

В свою очередь местная губернская власть обращала внимание на бедственное положение карельских крестьянских хозяйств.

Анализ докладов уездного исправника, рассматривавшего жалобы помещиков на невыплаты крестьянами долгов, позволяет проследить состояние некоторых крестьянских хозяйств и основные занятия крестьян в районах компактного проживания верхневолжских карел. Так, крестьяне села Осташково, деревень Бор и Маркова Толмачевской волости зимой занимались вывозом леса до станции Осташково. За один оборот получали 1 руб. Отмечалось, что «у крестьян не было хороших лошадей, и получалось только два оборота в неделю». В деревне Маркова у половины населения вообще не было лошадей. Подобное положение оказывало существенное влияние на доходы крестьянской семьи. Уездный исправник отмечал, что собрать с крестьян недоимки, пока хозяйства находятся в упадке, будет невозможно.

Тем не менее, в пореформенное время центральная и местная власти пытались наладить помощь населению, создать условия для экономического развития регионов, в первую очередь путем выдачи ссуд на улучшение хозяйства. Как правило, их выдавали земства.

К примеру, карельские крестьяне взяли ссуды, в селе Осташкове — 718 руб., в деревне Бор — 201 руб., в деревне Маркове — 747 руб. Примечательно, что крестьяне-карелы из деревни Ключевой купили 200 десятин земли с лесом за 10 тыс. руб. В задаток было отдано 1700 руб. Такую большую для крестьян сумму удалось собрать путем залога имущества. Земство дало в виде ссуды 4000 руб., с условием поставки дров в течение 5 лет, и остальные деньги предполагалось отдать с выручки от использования лесного ресурса [1, с.24]. Несмотря на большие долги, карельские крестьяне активно использовали новые возможности для расширения своих наделов, улучшения хозяйств в целом. Для уплаты недоимок крестьяне деревни Ключевой, например, просили дать им возможность заняться сбытом лесного материала путем сплава по реке Мологе в Бежецк.

Иногда возникало противостояние не только между крестьянами и помещиками, но и между помещиками и земствами. В частности, в связи с покупкой земли крестьянами одна помещица обратилась с просьбой наложить арест на эту покупку. Данная просьба не была удовлетворена властями, так как они были заинтересованы в выплате крестьянами предоставленного земством займа.

Арест покупки сделал бы невозможным для крестьян выплату кредита местным органам власти. Возникла экономическая зависимость и властей, и помещиков от платежеспособности крестьянства [1, с.120]. В данном случае наиболее ярко проявилось взаимовыгодное взаимодействие местной власти и карельских крестьян. Большое значение для развития хозяйств карел в районах их проживания имело строительство заводов, устройство мельниц. Местные власти давали на это разрешения, инспектировали местности, предназначенные для строительства предприятий.

Так, в 1892 г. крестьяне Яков и Михаил Мельниковы просили разрешение построить водяную мельницу вблизи села Замытье [в Бежецком уезде. Местность, на которой предполагалось установить мельницу, заранее проверялась властями: «Пристав 1-го стана Бежецкого уезда по предписанию Тверского губернского правления производил осмотр местности, на которой крестьяне Новоторжского уезда Кузовинской волости (соседней волости, населенной в том числе и карелами) желают устроить водяную мукомольную мельницу» [2, с.10].

Большое значение для развития хозяйственной жизни карельского населения Верхневолжья имели мероприятия тверского земства в плане реализации задач реформ 60–70-х гг. XIX в. Так, в марте 1869 г. Земскому собранию было доложено о тяжелом положении крестьянских хозяйств, вызванным падежом скота в некоторых волостях, в частности в Трестенской и Кострецкой. Была создана специальная комиссия. Она занималась организацией местных заработков для населения и выделении 3000 руб. для крестьян-карел Трестенской волости, где положение было наиболее тяжелым.

Земским собранием в 1870 г. было принято также решение о выдаче ссуды крестьянам по 50 руб. на каждую десятину земли, засеянную льном. Данный вид промысла был выгоден государству и давал заработок крестьянам на длительное время. Кроме того, крестьянам в самых бедствующих районах на неопределенное время давалась отсрочка по казенным недоимкам [3, с.120].

С другой стороны, неоднократно наблюдались конфликтные ситуации между властью и карельскими крестьянами.

Крестьяне — карелы, лишившиеся после реформы 1861 г. значительной части лесных угодий, вынуждены были нарушать установленные законы. Происходила массовая незаконная порубка крестьянами лесов в удельных и помещичьих землях. В 1865–1868 гг. была зафиксирована череда самовольных порубок леса в удельных имениях (дачах) деревень Манушкино, Зубцово, Чубарихе-Алешинской волости Бежецкого уезда [4, с.2].

Дела о незаконных порубках расследовались в Тверской удельной конторе, затем передавались мировому посреднику. Например, по факту самовольной порубки леса крестьянами Ильгощинской волости в удельной даче недалеко от пустоши Кривчихи (1865 г.) для рассмотрения дела был вызван депутат Крыжов с волостным старшиной Але-

шинской волости и понятыми крестьянами из деревень Устюги и Железова (в этих деревнях карельское население составляло около 99 %) [5, с.87]. Если виновных крестьян не удавалось найти, выплачивать штраф, как правило, был обязан лесной сторож. В приведенном случае лесной сторож заплатил 29 руб. 32 коп. Одному крестьянину, безусловно, было сложно выплачивать подобную сумму. Следствием по делу о незаконной порубке леса возле деревни Васильки виновных также не было найдено. Штраф в размере 23 руб. 5 коп. был возложен на лесного сторожа и его помощника, в документе указывалось: «если лесной сторож к уплате 11 руб. 32 ½ коп. не посильный, то за него обязаны уплатить избравшие его в лесные сторожа» [4, с.122]. Продолжал действовать принцип функционирования крестьянской общины — круговая порука.

Штрафы мало останавливали крестьян-карелв в стремлении получить необходимый для ведения хозяйства материал-древесину. Вновь в Алешинской волости отмечались самовольные порубки, и как наказание устанавливались штрафы [4, с. 30]. Систематическое нарушение закона в этой сфере крестьянами свидетельствовало о том, что ценность древесины была настолько велика, что превышала риски, связанные с ее заготовкой незаконным путем. Срубленный лес крестьяне использовали на строительство жилья, для починки заборов, на дрова: «Крестьяне деревни Железова порубили в удельной даче 20 штук елового леса, истратили у себя на дрова» [4, с.158].

Если крестьяне не могли уплатить штраф, производилась опись их имущества: «В ноябре 1866 г. крестьянином деревни Чубарихи (99 % карельского населения) произведена порубка леса в количестве 60 деревьев на сумму 20 руб. Между тем означенные деньги не взысканы, окружному надзирателю составить опись имущества не уплатившего [крестьянина — Л.А.] за порубку в пользу удела» [4, с.144].

В результате штрафных санкций многие крестьяне-карелы Верхневолжья могли лишиться имущества, что неизбежно приводило к разорению крестьянского хозяйства.

В деле крестьянина Заручьевской волости Бежецкого уезда, обвинявшегося в порубке леса на казенной даче, отмечалось: «На основании ст. 1 и 2 отделения II Высочайше утвержденного 7 апреля 1897 г. мнения Государственного совета Постановлением от 13 июня 1898 г. на

крестьянина Данила Иванова за самовольную порубку наложено денежное взыскание в размере 1 руб. 2 коп.» [6, с.1]. Если крестьянин в течение 2-х недель не «подчинялся распоряжению», то на основании ст. 5 отделения II дело передавалось от местного лесничества на рассмотрение Земскому начальнику, и заводилось уголовное дело. Так как далеко не все крестьяне могли выплатить наложенные на них штрафы, крестьянам предоставлялась возможность отработать наложенное взыскание на лесных работах с согласия лесничего [6, с.2].

Строгие меры наказания за порубку леса в определенной мере были связаны со значимостью для государственной казны доходов от заготовки и продажи леса. Лесное хозяйство давало 2,7 % доходов бюджета, 57 млн. руб. чистого дохода. Государство занималось заготовкой и сбытом лесоматериалов казенным и частным потребителям, строило при этом лесопильные заводы. Предпринимательский доход был невелик, основную роль играл рентный доход (за передачу казенных лесных площадей под частные разработки, от продажи леса «на корню»). Лесной департамент входил в состав Главного управления землеустройства и земледелия, и доход, связанный с лесом, составлял 80 % его доходов. За счет лесного дохода практически осуществлялась большая часть государственных инвестиций в сельское хозяйство [7].

Таким образом, в пореформенный период социально-экономическое развитие верхневолжских карел было обусловлено их новым правовым положением, политикой местной власти и стремлением помещиков сохранить свои доходы за счет повинностей с крестьян.

С одной стороны, местные власти, в том числе, созданные в период великих реформ земства, создавали условия для развития хозяйства, давали ссуды, содействовали организации заводов на общинных землях. Крестьяне могли в рамках выплаты кредита помогать земствам, что свидетельствовало о взаимозависимости власти и крестьянского населения. Кроме того, местные власти нередко выступали на стороне крестьян в конфликтах последних с помещиками. С другой стороны, долговые обязательства крестьян-карел перед помещиками и земствами тормозили развитие хозяйства в районе их компактного проживания. Крестьяне вынуждены были нарушать закон.

Литература:

1. Государственный архив Тверской области (ГАТО). Ф. 221. Оп. 1. Д. 3. Л. 2,3,12,17,24,25,120.
2. Там же. Ф. 466. Оп. 1. Д. 5672. Л. 10.
3. Сборник материалов для статистики Тверской губернии. Вып. II. — С. 120.
4. ГАТО. Ф. 1154. Оп. 1. Д. 3. Л. 2,30, 122,144, 158.
5. Бежецкий край: Первый выпуск статей Бежецкого научного общества по изучению местного края. — С. 87.
6. ГАТО. Ф. 221. Оп. 1. Д. 17. Л. 1—2.
7. Подугаева М.Ю. Государственное предпринимательство в Российской империи (1890—1915 гг.). Электрон. дан. — Режим доступа: <http://www.toroo.ru/humaneeducation/hedutver4.html>. — Загл. с экрана.

Нравственность Современного общества

Баранова Любовь Васильевна, кандидат философских наук, доцент
Ставропольский институт экономики и управления имени О.В. Казначеева

*Мораль... никогда не падает и не рушится,
она просто меняется.*

Александр Никонов

Нравственность Современного общества основана на простых принципах: разрешено все, что не нарушает непосредственно прав других людей; права всех людей равны. Поскольку главный лозунг Современного общества — «максимум счастья для максимального числа людей», то моральные нормы не должны быть препятствием для реализации желаний того или иного человека — даже если кому-то эти желания не нравятся. Но только до тех пор, пока они не наносят ущерба другим людям.

Необходимо заметить, что из этих двух принципов проистекает третий: «Будь энергичен, добивайся успеха своими силами». Ведь каждый человек стремится к личному успеху, а наибольшая свобода дает максимум возможностей для этого. Очевидно, что из этих принципов следует и необходимость порядочности. Например, обман другого человека — это, как правило, причинение ему ущерба, а значит осуждается Современной нравственностью.

Нельзя непосредственно покушаться на чужое: жизнь, здоровье, имущество, свободу — вот минимум требований. Живи, как знаешь, и не суйся в чужую жизнь, если не просят — вот главное правило морали завтрашнего дня. Его можно еще сформулировать так: «Нельзя решать за других. Решай за себя». Это во многом работает в самых прогрессивных странах уже сейчас. Где-то это правило крайнего индивидуализма работает больше (Нидерланды, Дания, Швеция), где-то меньше. В продвинутых странах разрешены «аморальные» браки между гомосексуалистами, легализованы проституция, курение марихуаны и пр. Там человек имеет право распоряжаться собственной жизнью, как ему заблагорассудится. В этом же направлении развивается и юриспруденция. Законы дрейфуют в направлении, который указывает тезис «нет пострадавших — нет преступления» [1, с. 17].

Если открыть «Большой энциклопедический словарь» и посмотреть статью «Нравственность», мы увидим следующее описание: «Нравственность — см. мораль». Пришла пора разделить эти понятия.

Мораль — это сумма установившихся в обществе неписаных нормативов поведения, сборник социальных пред-рассудков. Мораль ближе к слову «приличия». Нравственность определить уже сложнее. Она ближе к такому понятию биологии, как эмпатия; к такому понятию религии, как всепрощение; к такому понятию социальной жизни как конформизм; к такому понятию психологии, как неконфликтность. Проще говоря, если человек внутренне сочувствует, сопереживает другому человеку

и в связи с этим старается не делать другому того, чего не хотел бы себе, если человек внутренне неагрессивен, мудр и потому понимающ — можно сказать, что это нравственный человек.

Главное различие между моралью и нравственностью в том, что мораль всегда предполагает внешний оценивающий объект: социальная мораль — общество, толпу, соседей; религиозная мораль — Бога. А нравственность — это внутренний самоконтроль. Нравственный человек более глубок и сложен, чем моральный. Так же как автоматически работающий агрегат сложнее ручной машинки, которую приводит в действие чужая воля [2, с. 214].

Ходить голым по улицам — аморально. Брызгать слюной, орать голому, что он негодяй — безнравственно. Почувствуйте разницу. Мир движется в сторону аморализма, это правда. Зато он идет в сторону нравственности. Нравственность — штука тонкая, ситуативная. Мораль более формальна. Ее можно свести к неким правилам и запретам.

Все приведенные рассуждения фактически направлены на расширение индивидуального выбора людей, но не учитывают возможных отрицательных общественных последствий такого выбора. Например, если общество признает гомосексуальную семью нормальной, то часть людей, которые ныне скрывают свою сексуальную ориентацию и имеют гетеросексуальные семьи, перестанут это делать, что может отрицательно повлиять на рождаемость. Если мы перестанем осуждать употребление наркотиков, то количество наркоманов может увеличиться за счет тех, кто ныне избегает наркотиков из страха наказания.

Концепция Современного общества исходит из того, что в подобных вопросах нужно не допускать несправедливости и дискриминации. Например, если мы хотим бороться с низкой рождаемостью, то порицанию и наказанию должны подвергаться все бездетные люди, а не только гомосексуалисты.

Свобода слова приводит к тому, что начинает публиковаться порнография и сцены жестокости. Многие люди считают, что это, в свою очередь, отрицательно влияет на семейные ценности и поощряет к насилию. С другой стороны, по словам основателя организации Internet Freedom Криса Эванса, «60 лет исследований влияния СМИ на общество не обнаружили связи между жестокими изображениями и жестокими действиями». В 1969 году Дания отменила все ограничения на порнографию, и количество преступлений на сексуальной почве сразу пошло вниз [3,

с. 141]. Есть основания полагать, что дедовщина в армии в гораздо большей степени воспитывает в человеке привычку к насилию, чем самые кровавые кинобоевики.

Изменение моральных норм интерпретируется некоторыми людьми как «разложение» и «загнивание», которое приведет к «краху нашей цивилизации». Исторический опыт показывает, что крах ожидает как раз тех, кто застыл на месте и не меняется.

Следует ли бороться с негативными явлениями путем введения запретов и применения насилия в случае их нарушения? Как показывает исторический опыт, бороться с объективными закономерностями развития общества бессмысленно. Как правило, негативные и позитивные результаты развития взаимосвязаны и невозможно бороться с негативом без разрушения позитива. Поэтому в тех случаях, когда такая борьба оказывается успешной, общество платит за это отставанием в развитии — причем негативные тенденции просто переносятся на будущее [4, с. 58].

Более конструктивным представляется иной подход. Необходимо без эмоций изучить закономерности общественных изменений и понять, к каким положительным и отрицательным последствиям они ведут. После чего общество должно предпринять действия, направленные на усиление положительных сторон имеющихся тенденций и ослабление отрицательных.

Увеличение свободы всегда приводит к тому, что некоторые люди употребляют ее себе во вред. Например, возможность приобретать водку ведет к появлению алкоголиков, свобода выбирать образ жизни приводит к появлению бомжей, сексуальная свобода увеличивает число заболевших венерическими болезнями. Поэтому более свободные общества всегда обвиняются в «загнивании», «нравственном разложении» и т.п. Однако большинство людей достаточно рациональны и употребляют свободу себе во благо. В результате общество становится более эффективным, развивается быстрее.

Когда говорят о «здоровье» и «нездоровье» общества, то забывают о том, что состояние общества не может быть описано в терминах здоров/нездоров/третьего не дано. Несвободные общества гораздо более «здоровы» в смысле отсутствия маргиналов (к примеру, в фашистской Германии даже душевнобольных уничтожили). Но они гораздо менее здоровы в смысле отсутствия людей, нацеленных на развитие. Поэтому несвободные, чрезмерно зарегулированные общества (в т.ч. зарегулированные слишком жесткими моральными нормами) неизбежно проигрывают. Да и запреты, как правило, не слишком эффективны — сухой закон, к примеру, не столько борется с алкоголизмом, сколько порождает мафию. Наилучший выбор — максимум свободы при жестком подавлении агрессивных маргиналов (в т.ч. уничтожении преступников).

Современная нравственность пробивает себе дорогу и в России. Новое поколение значительно индивидуальнее и свободнее. Большинство российских предпринимателей говорят, что нанимать молодежь на работу вы-

годно — молодые честнее, энергичнее и реже воруют. В то же время, в переходный период наблюдаются кризисные явления, в т.ч. и в сфере нравственности. Так было, например, при переходе от аграрного к индустриальному обществу, в частности, Англия начала-середины XIX века испытывала серьезный кризис, сопровождавшийся ростом алкоголизма, распадом семей, беспризорностью и т.д. [5, с. 311]

Здесь, кстати, следует упомянуть об одном распространенном мифе. Древний Рим рухнул не в результате «нравственного разложения», а потому что перестал развиваться. Главное преимущество Рима заключалось в наличии правового государства и эффективного гражданского общества. С переходом от республики к имперской диктатуре эти общественные институты были постепенно подорваны, развитие прекратилось, и в результате Рим превратился в типичную нестабильную империю, не имеющую фундаментальных общественных преимуществ по сравнению с варварским окружением. С этого момента его гибель стала лишь вопросом времени.

Но общество ждет гибель и в том случае, если свобода перешагнет определенные рамки и у одних людей появится безнаказанная свобода причинять ущерб другим. Фактически это означает, что свобода одних урезается за счет увеличения прав других, т.е. свобода уничтожается. Именно поэтому мораль Современного общества заключается в полной свободе, за исключением права на причинение непосредственного ущерба другому человеку. Более того, Современное общество должно быть нетерпимым к любым попыткам причинять такой ущерб, т.е. ограничивать свободу кого-либо. В этом Современное общество должно быть бескомпромиссно и даже жестоко: как показывает опыт, основные проблемы наиболее современных стран заключаются именно в чрезмерном гуманизме по отношению к нетерпимым и агрессивным людям.

Можно возразить, что «вседозволенность допустить нельзя!». И этот тезис абсолютно верен. Вседозволенность — это дозволение одному человеку причинять вред другому. Например, безопасный добрачный секс не является вседозволенностью, т.к. каждый из участников не видит в этом какого-либо ущерба для себя. А вот «высокоморальный» Иран — это государство вседозволенности: в уголовном кодексе этой страны, основанном на нормах шариата, предусмотрена казнь женщин через забрасывание камнями за некоторые «сексуальные преступления». Причем специально оговаривается, что камни не должны быть слишком большими, чтобы жертва не умерла сразу. Подобное садистское убийство несомненно является вседозволенностью.

Мораль Современного общества (в отличие от религиозной морали) — это мораль, основанная на разуме. Такая мораль эффективнее морали на основе эмоций: эмоции работают автоматически, тогда как разум позволяет действовать более тонко в зависимости от ситуации (при условии, разумеется, что разум наличествует). Точно также как человеческое поведение на основе эмоцио-

нальной нравственности эффективнее животного поведения на основе врожденных инстинктов.

Человек переходного периода (переход от индустриального общества — к постиндустриальному, Современному) неосознанно испытывает чувство вины из-за продолжающегося действия традиционных моральных установок. Религиозные деятели все еще обладают высоким моральным авторитетом и они осуждают Современное общество.

Отсюда и все разговоры о якобы имеющейся «гнилости» и «разложении», хотя в действительности безнравственности стало гораздо меньше (более того, носителями наивысшей формы безнравственности — насилия и агрессивности — являются как раз люди традиционных культур, особенно фундаменталисты).

Религиозные деятели, осуждая нравственность Современного общества, обычно рассуждают так: отход от религиозной нравственности приводит к отмене нравственных установок вообще, в результате чего люди начнут воровать, убивать и т.д. Они не хотят замечать, что нравственность Современных людей движется в прямо противоположном направлении: в сторону осуждения насилия и агрессии в любой форме (и, к примеру, в сторону осуждения воровства, ведь Современные люди — это, как правило, зажиточный средний класс).

Как показывают исследования, наименьшая степень как религиозности, так и преступности наблюдается среди высокообразованных людей. Т.е. отход от традиционной нравственности вовсе не приводит к падению нравственности вообще. Но для традиционного, малообразованного человека рассуждения религиозных деятелей полностью оправданы. Для этих людей нужна «наказывающая дубинка» в виде ада; впрочем, зато они легко идут насилие «во имя Бога».

Господствующая в переходном обществе мораль некомфортна для человека, потому что она противоречива, а значит не дает ему силы. Она пытается совместить несовместимое: либеральное право человека на выбор и традиционные корни, которые такое право отрицали. Решая это противоречие, одни уходят в фундаментализм, другие бросаются в эгоистическую «жизнь ради развлечений». И то, и другое не способствует развитию и, следовательно, бесперспективно. Поэтому нужна непротиворечивая мораль, следование которой обеспечивает успех как отдельному человеку, так и всему обществу.

Нравственные ценности Современного общества заметно отличаются от традиционных. Например, из 10 библейских заповедей не работают пять: три, посвященные Богу (т.к. вступают в противоречие со свободой совести), о субботе (противоречие со свободой распоряжаться своим временем), и «не прелюбодействуй» (противоречие со свободой личной жизни). И наоборот, некоторые необходимые заповеди в религии отсутствуют. Аналогичная картина не только с Библией, но и с установками других религий.

У Современного общества есть свои важнейшие ценности, которые в традиционных обществах были далеко

не на первом месте (и даже рассматривались как отрицательные):

— «не ленись, будь энергичен, всегда стремись к большему»;

— «саморазвивайся, учись, становись умнее — тем самым ты содействуешь прогрессу человечества»;

— «добивайся личного успеха, достигай богатства, живи в достатке — тем самым ты содействуешь процветанию и развитию общества»;

— «не доставляй другим неудобств, не лезь в чужую жизнь, уважай личность другого и частную собственность» [6, с. 35].

Основной акцент делается на саморазвитии, что приводит, с одной стороны, к достижению личных целей (например, карьерному росту), а с другой стороны, — к «непотребительскому» отношению к другим людям (т.к. главный ресурс — свои способности — за счет других увеличить невозможно). Разумеется, сохраняются (а точнее — усиливаются) все классические нравственные императивы: «не убивай», «не воруй», «не лги», «сочувствуй и помогай другим людям». И эти базовые установки уже не будут нарушаться во имя Бога, чем грешат большинство религий (особенно по отношению к «иноверцам»). Причем в наибольшей степени усилится самая проблемная заповедь — «не лги» — что радикально повысит уровень доверия в обществе, а значит и эффективность общественных механизмов, включая уничтожение коррупции. Ведь человек, который постоянно развивает себя, всегда уверен в собственных силах и ему незачем лгать. Ложь ему не выгодна — она может подорвать его репутацию профессионала. Более того, ложь не нужна, потому что многие вещи перестают быть «стыдными» и их не нужно скрывать. Кроме того, установка на саморазвитие означает, что свой главный ресурс человек видит внутри себя и ему незачем эксплуатировать других.

Если говорить о приоритетности ценностей, то главное для Современного общества — это свобода человека и осуждение насилия и нетерпимости. В отличие от религии, где возможно оправдание насилия во имя Бога, современная мораль отвергает любое насилие и нетерпимость (хотя и может применять государственное насилие в ответ на насилие). С точки зрения Современной нравственности, традиционное общество просто переполнено безнравственностью и бездуховностью, включая жесткое насилие по отношению к женщинам и детям (когда они отказываются подчиняться), ко всем инакомыслящим и «нарушителям традиций» (зачастую нелепых), высокий градус нетерпимости по отношению к иноверцам и т.п.

Важным нравственным императивом Современного общества является уважение к закону и праву, т.к. только закон может защитить свободу человека, обеспечить равенство и безопасность людей. И, напротив, желание подчинить другого, унижить чье-либо достоинство являются самыми постыдными вещами.

Общество, где все эти ценности работают в полном объеме, было бы, пожалуй, самым эффективным,

сложным, быстроразвивающимся и богатым в истории. Оно было бы и самым счастливым, т.к. предоставляло бы человеку максимум возможностей для самореализации.

Необходимо отметить, что все вышеперечисленное — не есть придуманная, искусственная конструкция. Это лишь описание того, чему уже следуют миллионы людей — Современных людей, которых становится все больше и больше. Это и есть мораль человека, который упорно учился, который с помощью собственных усилий стал профессионалом, который ценит свою свободу и терпимо относится к другим людям. Мы — большинство в развитых странах, скоро мы будем большинством и в России.

Современная нравственность — это не потакание эгоизму и «низменным инстинктам». Современная нравственность предъявляет к человеку больше требований, чем когда-либо ранее в человеческой истории. Традиционная мораль давала человеку четкие правила жизни, но не требовала от него ничего сверх того. Жизнь человека в традиционном обществе была регламентирована, достаточно было просто жить по заведенному веками порядку. Это не требовало душевых усилий, это было просто и примитивно.

Современная мораль требует от человека развиваться и собственными усилиями добиваться успеха. Но она не говорит, как это сделать, лишь стимулирует человека к постоянному поиску, преодолению себя и напряжению своих сил. Взамен современная нравственность дает человеку ощущение того, что он не винтик бессмысленной

машины, придуманной неизвестно зачем, а творец будущего и один из строителей самого себя и всего этого мира. Кроме того, саморазвитие, повышение профессионализма приводит и к обретению материального богатства, дает достаток и процветание уже «в этой жизни». Вне всякого сомнения, Современная нравственность уничтожает многие бессмысленные правила и запреты и в этом смысле делает жизнь легче и приятнее. Но одновременно современная нравственность жестко предъявляет к человеку требование быть именно человеком, а не идти на поводу собственных животных инстинктов либо стадного чувства. Эта нравственность требует проявлений разума, а не примитивных эмоций вроде агрессии, мести, желания подчинять других людей или подчиняться авторитету, который «все за нас устроит и решит». И далеко не просто стать толерантным, перебороть в себе личные и общественные комплексы [6, с. 31].

Но главное — Современная нравственность делает упор не на «ублажении себя любимого» и не на самоотверженном (точнее самоуничтожительном) достижении «великих целей», а на самосовершенствовании и совершенствовании всего, что окружает Современного человека. В результате людям нечего делить — никому не нужно что-либо отнимать у других, чтобы сосредоточить у себя больше ресурсов. Ведь невозможно развить себя за счет других — это можно сделать лишь в результате собственных усилий.

Литература:

1. Ананьев Б.Г. Человек как предмет воспитания. — СПб., 2008.
2. Бердяев Н.А. О назначении человека. — М., 1993.
3. А.Печчи. Человеческие качества. // Мир философии, ч.2. — М., 1991.
4. Сорокин П.А. Человек, цивилизация, общество. — М., 1992.
5. Тейяр де Шарден. Феномен человека. — М., 1987.
6. Карл Ясперс. Духовная ситуация времени. // Человек и его ценности. — М., 1998.

Финляндское население Карельского перешейка в предвоенные годы: трагедия и реальность войны

Большакова Галина Ивановна, доктор исторических наук, профессор
Выборгский филиал Санкт-Петербургского государственного университета сервиса и экономики

В условиях Второй мировой войны мир между Советским Союзом и Финляндией неоднократно висел на волоске. Осенью 1939 года угроза военных действий была настолько очевидной, что финляндское правительство предприняло ряд мер по обеспечению безопасности приграничных районов Карельского перешейка, являющегося юго-восточной частью Виipurского округа страны. Предписание населению приграничных деревень, города Виипури (Выборга) и островов Финского залива покинуть родные места стало одной из важнейших пунктов мо-

билизационного плана. 10 октября 1939 года финляндское радио официально сообщило, что в трехдневный срок будет произведена эвакуация населения в тыл Финляндии из городов: Хельсинки, Виипури, Тампере. Так, только из Хельсинки предполагалось эвакуировать 124 тысячи человек. Лицам, изъявившим желание добровольно эвакуироваться, были обещаны льготы в отношении выбора района нового места жительства и оплата переезда [3, с.71]. Финляндские источники сообщали, что с двадцатикилометрового (российские, что со ста километро-

вого) коридора [3, с. 39]) приграничных территорий Карельского перешейка и побережья Финского залива было эвакуировано около 45 тысяч финских карел. Освобождающиеся населенные пункты и дома сразу занимались частями финляндской армии. Эвакуируемое население зачастую не знало конечный пункт переезда, очень надеялось на скорое возвращение в родные места. Из воспоминаний Яло Суурсохо, жителя Карельского перешейка, пережившем первую эвакуацию: «Осенью 1939 года, когда Советский Союз угрожал Финляндии войной для реализации своих территориальных претензий, жителям острова Лавансаари пришлось оставить места, служившие им домом в течение столетий, а многим и отказаться от своих привычных занятий и профессий. 10 октября, в 18 часов 1 200 жителей получили приказ ленсмана (ленсман — основное публичное должностное лицо в сельской местности. Он руководил деятельностью сельской полиции; в суде выступал как официальный обвинитель и судебный исполнитель; кроме того, ведал сбором налогов — Г.Б.) в течение двух часов подготовиться к отправке на материк. С собой разрешалось брать только некоторую одежду и еду. <...> До фактического начала войны 30 ноября, жители острова, как с разрешения официальных лиц, так и без него, неоднократно плавали на лодках на остров за оставшимся там имуществом и инвентарем <...>» [4, с. 71].

Несмотря на то, что московские переговоры очередной раз в ноябре 1939 года были прерваны, и отношения между государствами оставались отнюдь не миролюбивыми, финны не допускали вероятности войны. Им казалось, что все обойдется и миру ничего не угрожает. Поэтому дальнейшие события способствовали тому, что некоторая часть эвакуированных вернулась в свои дома до начала Зимней войны. Жизнь постепенно входила в прежнее русло. Осенью 1939 года даже начали работать школы.

После срыва попытки обеспечить безопасность Ленинграда дипломатическим, мирным путем советское руководство пришло к выводу, что в условиях начавшейся Второй мировой войны, эту проблему нужно решать только военным путем.

Начавшаяся 30 ноября 1939 г. советско-финляндская война, вызвала в Финляндии новую серьезную волну эвакуации. Финское население спешно покидало родные места, бросая все, что мешало мобильному передвижению, и уходило в тыл по мере приближения линии фронта. Эти события отражались в периодической печати, как Финляндии, так и Советского Союза. В частности, в газете «Карьяла», в номере за 15 июня 1940 года было опубликовано письмо одного финского переселенца, в котором говорилось: «Когда началась эвакуация, эвакуируемые не имели права брать с собой движимое имущество, разрешалось взять на пять дней только лишь пищу, а прочего имущества столько, сколько можно легко нести в руках. В неизвестный путь пришлось отправиться, кто как мог <...>» [2].

Все проблемы по эвакуации детей, стариков, больных легли на плечи женщин и даже подростков, так как все

мужчины были на фронте. При 20–30 градусном морозе, недостатке средств передвижения и их загруженности, вследствие военных перевозок, некоторым переселенцам пришлось уходить на десятки километров по запруженным, узким дорогам лишь с малым количеством провизии, так как разрешалось из семейного хозяйства брать только самое необходимое. При этом страдали не только люди, но и домашние животные. Некоторая часть скота, выгнанного из теплых хлевов на мороз, замерзала в пути. Очевидец событий Тойни Пелтонен вспоминала: «Мой дом находился в Пюхьярви. Старики и дети были эвакуированы отсюда в субботу 2 декабря 1939 года. Деревню необходимо было оставить к 17 часам. Из моей семьи в путь отправились 67-летняя бабушка, мать, два брата и двое детей моего дяди. Отец, сестра и жена дяди ушли раньше вместе со скотиной <...>. Я дежурила на телефонной станции в соседней деревне. Уже там я узнала об оставлении родного села. Я хотела попрощаться с родными. До дома было около 9 километров. Один мужчина подвез меня немного на лошади. Когда мы въехали на холм, то увидели пылающее небо и грохот. Вытирая слезы, смотрели мы на эту страшную картину. Родная деревня была покрыта темнотой. У ворот мяукающая кошка пришла мне навстречу. Оказалось, что все родственники уже ушли на остановку, которая была примерно в трех километрах <...>. На остановке было не счесть количества людей, беженцев. Вначале я нашла бабушку. Она сидела в темноте среди тюков. Первое, что она сказала, было: «Если бы мне умереть до станции Пюхьярви, ты бы положила меня рядом с дедом в Хаукканиemi». И не было обиды в голосе оттого, что пришлось бросить и унаследованную от отцов землю, и все, что составляло смысл жизни. Помещение станции было забито. Плакали дети. Вид всего этого терзал душу» [5, с. 19].

Как отмечают финские источники, массовая эвакуация в ноябре — декабре 1939 года из приграничных районов была плохо подготовлена [6, с. 9]. Средств для её успешного осуществления не хватало. Пассажирских вагонов насчитывалось единицы, чаще составы для эвакуации состояли из теплушек, но и такие составы прибывали и отправлялись не по графику. Эвакуированные не имели информации о конечных пунктах назначения. Жизненные условия в местах вселения так же были далеко не идеальными. Государственное пособие, выделяемое эвакуированному населению, часто получали хозяева, у которых размещали беженцев. Унизительным было и то, что переселенцам, прибывшим на конечный пункт, приходилось ждать, когда местное население разберет их по домам и т.д. Некоторые финские жители Карельского перешейка по разным причинам не успели выехать с родных мест, остались на оккупированной территории. Например, жители восточных деревень в районе Суоярви были взяты в плен, часть из них погибла в лагерях.

В районах, расположенных дальше от границы, эвакуация проходила более спокойно, однако и здесь не было возможности вывозить имущество.

Более половина переселенцев-карел были земледельцами, для них необходимо было найти новые земли в других районах Финляндии.

В марте 1940 года, когда на Карельском перешейке установилась новая государственная граница, началась тотальная эвакуация финского населения с отошедших СССР территорий. Из воспоминаний Йормы Сильвеннойнен: «Мы потеряли дома и стали бездомными. <...> В течение двух дней нам необходимо было оставить дом и в мешках привезти на железнодорожный вокзал столько зерна, сколько успеешь. Скотину нужно было отправить с погонщиком в направлении новой границы. В телегу погрузить всю необходимую пищу и одежду. <...>. Вряд ли можно было позавидовать судьбе многих карельских семей. Эвакуация была закончена, впереди ожидала суровая действительность. На новых местах многие семьи жили в холодных избах. С едой было сложно, одежда осталась на родине, а новую купить было невозможно, так как все распределялось по карточкам» [5, с. 21].

Для перемещения и размещения финского гражданского населения на новых местах вселения, правительством была разработана переселенческая программа. Парламентом Финляндии был принят закон о срочном расселении беженцев и о компенсациях. Практической работой по размещению переселенцев в тылу занимались органы местной администрации. В их задачи входило обеспечение размещения беженцев, а позже — предоставление им участков земли для строительства жилья и дальнейшего обустройства.

План размещения переселенцев касался в основном лишь жителей сельских районов — земледельцев, обладавших правом на фермерские усадьбы. Они составляли 35% ото всех переселенцев. Земледельцев Карельского перешейка стремились поселить на таком расстоянии от Хельсинки, которое соответствовало расстоянию их бывших усадеб от Выборга. При размещении эвакуированных финские власти стремились к тому, чтобы выходцы из одного района селились поблизости друг от друга. Так, неподалеку от Куовола, на территории муниципалитета Валкеала, образовались целые деревни, населенные выходцами с Карельского перешейка.

Расселение столь большой части людей было делом нелегким. Эвакуированным соотечественникам в местах нового вселения не всегда оказывали радушный прием. Кто-то понимал ситуацию, пытаясь облегчить жизнь переселенцам. Некоторые откровенно видели в прибывших «эвакко» (так в Финляндии называли переселенцев-беженцев — Г.Б.) только дешевую рабочую силу и смотрели на них свысока. Комментируя статью в газете «Карьяла» от 3 июля 1940 года, первая газета советского Выборга — «Виипурский большевик» так сообщала о проблеме расселения переселенцев — финских карел в центральных губерниях Финляндии: «Отношение к переселенцам финских жителей крайне плохое. Во многих семьях беженцев называли «москалями» и лодырями, и советовали им выехать в «страну Молотова» [2].

В тот период, когда, с марта 1940 по август 1941 года Карельский перешеек находился в составе Советского Союза, работа по обеспечению землей финских беженцев осуществлялась. Но, начиная с лета 1941 года, когда началась Великая Отечественная война и на Карельском перешейке вновь возобновились военные действия, выполнение предписаний о предоставлении земельных участков эвакуированным с Карельского перешейка в Финляндию было прервано. По мере продвижения финской армии к старой государственной границе и ее стабилизации, финское население с сентября 1941 года стало вновь возвращаться в родные места. Из воспоминаний Мирьи Куйсмин-Нурми: «Прошло полтора года как мы покинули свою родину. Возвращение захватывало дух. Свое имущество погрузили на повозку, которую тянула лошадь, а две коровы шли следом. Это была вся наша мирская собственность в тот момент. Стоял сентябрь, работавшие на полях люди удивлялись, когда мы говорили, что отправляемся на родину. <...> Прибыли в Ихала (родная станция). После русских станция была в ужасном состоянии. Поехали на лошади в Мюллюкюля, в дом, где жили предки, где родились и отец, и дед. В деревне не раздавалось ни звука. Мы были первыми возвратившимися из всех жителей. Первую ночь провели в конюшне вместе с лошадью. Оставленный русскими дом был холодный и грязный» [5, с. 21].

Возвращающееся население еще не знало, что им придется оставить Карельский перешеек — Родину еще раз и навсегда. Через два года и десять месяцев, в июне 1944 года в ходе военной операции «Карельский вал», разработанной Ставкой Верховного Главнокомандования, советская армия начала наступление на Карельском перешейке и отвоевала его буквально за десять дней. Как известно, уже 20 июня 1944 года был взят Выборг.

11 июля 1944 года боевые действия советских войск, на тот момент находившиеся в районе реки Вуоксы в окрестностях деревни Эйряпяя (нынешний поселок Барышево Выборгского района — Г.Б.), были приостановлены по указанию Ставки Верховного Главнокомандования. Финляндское население вновь бежало от наступающего фронта. Успешные боевые действия и продвижение советских войск на Карельском перешейке привели к тому, что финляндское правительство в целях безопасности решило начать частичную эвакуацию из Хельсинки и предоставило Государственному совету чрезвычайные полномочия. Но Красная армия не пошла дальше государственной границы, установленной в марте 1940 г.

Так на Карельском перешейке началась вторая изнурительная эвакуация финского населения. Следует отметить, что уроки первой эвакуации (1939 г.) в Финляндии не были забыты. Теперь эвакуация шла по специально разработанной программе, которая в 1944 году предусматривала более организованную и результативную работу не только по эвакуации, но и расселению. Финских переселенцев размещали преимущественно в губерниях Уусимаа, Кюми, Хяме, а также Турку и Пори. Людей старались расселять компактно. Выходцев из западных районов

Карельского перешейка размещали на территориях южного побережья с финским населением, из других районов — в северных районах Кюминлааксо и Хяме. При размещении населения старались учитывать то, чтобы новые земли были по экономическим возможностям, по природе и транспортным связям были максимально похожи на родные места, из которых прибывали переселенцы. Горожан, эвакуированных с отошедших территорий и работавших в промышленности, расселяли в более крупных городах и населенных пунктах страны. Столь значительная миграция привела к серьезным проблемам, одной из которых была резкая нехватка жилья. Особо остро это почувствовали в Хельсинки. Семьи размещались в преобразованные под временное жилье бомбоубежища, школы и другие общественные здания. Из воспоминаний Йормы Сильвонен: «Вторая эвакуация прошла более организованно, времени на нее было три недели. Карелам снова пришлось купить Финляндии независимость своими родными местами<...>. Многим семьям приходилось по много раз переселяться из порой непригодных мест проживания даже на другой конец Финляндии» [5, с. 21]. О трудностях переселения рассказывала Марта Сааринен: «<...>После долгой и нерадостной дороги прибыли в Юливиеска, где сошли с поезда. Вид был неутешительный. Вся территория станции была полна имущества переселенцев и животных. Сотни, может тысячи животных, стояли в загоне. Они все кричали от голода, от жажды, оттого, что находятся в чужом месте. Нас отвезли в Калайоки в дом собраний молодежи. Оттуда разбирали по семьям местные хозяйства» [5, с. 20]. Привыкание к новым условиям прохо-

дило неоднозначно. Некоторые карельские семьи тяжело переживали расставание с родными местами, другие относились к переселению спокойно и терпимо. Из воспоминаний Лауры Лайтсаари: «От себя могу сказать, что у нас не было никаких сложностей с привыканием на новом месте, среди новых людей. Нас всегда хорошо принимали, где бы мы ни жили. К нам относились по-человечески. Мы много трудились, добывая хлеб насущный» [5, с. 23].

Таким образом, в результате Второй мировой войны, а её рамках советско-финляндской и Великой Отечественной, непосредственно прошедших на территории Карельского перешейка, кардинально изменились перспективы развития бывших финских земель, которые в составе СССР приобрели новое направление и содержание. 400 тысяч коренного населения юго-восточной Финляндии, из них 293 тысячи финских карел Карельского перешейка [1, с. 17] вынужденно оставили свою родину, а советские переселенцы, переживая трудности социальной и биологической адаптации, переселившиеся на присоединенные территории из разных регионов Советского Союза, стали их новыми жителями.

Важно подчеркнуть, что в послевоенное время, несмотря на начавшийся период «холодной войны», трудности политического и экономического характера, Советский Союз начал строить взаимоотношения с Финляндией, основой которых стали принципы добрососедства, сохранения мира и доверия. Это привело в настоящее время к динамичному их развитию, что стало примером уникального экономического, политического, торгового и культурного взаимодействия двух государств.

Литература:

1. Карельский вопрос. — Хельсинки: Союз Карелия (Karjalan Liitto), 1996.
2. Незавидная судьба карельских беженцев в Финляндии //Виипурский большевик.-1941. — 26 января.
3. Пограничные войска СССР 1939—1941 гг. Сб. документов и материалов. — М.1970.
4. Суурсохо Я. Неожиданный уход. Эвакуация из Лавансаари. — Хельсинки: ПроКарелиа, 2001.
5. Хонканен М. Суровая судьба карельского народа в 1939—1944 гг. — Хельсинки: ПроКарелиа, 2001.
6. Что такое Карелия /Перевод с финского яз. Г. Пронин.-Хельсинки: АО Ателье Эскелин, 1997.

Социокультурная характеристика преподавательниц женских учебных заведений г. Иркутска первой половины XIX – начала XX в.

Долотова Любовь Сергеевна, учитель истории
МОУ СОШ №15 (г. Иркутск)

Женское образование Сибири, в силу ряда причин, устанавилось значительно позже столичного. Первые учебные заведения в Иркутске появляются в 30–40-е гг. XIX в. Женские учебные заведения Иркутска представлены Сиропитательным домом, Девичьим институтом, двумя гимназиями имени почетного гражданина города И.С. Хамина и частными гимназиями.

Социокультурная характеристика дает четкое представление о преподавательницах Иркутска XIX — начала XX века. Именно благодаря ей стало возможным получить сведения о столь неосвещенной стороне женского образования — социокультурной сфере жизни педагогов. С помощью данного анализа удалось выявить уровень полученного образования педагогов, их возраст, занимаемые

должности, выяснить опыт работы, продолжительность педагогической деятельности. Также был рассмотрен количественный и сословный состав учительниц разных учебных заведений, сделаны выводы по семейному положению, религиозному отношению.

Из исследованных материалов архивов, газет я могу охарактеризовать триста преподавательниц, которые трудились в женских учебных заведениях в XIX — начале XX вв. Характеристика начинается с учительниц, преподававших с 1838 г. Из них 240 человек (80%) работали на государственной службе и 60 (20%) — в частных учебных заведениях города.

Самым первым учебным заведением для девочек в Иркутске был Сиропитательный дом Елизаветы Медведниковой. Источники позволяют выявить 55 женщин от общего числа, служивших в разные годы на протяжении всего периода деятельности заведения. В связи с отсутствием исчерпывающих данных, касающихся полученного образования, я могу охарактеризовать 40 девушек (73%) из 55. Из них 12 человек (30%) окончили свое родное учебное заведение, столько же были приезжими и образование получили за пределами города Иркутска. Среди учебных заведений, которые они окончили, наиболее часто встречаются: Патриотический институт, Московские и Петроградские Высшие женские курсы. 8 девушек (20%) были выпускницами первой Иркутской женской гимназии имени И.С. Хаминова. 4 человека (10%) вышли из стен Девичьего Института, 3 (7,5%) окончили Епархиальное училище, наконец, одна девушка (2,5%) окончила курс второй женской гимназии.

Среди 55 женщин-педагогов Сиропитательного дома в качестве надзирательниц трудилось 18 женщин (33%), воспитательниц было 15 человек (27%), из числа начальниц мне удалось охарактеризовать 12 человек (22%), наконец, из учителей 10 девушек (18%). Часть педагогических кадров данного заведения — 28 человек (51%) были местными, чуть меньше — 27 женщин (49%) приезжими. Из 12 начальниц лишь три были местными: одна окончила курс Девичьего Института, две — первую женскую Иркутскую гимназию.

Из 14 педагогов, данные относительно семейного положения которых были выявлены, 13 являлись замужними дамами.

Что касается происхождения, то из 55 женщин, можно охарактеризовать 20, то есть 36%. Наибольшее число педагогов вышли из семей чиновников, как военных, так и гражданских. Данная категория насчитывает 40%. На втором месте учителя из мещанского сословия — 30%. По 10% было встречено дочерей священников и крестьян. Из купеческих семей всего 5%, столько же из цеховых.

Рассматривая в целом стаж всех педагогических работниц, можно увидеть, что срок службы колеблется от 1 года до 13 лет, средний срок — 5–8 лет.

Педагогический коллектив Девичьего института представляют 84 человека или 28% от общего числа всех исследованных. Охарактеризованные женщины трудились

в институте в разные годы на протяжении всего периода деятельности заведения. Надо сказать, что Девичий институт один из первых женских учебных заведений города, и поэтому значительная часть их относится к приезжим женщинам. В Иркутске только-только появилось женское образование и, конечно, в связи с отсутствием местных педагогов, были присланы дамы со столичным образованием, хорошим воспитанием и опытом работы. Они являлись образцом для подражания и дальнейшего распространения женского образования. Выпускницы Института Восточной Сибири перенимали навыки своих наставниц и реализовывали их в своей педагогической практике.

Из педагогических работниц Девичьего Института, 50 человек (60%), занимали должность классных дам, 26 человек (30%) являлись учителями, 8 человек (11%) — начальницами.

Анализ полученного образования вызвал некоторые затруднения, так как не у всех девушек были найдены данные относительно оконченного учебного заведения. В связи с этим по данному критерию можно охарактеризовать 70 человек из 84, что составляет 83%. 45 девушек из 70 (64%) окончили свой родной институт, 25 человек (36%) были приезжими и получили образование за пределами Иркутска. В числе таких учебных заведений встречаются Петербургский Екатерининский Институт, Павловский Институт, затем Петроградские Высшие женские курсы, а так же Мариинский Институт благородных девиц. 7 из 8 начальниц за все годы существования заведения были приезжими — это почти 90%. Всего одна начальница Моллериус А.П. — самая последняя, была местной. Она являлась супругой иркутского губернатора. Прослужила она всего три года, в связи с прекращением работы института. Охарактеризовать можно 35 классных дам из 50, то есть 70%. Среди них приезжих было 10 — это 29%, местных 25 человек — 71%. Среди учителей местных 20 человек (77%) из 26, приезжих 6 (23%).

Таким образом, определенная часть педагогического коллектива Девичьего института Восточной Сибири имела столичное образование и педагогический стаж. Все они ранее работали в столичных институтах и были приглашены в Иркутск. За 50 лет институт окончили 668 девушек. По окончании курса девушки имели право заниматься педагогической деятельностью. Институтки были мною замечены не только среди учительниц Девичьего института, но и других учебных заведений Иркутска, а так же за его пределами. Почти из каждого выпуска 1–3 выпускницы оставались в Институте пепиньерками, а затем занимали должность классных дам или учительниц. Из 668 выпускниц мне удалось найти информативные данные примерно о 45 выпускницах, то есть почти о 7% из всех окончивших Девичий институт за все годы его существования.

Среди подвергшихся исследованию, 8 человек из 15, чье семейное положение удалось охарактеризовать, были замужем (53%), 7 женщин (47%) — не замужем.

Средний срок службы в целом всех педагогов института от 1 года до 10 лет, но встречается и более продолжительный стаж, например, 20–26 лет.

Средний возраст 40 из 84 педагогов Института, данные о возрасте которых были найдены, 20–29 лет. В основном, в таком возрасте состояли на службе местные девушки, они начинали педагогическую деятельность почти сразу после окончания курса обучения. Приезжие, предполагая, были более старшего возраста — 35–50 лет, так как за плечами у них были годы работы в столичных и других учебных заведениях.

Что касается сословной принадлежности, то девушки в большинстве имели благородное происхождение. Среди них большая часть относится к семьям чиновников. Присутствуют девушки из купеческих семей, их родители относились к купцам 1-й и 2-й гильдий. Есть небольшое количество дочерей священнослужителей.

Что касается продолжительности службы классных дам, то во вторую половину XIX века она значительно снизилась. Для того чтобы узнать причину этого явления, я сравнила службу этой категории работников образования в первой и второй половине века. Служба женщин первой половины продолжалась в среднем 15–20 лет. Средний срок службы представителей второй половины составлял 2–5 лет. Объясняю я это тем, что в это время на данную должность поступают выпускницы Девичьего института. Причиной недолговременной службы классных дам можно считать карьерный рост. Начиная с должности классных дам Девичьего института, девушки, обретая навыки и опыт, становились начальницами Сиропитательного дома, и появившихся позже гимназий как. Второй причиной считаю то обстоятельство, что все они были молоды (20–25 лет) и, выходя затем замуж, оставляли службу. Причину участвовавшего выхода классных дам замуж надо искать в том, что в Иркутске контингент классных дам института представлял собой наиболее образованную и воспитанную часть женской молодежи. Причиной недолговременной службы приезжих второй половины XIX века можно считать то, что классные дамы, приезжавшие на службу в Иркутск из Европейской России, покидали свои семьи, тяготясь разлукой, стремились перейти на службу в менее отдаленные от них учебно-воспитательные заведения, что им нередко удавалось. Вот главные причины, вследствие которых продолжительность службы классных дам в институте Восточной Сибири была не велика.

В 1860 г. открывается первая Иркутская женская гимназия И.С. Хаминова. Из всех педагогов этой гимназии мне удалось более глубоко и информативно охарактеризовать 57 человек, работающих в разные годы на протяжении всего периода существования учебного заведения.

Из них 32 человека, то есть 56% от общего числа работниц гимназии занимались преподавательской деятельностью. 15 человек (26%) относились к классным надзирательницам, 7 девушек (12%) работали воспитательницами. Из начальниц удалось охарактеризовать троих — 5%.

Из всего педагогического коллектива гимназии 26 человек (46%) были выпускницами самой гимназии. 17 человек (30%) были приезжими. 8 (14%) получили свое образование в Девичьем институте. Из выпускниц второй женской Иркутской гимназии можно отметить 3 человек (8%). 3 девушки (5%) окончили курс Епархиального училища и Александринского приюта.

Среди 32 учительниц гимназии 12 приехали из других городов. По 8 человек выпустилось из Девичьего Института и первой женской гимназии. Молоденькие выпускницы, окончили курс обучения и сразу остались работать в родной гимназии. Из 15 классных надзирательниц 12 — выпускницы первой гимназии, 2 — приезжие, 1 — Епархиального училища. Все 7 воспитательниц вышли из стен 1-й Хаминовской гимназии. Из трех начальниц одна была выпускницей Девичьего института, а две другие были присланы из столицы.

Относительно второй женской Иркутской гимназии были выявлены характеристики 44 педагогических работников. Из них более 36% отмечены как выпускницы самой гимназии — 16 человек. 27% были неместными и приехали в Иркутск из других городов — 12 женщин. 23% (10 человек) окончили первую женскую гимназию. Выпускниц Девичьего института найдено 4 человека (9%). 2 девушки (5%) окончили курс Епархиального училища.

Среди 38 членов педагогического коллектива, информацию о занимаемых должностях которых удалось отыскать, было 19 учителей. Следовательно, половина охарактеризованной части коллектива занимались учительской деятельностью. Среди 38 педагогов больше всего выпускниц первой гимназии имени Хаминова и приезжих женщин — по 40% на каждую категорию. Оставшиеся 20% распределяются между выпускницами второй гимназии Хаминова, Девичьего института. Не намного меньше, чем учителей было найдено надзирательниц — 17 женщин из 38 (45%) занимали эту должность. Здесь доля приезжих минимальна, а большинство составляют выпускницы обеих женских гимназий. Немного встречено выпускниц института благородных девиц и Епархиального училища. Из начальниц можно охарактеризовать двух женщин (5%), обе окончили курс обучения в Девичьем Институте (Теплова Е.Г., Шулепникова Е.М.).

Данных о преподавательницах частных гимназий не слишком много. 60 человек (20%) из 300 исследованных относились к педагогам частных гимназий. В гимназии Некрасовой преподавало 54 человек (90%), в гимназии Лятоскович — 3 (5%), Гайдук — 3 (5%). В связи с наличием малочисленных характеристик педагогических коллективов разных частных учебных заведений, я объединила их в одну группу. Из 60 педагогов частных гимназий наиболее высокий процент составляют преподавательницы, получившие образование в первой гимназии имени Хаминова — 22 человека (37%), на втором месте приезжие, которые окончили столичные и другие учебные заведения — это 21 человек (35%). 11 человек (18%) —

выпускницы гимназии Некрасовой. Реже встречаются выпускницы Девичьего Института всего 3 девушки (5%), второй гимназии Хаминова — 2 человека (3%) и Епархиального училища — всего одна девушка (2%).

Самый большой показатель — 37 человек (62%) относится к деятельности в роли преподавателя, второй распространенной должностью, по моим подсчетам, была должность воспитателя — 20 человек (33%). 2 женщины (3%) являлись начальницами и 1 человек (2%) — надзирательницей.

Что касается продолжительности педагогической службы, то средней является цифра от 1 года до 14 лет. Встречается стаж и 23–25 лет. Касаясь возраста педагогов данной гимназии, однозначно можно заметить, что все приезжие деятельницы были старше 30 лет, а местные девушки — 18–25 лет.

Таким образом, из перечисленных 300 представительниц женских средних учебных заведений Иркутска, государственных служащих составляет 80% и 20% педагогов частных гимназий. Наибольшее количество педагогов, рассмотренных мной, относится к преподавателям Девичьего Института — 28% — 84 человека, 18% или 55 человек — Сиропитательного Дома, 20% или 60 человек составляют педагоги частных гимназий, 19% (57 человек) трудились в стенах первой и 15% (44 человека) — второй женской городской гимназии. Образовательный уровень педагогов определялся учебным заведением, которое они окончили. Таким образом, из 300 человек более глубокую характеристику относительно полученного образования, я могу дать 271 женщине или 90%. Из 271 исследованной 87 женщин (32%), приехали в Иркутск из других городов. Среди учебных заведений, которые окончили приезжие педагоги, наиболее часто встречаются Патриотический Институт, Петербургский Екатерининский, Павловский Институт, Московские, Петроградские Высшие женские курсы, кроме этого Екатерининская женская гимназия, Петербургское Александринское училище. Из учебных заведений других городов отмечу выпускниц Омской, Варшавской, Киевской женских гимназий. Встречаются выпускницы заграничных учебных заведений. К таким заведениям относятся Варшавский Александро-Мариинский институт, Парижские курсы, Одесская и Киевская женские гимназии. Среди Иркутских учебных заведений на первом месте были выпускницы первой женской гимназии Хаминова — 66 человек или почти 25%. Выпускницы данной гимназии занимают абсолютное большинство среди работниц гимназий. На втором месте выпускницы Девичьего института — 64 человека из 271, что составляет 24%. Как показывает исследование, выпускниц Девичьего института больше всего среди педагогических работниц государственных учебных заведений. Среди коллективов частных гимназий девушек, окончивших Девичий институт, мной было найдено всего трое. Окончивших курс второй женской гимназии могу назвать 22 человека (8%). 12 человек или около 4% относятся к

выпускницам Сиропитательного дома, которые были встречены только среди педагогов данного учебного заведения. Подобная ситуация и с выпускницами частной гимназии Некрасовой. Окончивших курс был охарактеризовано 11 человек (4%), и среди педагогических коллективов других учебных заведений представительницы данной гимназии мной обнаружены также не были. Меньше всего выпускниц Епархиального училища — 9 человек (3%).

Самым распространенным учебным заведением, где исследуемые девушки получили свое образование, были Хаминовские гимназии и Девичий Институт Восточной Сибири. Того и следовало ожидать, учитывая направленность учебных заведений. Девичий институт самое первое учебное заведение для девочек в Иркутске, после Сиропитательного дома. Он существует больший срок, чем все остальные, поэтому имеет и большое число педагогических работниц, вышедших из его стен. Сиропитательный дом не давал права преподавать, он лишь давал первоначальные поверхностные знания и обучал ремеслу, чтобы девочки-сироты имели возможность прожить своим трудом в дальнейшей самостоятельной жизни. Поэтому количество выпускниц Сиропитательного дома, в дальнейшем занявшихся педагогической деятельностью, было минимально. Гимназии относились к открытым учебным заведениям, куда был свободный доступ всем слоям без ограничения, в отличие от Девичьего Института. 8-й класс Гимназии Хаминова давал выпускницам звание и право заниматься педагогической практикой. Следовательно, в гимназии Хаминова был больший набор и больший выпуск, и, соответственно, большее количество педагогических работниц. К тому же, ко времени открытия Хаминовских гимназий — это 60–70-е годы, женское образование крепко укрепилось и стало очень востребовано. Родители уже не боялись отдавать своих дочерей на учение. Женское образование стало не возможностью, а необходимой потребностью времени.

Большая часть из исследованных приезжих преподавала в Девичьем Институте и частной гимназии Некрасовой. Немного меньше в гимназиях Хаминова, а наименьшее количество трудились в Сиропитательном заведении. Надо сказать, что в Девичьем институте больше всего приезжих женщин выполняли функцию классных дам и начальниц, учителей было меньше в два раза. В Сиропитательном доме больше всего приезжих на должности смотрительниц. Среди гимназий Хаминова и частной гимназии Некрасовой самая распространенная должность учителя. Надзирательницы и начальницы из столичных дам составляют совсем небольшой процент. Это может быть связано с ростом численности местной интеллигенции. Педагогов, окончивших местные учебные заведения, в эти годы становится все больше, и именно они начинают занимать эти должности. В связи с этим приезжих дам становится уже меньше.

В основном все приезжие женщины были не слишком молодыми — 35 лет и старше. За плечами у них был опыт

работы в столичных учебных заведениях. Все они приезжали в Иркутск по распоряжению ведомства императрицы Марии. Местные учительницы были молоденькими, часто начинали свою педагогическую деятельность сразу после окончания курса обучения в 17–19 лет.

По сословному происхождению, большая часть из всех исследованных педагогов относилась к семьям чиновников – примерно 60%-70%, около 1\4 вышли из семей духовного звания и купцов. Доля выходцев из мещанских семей совсем невелика.

Данные о вероисповедании 54 женщин из 300, что со-

ставляет 18%, позволяют сделать следующие выводы. 94% – 52 женщины были православного вероисповедания, 4% – католического и всего 2% протестантского – лютеранки.

Таким образом, была дана социокультурная характеристика 300 преподавательницам женских учебных заведений Иркутска XIX – начала XX века. Состояние источников не позволяет в полной мере проследить изменения этих социокультурных характеристик на протяжении всего рассматриваемого периода, поэтому отследить динамику изменений задачей не ставилось.

Литература:

1. Быкова В.П. Записки старой смолянки/В.П. Быкова. – С-П.: Тип. Сиб. Акц. Общ-ва Е.Евдокимова. – 1899. – ч.2. – 396 с.
2. Воспоминания А.В.Богодаровой // Резонанс. – 1992 г. – №2. – с. 1–3
3. Отчет по управлению Иркутского Сиропитательного Дома Ел. Медведниковой за 1899 г. // Иркутск. – 1900 г. – 23 с.
4. Очерк деятельности Иркутского Сиропитательного дома и краткий отчет учрежденного при нем банка с 1888–1913 гг., Иркут.: Электро-типография И.А.Белоголового, 1913. – 32 с.
5. Памятная книжка Иркутской губернии. – Иркутск, 1911. – 306 с.
6. Памятная книжка Иркутской губернии. – Иркутск, 1914. – 206 с.
7. Памятная книжка Иркутской губернии на 1863 г. – Иркут.: типография губернского правления, 1863 г. – 182 с.
8. Памятная книжка Иркутской губернии на 1870 г. – Иркут.: Типография Н.Н. Сеницына, 1870 г. – 82 с.
9. Памятная книжка Иркутской губернии на 1891 г. – Иркут.: Губернская типография, 1891 г. – 102 с.
10. Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г. – Иркут.: губернская типография, 1902 г. – 235 с.
11. Памятная книжка Иркутской губернии 1914 г. – Иркутск, 1914 г. – 289 с.
12. Памятная книжка Управления Гражданскими учебными заведениями Вост. Сиб. на 1899–1900 учебный год, Иркутск, Паровая типо-литография П.И.Макушина, 1900 г. – 306 с.
13. Памятная книжка Управления Гражданскими учебными заведениями Вост. Сиб. На 1900–1901 учебный год, Иркутск, Паровая типо-литография П.И.Макушина, 1901 г. – 329 с.
14. Правила и программы Иркутской женской прогимназии И.С. Хаминова/Иркутск: Типография газеты Вост. Обзор. – 1889. – 94 с.
15. Тамм Л.И. Записки иркутянки/ Л.И.Тамм. – Иркутск, 2007 г. – ч.1–3. – 734 с.
16. ГАИО, ф. 64, оп. 1, д. 5.
17. ГАИО, ф. 64, оп. 1, д. 49.
18. ГАИО, фонд 64, оп. 1, д. 72.
19. ГАИО, фонд 64, оп. 1, д. 87.
20. ГАИО, фонд 66, оп. 3, д. 40.
21. ГАИО, фонд 66, оп. 3, д. 41.
22. ГАИО, фонд 66, оп. 3, д. 69.
23. ГАИО, фонд 66, оп. 3, д. 70.
24. ГАИО, фонд 124, оп. 1, д. 339.
25. ГАИО, фонд 124, оп. 1, д. 630.
26. ГАИО, фонд 124, оп.1, д. 632.
27. ГАИО, фонд 125, оп. 1, д. 138.
28. ГАИО, фонд 125, оп. 1, д. 154.
29. ГАИО, фонд 125, оп. 2, д. 20.
30. ГАИО, фонд 156, оп. 1, д. 6.
31. ГАИО, фонд 156, оп. 1, д. 10.
32. ГАИО, фонд 156, оп. 1, д. 39.
33. ГАИО, фонд 156, оп. 1, д. 64.
34. ГАИО, фонд 480, оп.1, д. 31.
35. ГАИО, фонд 480, оп. 1, д. 141.
36. Дулов А.В. Девичий институт// Сибирь. – 1999. – №6. – с. 144–150

37. Дунаева А.П. Первые директрисы Иркутского Девичьего института и декабристы / Сибирь и декабристы. Выпуск №6. Иркутск: Иркутский музей декабристов, 2009 — с. 187—198
38. Исторический очерк деятельности Иркутского Института Императора Николая I / Иркутск. — 1896 г. — 91 с.
39. Лисичникова А.В. Учителя Иркутска (вторая половина XIX в.) // Педагогика. — №6. — 2000 г. — с. 77—80
40. Рабецкая З.И. Е.М.Шулепникова — пример преданного служения педагогическому делу/ З.И.Рабецкая// Женщина в Истории России XVIII — XXI вв: 8-е Щаповские чтения. — Иркутск. — Оттиск, 2010 г. — с. 60—65

Проблема занятости населения в национальных селах Дальнего Востока в 1970–1980-х годах (на примере Быстринского района, Камчатская область)

Кириллова Алина Игоревна, аспирант
Камчатский государственный университет им. Витуса Беринга

Данная статья посвящена вопросу занятости населения национальных сел Дальнего Востока, в которых этническое большинство составляли КМНС. Освещается период 1970–1980-х годов, в который сложились предпосылки продолжающегося кризиса занятости населения. Автор для анализа ситуации использует данные Быстринского района Камчатского края. В статье описана структура занятости трудоспособного населения, причины формирования скрытой безработицы в советские годы.

Ключевые слова: Быстринский район, национальные села, занятость, безработица, занятия населения

The Problem of Employment in National Settlements of Russian Far East in 1970–1980-s (based on the materials of Bystrinsky district, Kamchatka)

The article describes the employment structure in national settlements of Soviet Far East, the phenomenon of disguised unemployment and reasons of its emerging. The article covers the period of 1970–1980-s when the trends of modern employment crisis appeared. The author uses material of Bystrinsky district, Kamchatka.

Key terms: Bystrinsky district, employment, national settlement, way of living

Проблема безработицы, как явной, так и скрытой, на сегодняшний день является одной из острейших для национальных сел, в которых проживают коренные малочисленные народы Севера (далее в тексте КМНС). Действительно, зачастую расположенные в удалении от региональных центров, не обладающие развитой инфраструктурой (промышленные предприятия и сфера обслуживания), населенные пункты сталкиваются с избытком рабочей силы и нехваткой рабочих мест. Особенно остро проблема безработицы встала в связи с кризисом традиционных занятий народов Севера (оленоводство, рыболовство, охота) и снижением количества людей вовлеченных в них, а также крахом советской экономики, обеспечивавшей рабочие места всему населению. Знание истоков проблемы может помочь в ее решении, по этой причине исследование данного вопроса является актуальным и социально значимым.

Быстринский район расположен в Камчатском крае (до 01.07.2007 г. существовала Камчатская область и Корякский Автономный округ), на территории района находится два села (Эссо и Анавгай), этническое большинство населения составляют быстринские эвены, относящиеся к КМНС.

Формально в национальных селах в период развитого социализма население было трудоустроено на 100%. Такой проблемы как безработица не существовало до начала 1990-х годов. Однако, и в годы существования СССР безработица существовала, но в скрытом виде (на одной ставке могло работать до 3–4 человек). Одной из причин ее появления послужила политика укрупнения населенных пунктов 1960–1970-х годов. Развитие мощной социальной инфраструктуры в национальных селах Быстринского района требовало значительных капиталовложений со стороны местных и центральных властей, а также строительства дорог для регулярного снабжения населенных пунктов. Суммы и рациональность капиталовложений просчитывались государственными и местными властями. Они же выявляли «перспективность» /»бесперспективность» развития населенных пунктов. В 1964 году Решением № 338 Камчатского Облисполкома был утвержден перечень перспективных и сселяемых населенных пунктов (КГУ ГАКК Ф.Р-88 оп.1 д.708 лл.196–200, д.712 лл.112–117). Административно-территориальная политика советских властей в Быстринском районе была направлена на укрупнение и развитие социальной инфраструктуры существовавших сел, местополо-

жение сел выбиралось властями, а не исходя из признака его комфортности для местного населения, что снижало мотивацию населения жить и работать в данном месте, приводило к замедлению экономического развития вновь образованных или сселенных поселков.

В описываемый период социалистическая экономика уже сложилась, но в национальных селах она имела ряд характерных черт. В качестве одной из таких особенностей В.А. Тураев называет специфику социалистического производства в традиционных отраслях хозяйства народностей Севера в целом, и эвенов в частности. В своих трудах он пишет: «специфика традиционных отраслей хозяйства народностей Севера такова, что они не в состоянии обеспечить занятость всего трудоспособного населения» [6; с.18]. По указанной причине государственные власти СССР постоянно вкладывали значительные суммы в развитие традиционных отраслей хозяйства на Севере — оленеводства и рыболовства. Эти данные подтверждают и дальнейшие исследования Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. В 1989 году учеными института была подготовлена концепция этнокультурного развития народностей Севера на перспективу до 2005 года [7]. Исследователи отмечали, что «в производящих отраслях северных хозяйств занято от 30 до 40% трудоспособного коренного населения. В эту категорию входят оленеводы, охотники, рыбаки, звероводы, чумработницы, работники пошивочных мастерских, сотрудники хозяйственного аппарата» [7; с.21]. Кроме того, в монографии приводятся следующие цифры, описывающие уровень образованности коренного населения: лишь 15–20% населения работают на должностях, требующих высшего или среднего специального образования, около 10–30% — в сфере неквалифицированного труда (разнорабочие, дворники, сторожа, кочегары и т.п.). Как правило, в колхозной усадьбе трудилось около 150 человек, из них определенный процент, зачастую, не являлись представителями коренного населения — ветеринары, зоотехники, руководители управленческого аппарата, медработники. В поселках Быстринского района в это время проживало 776 эвенов (по данным переписи 1989 г.) [2; с.69], а колхозов в районе после укрупнения осталось два, то есть насчитывалось примерно 300–350 рабочих мест в сфере производительного труда. Так, совхоз «Анавгайский» в 1980-х годах насчитывал 193 колхозника, из них сельским хозяйством было занято 167 человек (КГУ ГАКК Ф.Р-802 оп.1 д.151 лл.1–213) из них в оленеводстве 59 человек (КГУ ГАКК Ф.Р-802 оп.1 д.117 лл.105–110), а совхоз «Быстринский» — 7 звеньев оленеводов, звенья животноводов, коневодов, в которых трудилось менее 150 человек (КГУ ГАКК Ф.Р-801 оп.1 д.167 лл.144–151). В табунах Быстринского района, согласно полевым материалам А.Б.Спеваковского, в 1978–1982гг. трудилось 47 человек (пастухи и чумработницы) [5; с.202]. Кроме того, в совхозах были стройцеха, хозцеха, мехпарки и аппараты управления. Остальные обитатели сел трудились в учреждениях народного образования (школы, детские

сады, ДОУ), культуры, торговли, связи, общественного питания, сферы бытового обслуживания (бани, парикмахерские, ремонтные мастерские и т.п.).

Это же доказывают данные занятости молодежи Быстринского района: «в районе насчитывается 350 молодых рабочих и служащих в возрасте до 29 лет. Из них 134 работают в совхозах, 51 — в строительстве, 88 — в здравоохранении, просвещении и культуре, 37 — в торговле, 21 — на предприятиях связи, 20 — на предприятиях коммунально-бытового обслуживания» [4]. Таким образом, 62% трудоспособной молодежи было занято вне совхозов, следовательно, оторвано от традиционных занятий. Сфера обслуживания оказалась пресыщена молодыми кадрами, что при распаде СССР и сокращении капиталовложений в инфраструктуру национальных сел в 1990-е годы привело к стремительному росту безработицы. Не имеющие достаточных знаний, умений и навыков для работы в оленеводстве, рыбозаготовке и рыбопереработке молодые люди не могли найти себе применение. Как отмечает Е.А. Папо, «большинство детей тундры стало проживать в интернатах... два-три поколения росло на всем готовеньком, не приспособленным к выживанию...не знающее, как без стрельбы и шума охотиться и ловить рыбу, то есть не наносить вреда фауне и флоре Севера» [3]. Особняком стоят дети, родившиеся после 1950-х годов в усадьбах, ставшие трудоспособными в 1970–1980-х годах. Эти эвены изначально жили в домах европейского типа и практически не бывали в табунах оленеводов. Естественно, они не знали даже азов выживания в тундре и не имели навыков обращения с оленями, зачастую, видя их пару раз в год. Таким образом, из-за нарушения традиционного порядка обучения и передачи опыта от старшего поколения к младшему сформировалось поколение, не приспособленное к жизни в тяжелых условиях тундры, эти люди шли работать в сферу обслуживания, создавая избыток кадрового ресурса в одной сфере и приводя к дальнейшему развитию кадрового кризиса.

В совхозах также наблюдалась тенденция «перегрузки» кадрами, то есть с существовавшим объемом работ могло справиться меньшее количество человек, чем состояло в штате. Это было связано с социальной политикой СССР: максимально трудоустроить население, не допуская безработицы. Как отмечают авторы концепции этнокультурного развития, «везде слишком много разнорабочих. В среднем они составляют от 30 до 60% рабочих совхозов (иногда даже 90%), выполняя объем работ, с которым ранее справлялись не более 10% работников хозяйств» [7; с.21]. Таким образом, население, имея работу, на самом деле не трудилось в полном объеме, что способствовало развитию таких асоциальных явлений как пьянство, тунеядство, прогулы и хулиганство. Зачастую, жившие в селе разнорабочие, получая зарплату, просто сидели на рабочих местах, не зная, чем себя занять. В рамках борьбы с безработицей наблюдались случаи грубого нарушения КЗоТа, когда на одной ставке работали 2–3 человека. Естественно, что и зарплата у таких работников была очень низкой [7; с.21]. Все указанные при-

чины способствовали тому, что люди теряли уважение к труду и трудовой дисциплине, наблюдался рост асоциальных явлений в среде работников сферы обслуживания и молодежи. В 1990-е годы это привело к крайне низким темпам адаптации населения к рыночной экономике, отсутствию частных инициатив на начальном этапе кризиса (население зачастую не знало, что можно сделать в сложившейся ситуации). Неумение применить свои способности в частном секторе экономики, отсутствие рабочих мест и экономические кризисы также способствовали росту количества суицидов в замкнутых национальных селах, так как многие их обитатели не видели иного выхода из тяжелого положения. По данным Е.В. Етылькута, председателя АНС Быстринского района, в 1998 году число официальных безработных составляло 150 человек, не учитывая скрытой безработицы (люди формально работали в обанкротившихся предприятиях, которые уже не вели никакой экономической деятельности) [1]. Также он отмечает, что в семьях месяцами не видели зарплаты, поэтому дети ходили в школу, чтобы поесть, так как дома

еды не было. По этой причине в селах совершаются самоубийства, причем из жизни уходит молодое и трудоспособное население. Только в Анавгае за 1998 год умерло 19 человек. Для населенного пункта, где проживало менее 1000 человек, — это очень высокая цифра.

Таким образом, для национальных сел в 1970—1980-х годах характерен избыток трудовых ресурсов, отсутствие достаточного количества действительных (а не номинальных вакансий). Причиной «перегруженности» кадрами во многом послужила политика укрупнения центральных усадеб коллективных хозяйств. Там оказалось слишком много коренного населения. Избыток кадрового ресурса еще в советские годы и скрытая безработица в 1970—1980-х годах послужили предпосылками сложившегося в 1990-х — начале 2000-х годов кадрового кризиса в национальных селах Дальнего Востока в целом, и Быстринского района в частности. Стимулирование частной инициативы и развитие малых предприятий на грантовые средства могут способствовать решению сложившейся проблемы занятости населения.

Литература:

1. Етылькут Е.В. Только в Анавгае умерло 19 человек // Абориген Камчатки, 9 мая 1998, с. 2
2. Кривошапкин А.В. Эвены, СПб: Просвещение, 1997, 79 стр.
3. Папо Е.А. Народные знания — детям // [электронный ресурс] Системные требования: Adobe Acrobat Reader, URL: <http://www.siberian-studies.org> (последнее обращение 12.03.2009)
4. Руками молодых // Новая жизнь, 20 августа, 1970, с. 2
5. Спесивовский А.Б. Традиционное в современной хозяйственной деятельности населения севера Дальнего Востока // Культурные традиции народов Сибири / под ред. Ч.М. Таксами/, Ленинград, 1986, 264 стр.
6. Тураев В.А. Традиции и современность в социалистическом образе жизни народностей Севера // Традиции и современность в культуре народов Дальнего Востока. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1983, 156 стр.
7. Этнокультурное развитие народностей Севера в условиях научно-технического прогресса на перспективу до 2005 года (основная концепция), М., 1989, 131 с.

Трагические страницы раскулачивания в Ишимском округе

Киричук Ульяна Николаевна, студент
Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова

Сплошная коллективизация, проведенная ускоренными темпами, ранее воспринималась как единый и оптимальный вариант развития. В наши дни коллективизация представляется как явление противоречивое и неоднозначное. Сегодня известны результаты пройденного пути, и можно судить не только о субъективных намерениях, но и об объективных последствиях, а главное — об экономической цене и социальных издержках коллективизации. Без глубокого и всестороннего изучения и анализа коллективизации, «раскулачивания» и их последствий невозможно создание целостной картины истории России советского периода, видения реформирования сельского хозяйства на современном этапе. Кроме того, рассмотрение основных изменений, происходивших в 1930-е гг.

в аграрной сфере, позволяет более глубоко осмыслить истоки современного кризиса, охватившего российское сельское хозяйство.

Наименее исследованной, но оттого не менее трагической страницей, является раскулачивание на территории Ишимского округа. Судить о его масштабах можно лишь по неопубликованным архивным источникам и воспоминаниям старожилов. Уходят люди... Приходит время говорить о трагических событиях тем, кто их видел, испытал на себе хоть часть ужасов раскулачивания. Ради Правды. Ради памяти. Их еще немало. Но не так уж много.

В рассматриваемый период времени Ишимский округ, состоявший из четырнадцати районов: Гольшмановского, Жилияковского, Ламенского, Петуховского, Лари-

хинского, Частоозерского, Сорокинского, Викуловского, Аромашевского, Абатского, Армизонского, Ильинского, Сладковского и Бердюжского входил в состав Уральской области.

Сельское хозяйство Уральской области, которая включала до 1934 года большую часть нынешних Свердловской, Челябинской, Курганской, Пермской и Тюменской областей, носило характер преимущественно зернового производства. Урожайность была низкой — по 8–10 центнеров с десятины. Обычная деревенская семья при собственном благополучии кормила трех горожан. Хозяйство, имеющее десять гектаров посева и отнесенное к кулацкому, кормило, по меньшей мере, пятнадцать человек. В 1927 году ввели новый сельхозналог. Принудительно установили низкие закупочные цены на хлеб. Уже сточили формы финансового давления на деревню. Уже в конце двадцать седьмого недоимки стали обычными для крестьянского двора [с. 13–14].

Переход к политике сплошной коллективизации под лозунгом — «даешь бешенные темпы» ставил вопрос о судьбе не отдельных кулацких хозяйств, а в целом о кулачестве. Форсирование коллективизации означало развертывание раскулачивания, т.е. насильственного лишения их средств производства, построек и т.п. и то и другое навязывалось под сильнейшим нажимом сверху. В представлении Сталина и его окружения, цель здесь оправдывала средства. Они понимали, что иначе невозможно ни сломить нежелание среднего крестьянства идти в колхоз (решить, иначе говоря, ближайшую свою задачу — ускорить формальное обобществление крестьянского хозяйства), ни, тем более, добиться переделки «в духе социализма» «собственнической» психологии мужика и тем самым обобществить сельское хозяйство на деле (т.е. осуществить одну из основных и едва ли не самых трудных задач долговременной политики партии в деревне).

Сильной помехой на пути решения обеих проблем являлась хозяйственная верхушка деревни — кулаки. И дело не только в том, что кулаки оказывали всяческое сопротивление колхозному строительству. Главное, что они олицетворяли для большинства деревенских тружеников жизненный идеал самостоятельного хозяйствования, а также имущественного и иного достатка и тем сводили на нет большевистскую пропаганду преимуществ коллективной системы ведения хозяйства.

Вот почему с переходом к массовой коллективизации участь кулацкого слоя была предрешена. В конце декабря 1929 года в выступлении на конференции аграрников-марксистов И.В. Сталин заявил, что в политике партии и государства совершился «один из решающих поворотов»: «...от политики ограничения эксплуататорских тенденций кулачества к политике ликвидации кулачества как класса». Смысл новой политики вождь видел в том, чтобы «сломить кулачество», «ударить по кулачеству...», так, чтобы оно не могло больше подняться на ноги...»

По настоянию И.В. Сталина выходит постановление СНК СССР, согласно которому к кулацким относили хо-

зяйства по следующим признакам: доход в год на одного едока свыше 300 руб. (но не менее 1500 руб. на семью), занятие торговлей, сдача внаем машин, помещений, применение наемного труда; наличие мельницы, маслобойни, плодовой или овощной сушилки и пр. Уже один из этих признаков делал крестьянина кулаком. Появилась возможность подвести под раскулачивание самые различные социальные слои деревни. Количество ликвидируемых по каждой категории хозяйств (все кулачество делилось на три категории) должно было строго дифференцироваться по районам в зависимости от фактического числа кулацких хозяйств в районе с тем, чтобы общее число ликвидируемых хозяйств по всем основным районам составляло в среднем примерно 3–5%. И хотя оговаривалось, что настоящее указание (относительно «лимита» 3–5%) «имеет целью сосредоточить удар по действительным кулакам и безусловно предупреждать распространение этих мероприятий на какую-либо часть середняцких хозяйств» — на деле, практически, оно к этому и вело. «Лучше перегнуть, чем недогнуть» — лозунг, которым руководствовались коллективизаторы-перегибщики на местах при раскулачивании [4, с. 51–53].

Так, например, в инструкции по проведению работы, связанной с выселением кулачества, которая была разослана всем председателям райисполкомов (от 1929 года) в пункте «Снабжение необходимыми предметами и продовольствием выселяемых» значилось следующее:

1. У всех выселяемых семей в обязательном порядке оставлять: лесопильные, рыболовные орудия производства (топоры, пилы, лопаты, сети и т.д.);

2. Каждая выселяемая семья должна иметь:

а) продовольствия на три месяца по нормам из расчета: муки на взрослого члена семьи 1 пуд на месяц и на малолетнего 30 фунтов на месяц. Кроме того, на малолетних (до 12 лет) должен быть выдан сахар из расчета 50 граммов;

б) На пунктах формирования эшелонов и пунктах остановки должно выдаваться детям до десятилетнего возраста молока по ½ бутылки на одного человека за намеченный расчет, в этих же пунктах должен быть кипяток;

в) Обеспечение теплой одеждой, как то: валенки, тулупы, шапки и т.п.;

г) Денежных средств, изъятых при конфискации у данной семьи должно быть выдано денег не более 500 руб. из коих 50 руб. выдано на руки для всяких дорожных расходов, а остальные вручаются по прибытии к месту ссылки [1, л. 24].

О том, что же происходило в действительности, мы можем судить по воспоминаниям очевидцев.

Южакова Евдокия Сергеевна 1931 года рождения, уроженка д. Н-Ашлык (Аромашевский район), имеет высшее педагогическое образование: «... Дом сломали, увезли бревна. Все конфисковали: скот, муку. И в 24 часа сослали под конвоем сноху Пелагею с тремя детьми куда-то за Тобольск. А деда с бабушкой и двумя сыновьями (им лет по двенадцать было) — на Север, за Сама-

рово, современный Ханты-Мансийск. Взять с собой ничего не разрешили: только немного сухарей, да из одежды то, что на себе. И под конвоем они поехали на подводе. Проводить их не разрешили. Мама говорила: «Я бежала за подводой по деревне, так, меня прикладами винтовок отогнали». Все, что было, забрали, все до единой картофелинки, чугунок, ложки, чашки, лопаты, грабли, ведерки и одежду, ту, которую можно считать одеждой. Даже отрезали пружину у зыбки, в которой лежала младшая сестренка Женя, ей было пять месяцев. Зыбку бросили на пол, забросали всяким барахлом. Мама в горе этого даже не заметила. Потом ушли в пригон за коровой (только она оставалась). Мама побежала следом, схватила корову за рога... А на нее наган наставили, как она говорила, со словами: «Убью, кулацкое отродье!». Корову увели, мама вернулась в домик, «Не плачу, — рассказывала она нам — сердце закаменело». Прибежала соседка и говорит: «А это что за куча?» «Да, барахло, негодное для них» — отвечает мама. Стала соседка эту кучу разбрасывать, и ахнула: «Анна, так ведь здесь девчоночка, уже синенькая, да вроде еще дышит...» И стала ее качать. А мама ей: «Не надо, пусть умирает...».

Как видно, ни о каком снабжении теплыми вещами и обеспечении продовольствием нет и речи. К числу кулаков относили хозяйства, которые и середнячками-то в некоторых случаях можно назвать с натяжкой.

Е.С. Южакова вспоминает: «Мои родители: отец Южаков Сергей Дорофеевич и Южакова Анна Прокопьевна родились и выросли в д. Н-Ашлык, Аромашевской волости. Семья папы была большая: отец, мать, дедушка, бабушка, дети, снохи, внуки — всего 23 человека, жили в одном крестовом доме. Дом был добротный. Во дворе разные постройки: шорная, баня, сарай, конюшня, коровник. Жили натуральным хозяйством. Все делали сами: пахали, сеяли рожь, овес, пшеницу, гречку. Косили, пряли, ткали, шили одежду из сермяги (овечья самотканка), шубы, рабочую обувь из кожи. Земли было достаточно, так как в семье было одиннадцать мужчин. Грамоте не учились — нужно было работать. В семье работников не нанимали. Работали много: с раннего утра до позднего вечера. К моменту коллективизации две семьи отделились. Общими силами сначала построили домик для брата Ивана. Потом поставили дом Сергею. Началась коллективизация. В деревню, откуда ни возьмись, приехал молодой парень Кудинов. Никто его не уполномочивал (как все говорили) и представитель властей, не знаю, откуда, Василий Пальянов. К ним присоединился деревенский мужчина, никогда в хозяйстве своем не работавший. Вот эти три человека стали вершить дела. Семью дедушки объявили кулацкой семьей, а нашу семью и семью дяди Ивана — кулацким отродьем. Тех, кто остался в родовой семье: деда, бабушку, сноху Пелагею с ребятишками, двух братьев-близнецов выселили из дома в шорную (маленькую избушку во дворе)».

Александра Варламовна Бакланова (в девичестве Воронина) 1926 года рождения, уроженка с. Малиновка

Аромашевского района: «Семья наша была трудолюбивая. Отец построил своими руками большую усадьбу. Во дворе, кроме коров, держали выездных лошадей. Работали на себя, батраков не нанимали. Пятеро детей нас у родителей было, я самая младшая. Отец сеял поля за деревней, их так и называли «Воронинские поля», да и до сих пор так называют...»

В ту пору было мне 6 лет. Была холодная зима, отца долго били, а потом увезли куда-то, маму, меня и брата Михаила выгнали из дома, не разрешив взять с собой ничего. Так нас раскулачивали. Страх и ужас охватил нас, но ничего нельзя было сделать. Мама, прижав нас к груди, громко плакала, когда со двора уводили нашу белую безрогую коровушку-кормилицу. Отца арестовали. Его, маму и меня сперва сослали в деревню Николаевку, что располагается в нашем же районе, а потом в поселок Западный Вагайского района под присмотр местного коменданта, как врагов народа. Там мы страшно голодовали, кроме молодых листьев липы и травы кушать было нечего...».

Воспоминания Зенкина Николая Федоровича 1918 года рождения — уроженца деревни Н-Ашлык Аромашевской волости: «Отца моего забрали, расстреляли в 30-е годы. Маму, меня одиннадцатилетнего, сестру 9 лет и сестреночку 1,5 годика посадили в сани и повезли в ссылку, зимой при морозе 30 и более градусов. С Ново-Ашлыка до Тюмени, а это почти 400 километров, как-никак. Привезли в Тюмень, поместили сначала в церковь какую-то, потом перевезли в бараки на лесозавод «Республиканец». До ссылки жили так: для того, чтобы не помереть с голоду, мама меня отдала коров пасти в деревню Ольгино подпаском. Плата была следующей: сегодня в одном доме накормят, завтра — в другом и в поле дадут кусочек хлеба плохонький и бутылку молока, да какой-нибудь добрый дяденька даст поношенные лапти — на ноги совершенно надеть нечего было — тогда все босиком бегали...».

Александр Николаевич Брызгалов 1930 года рождения, уроженец села Кротово Аромашевского района, доктор физико-математических наук, профессор Челябинского государственного педагогического университета: «В 1929 году моя мать Сорокина Анастасия 1900 года рождения вышла замуж за Брызгалова Николая того же возраста. Они поселились в семье Ильи Федоровича и Матрены Андреевны Брызгаловых, у которых было два сына и дочь. 27 октября 1930 года родился я. Семья жила в достатке, но после нескольких сборов по продразверстке они лишились лошадей, коров, конной жатки, а затем всего имущества и дома. Так проходила коллективизация и раскулачивание. Старший сын был отправлен в Пермь, мой отец — в Сибирь на лесозаготовки. К концу года нас с матерью, деда, бабушку и дочь Евдокию определили в далекую ссылку, но довели до деревни Каменка, где пришлось дожидаться весны. А весной на подводе, затем в вагонах для скота довели до Оби, посадили на паром и повезли в третьем классе в северном направлении. Я в то время ещё не ходил на своих ногах, но уже был в числе репрессированных. Везли очень долго. Несколько недель.

Питались мы тем, что могли выменять или купить у населения. Провезли мимо Ханты-Мансийска, затем мимо Салехарда и высадили на пустыре, где стояли первые бараки для спецпереселенцев».

Согласно статистическим данным только с января по август 1930 из 14 районов было выслано 1725 кулаков. В списках кулаков 2-ой категории имеются сведения по районам (за апрель 1931 г.) [2, л. 12]:

Район	Число кулаков, направленных к выселению	Возраст кулаков и членов их семей
Аромашевский	251 (+ семьи, состоящие от 1 до 10 человек)	От 1 месяца до 95 лет
Армизонский	62 (+ семьи, состоящие от 1 до 8 человек)	От 1 месяца до 85 лет
Гольшмановский	203 (+ семьи, состоящие от 1 до 12 человек)	От 1 месяца до 95 лет
Ламенский	70 (+ семьи, состоящие от 2-х до 11 человек)	От 1 месяца до 93 лет
Ларихинский	86 (+ семьи, состоящие от 1 до 10 человек)	От 3-х месяцев до 80 лет
Сорокинский	76	От 18 до 50 (только кулаки)

Подводя итог, хочется сказать о том, что процесс раскулачивания в Ишимском округе приобретает довольно острые, трагические для судеб крестьян формы, что подтверждается многочисленными документами из исторических источников. Раскулачивание крестьян проходило по одному сценарию: пришли. Забрали всё, что было в доме и хозяйстве. Сослали вместе с семьей.

Но сколько сломанных судеб стоит за этим банальным сюжетом — не счесть! В ссылку на север отправляли даже месячных детей в сорокаградусный мороз, на расстояние четырехсот и более километров, это ли не зверство?! Уверена, что именно за судьбами раскулаченных кроется истинный ход процесса раскулачивания.

Литература:

1. ГУ ТО «Госархив в г. Ишиме». Ф. 3: «Ишимский окрисполком». Оп. 5. Дело 101.
2. Там же Оп. 4, д. 34275.
3. Базаров, А.А. Хроника колхозного рабства [Текст] / А.А. Базаров. — М.: Возвращение, 2004. — 816 с.
4. Киселев, А.Ф. Новейшая история Отечества. XX век [Текст]: учеб. пособие для студентов высш. пед. учеб. заведений / А.Ф. Киселев, Э.М. Щагин. — М.: ВЛАДОС, 2004. — 447 с.

Либеральный журнал «Вестник Европы» и российское общество в период реформ Александра II

Козьминых Елена Станиславовна, ст.преподаватель, соискатель
Западно-Уральский институт экономики и права» (г. Пермь)
Пермский государственный национальный исследовательский университет

Достойное место в отечественной истории, развитии общественно-политической мысли, становлении книжной культуры занял журнал «Вестник Европы» — стойкий последователь и защитник курса реформ Александра II.

Деятельности редакции журнала посвящены работы Е.В. Артемьевой, В.Е. Кельнера, В.А. Китаева, Н.А. Розмановой, помогающие ориентироваться в многогранном наследии «Вестника Европы» [1, 3, 4, 6]. Вместе с тем, всесторонне осветить представленную в данной статье проблему помогли, прежде всего, материалы публикаций на страницах «Вестника Европы», переписка редактора «Вестника Европы» [7, 8, 9], материалы архивного фонда М.М. Стасюлевича и редакции «Вестника Европы», хранящиеся в рукописном отделе Института русской литературы РАН.

Вторая половина XIX века явилась сложной переходной эпохой, страна проходила через непростые испы-

тания либеральных реформ Александра II, развивались капиталистические отношения в экономике, росло освободительное движение, менялись общественные идеалы, резко возросла потребность в чтении, литературного общения, обсуждения насущных общественных проблем.

«Вестник Европы» издавался с марта 1866 г. и постепенно стал трибуной российского либерализма, центром научной и общественно-политической мысли России второй половины XIX века. Ощущая непосредственную причастность к европейской истории и культуре, журнал подчеркивал сходный в целом характер российского и западноевропейского путей общественного развития. На страницах данного издания исследовались важнейшие проблемы истории, политики и литературы. Издавался «Вестник Европы» в С.-Петербурге с 1866 по 1918 гг. (в 1866—1908 гг. журнал издавал и редактировал М.М. Стасюлевич — яркий представитель либеральной интелли-

генции, передовой учёный, публицист, активный земский деятель; в 1908–1916 гг. — издатель М.М. Ковалевский, главный редактор К.К. Арсеньев). Редакция «Вестника Европы» использовала печатное слово как главное оружие в борьбе за преобразование Отечества; в выпуске журнала видела, прежде всего, цивилизованный способ осмысления и пропаганды либеральных принципов, средство давления на самодержавие и выражения общественного мнения.

Преобразования Александра II М.М. Стасюлевич и другие члены редакции журнала рассматривали как важную попытку модернизации «сверху» общественно-политической и экономической жизни страны, приветствовали исходящую от верховной власти инициативу реформ, принятых «для блага самого населения России и для обновления ее политического могущества». «Великие реформы» дали большой импульс общественному развитию, приблизили Россию к уровню передовых стран Европы. Глубоко и всесторонне исследуя процесс реформирования общественной жизни России второй половины XIX в., отмечая успехи и, особенно, критикуя недостатки, «Вестник Европы» стремился содействовать правительству в сложной преобразовательной работе. Стасюлевич принимал непосредственное участие в ходе подготовки и проведения реформы народного образования, выработке нового законодательства о печати, последовательно выступал за общедоступность образования, свободу печати.

Изучая политическую жизнь и государственное устройство стран Западной Европы, либеральные публицисты исследовали пути мирного постепенного перерождения самодержавия в конституционную монархию, абсолютистского и бюрократического полицейского государства в правовое капиталистическое государство, размышляли над необходимостью утверждения в России принципа самоуправления общества, предоставления последнему большей свободы действий в помощь центральному правительству. В спорах о судьбах России журнал Стасюлевича противостоял всем консервативным и реакционным силам.

Журнал был основан группой либерально настроенных профессоров (в основном историков) С.-Петербургского университета, покинувших свои кафедры в знак протеста против политики правительства в системе высшего образования (М.М. Стасюлевич, К.Д. Кавелин, В.Д. Спасович, Б.И. Утин, А.Н. Пыпин). В журнале активно сотрудничали многие ведущие публицисты и общественные деятели либерального направления: К.К. Арсеньев, Л.З. Слонимский, А.Ф. Кони, Вл.С. Соловьев, В.А. Арцимович, А.Д. Градовский, М.М. Ковалевский, Ф.Ф. Воропонов, В.Ф. Корш и др.

«Вестник Европы» объединил передовую либеральную интеллигенцию (учёных, историков, литераторов, земских деятелей), все прогрессивные круги общественности. Хотя большинство авторов публикаций являлись умеренными либералами, на страницах издания имели возможность высказаться представителям разных политических

направлений (консервативно-либерального, демократического, анархического, западнической и славянофильской ориентации, за исключением реакционеров и ярых консерваторов). Это была творческая лаборатория, где царил взаимное уважение взглядов собеседника. Редакция журнала предоставляла читателю возможность, выслушав различные точки зрения, самому сделать вывод, не навязывая своих идей. Ал.К. Толстой писал Стасюлевичу: «Вы даёте место в Вашем журнале всем мнениям, и предоставляете читателю выбирать, что есть некоторым образом комплимент для читателя...» [8, с. 352].

Редакция «Вестника Европы» считала возможным добиться осуществления своих политических идеалов, воздействуя путем убеждения на правительство и образованные слои населения. Постоянными читателями журнала стали представители чиновничьей и профессорской среды, зачастую занимающие высокое положение в административно-управленческой иерархии России. Немалый интерес к политическим публикациям в журнале проявляли и российские самодержцы второй половины XIX в., особенно вследствие доносов цензурного ведомства. М.М. Стасюлевич вел оживленную переписку с двумя министрами — П.А. Валуевым и А.В. Головинным; общался по важнейшим проблемам реформирования страны с М.Т. Лорис-Меликовым, Н.Х. Бунге и др.

Для расширения читательской аудитории (привлечения не только учёных, историков) М.М. Стасюлевич преобразовывает в 1868 г. «Вестник Европы» из строго исторического в историко-политический и литературный журнал и открывает в нём отделы Внутреннего обозрения и Общественной хроники. С этого времени в журнале наметились постоянные отделы беллетристики и хроники. Расширение программы издания привлекло в журнал крупных учёных, публицистов и литераторов России и Европы. Из научных трудов в «Вестнике Европы» выделялись статьи Н.И. Костомарова, В.В. Стасова, И.И. Мечникова, И.Е. Забелина, В.И. Семевского и др. В разное время в журнале сотрудничали И.С. Тургенев, И.А. Гончаров, А.Н. Островский, М.Е. Салтыков-Щедрин, А.К. Толстой, Н.В. Успенский, А.И. Эртель, Я.П. Полонский, А.М. Жемчужников, Э. Золя, А.А. Фет, А.Н. Плещеев, И.А. Бунин и др.

«Вестник Европы» в течение первых двух лет выходил в свет четыре раза в год, с 1868 г. в связи с расширением программы и увеличением отделов стал ежемесячным научно-политическим литературным журналом. Он представлял собой тип «толстого журнала», в котором совмещены литературно-художественный сборник, политическая газета и своеобразная научная энциклопедия. Каждый его номер выходил в твёрдой обложке в виде книги объёмом 300–500 страниц. Из «толстых» литературных журналов по числу подписчиков «Вестник Европы» уступал только «Отечественным запискам» Н.А. Некрасова. К середине 1870-х годов тираж «Вестника Европы» достигал внушительной по тем временам цифры — 8 тыс. экземпляров.

Редакция «Вестника Европы» стремилась учесть повышенный интерес читателей прежде всего к литературным художественным произведениям (помещала в начале журнала лучшие произведения отечественной и западноевропейской литературы), вместе с тем привлекала читателей (основная масса которых была ещё политически инертна) к обсуждению актуальных общественно-политических проблем России (разделы «Внутреннее обозрение», «Из общественной хроники») и стран Западной Европы («Иностранное обозрение», «Корреспонденция»), знакомила с научной жизнью, новыми книгами в определённых отраслях знания («Библиографический листок» — помещался в конце журнала). Таким образом, «Вестник Европы» вёл читателя от простого развлечения, отдыха к более серьёзному, обстоятельному размышлению над судьбами общества, своей страны, европейского сообщества в целом.

Журнал стремился удовлетворять острую (особенно в провинции) потребность читателей следить за умственной жизнью всего человечества. «В России с её огромными территориями, редкими оазисами культуры, при отсутствии хороших путей сообщения и ограниченном количестве книг именно журнал становился единственным поставщиком и художественной литературы, и разнообразных сведений о злободневных событиях, и сообщений о достижениях науки...» [5, с. 122]. Постепенно «Вестник Европы» всё более проникает в различные провинции России, в земские органы, городские общественные библиотеки. Писательница и известная общественная деятельница М.К. Цебрикова писала М. Стасюлевичу: «Экземпляр «Вестника Европы», получаемый мною так аккуратно, благодаря Вашему вниманию, служит здесь хорошую службу в кругу народных учителей. Особенно читается Внутреннее обозрение, а также и статьи о русской литературе А.Н. Пыпина...» [9, с. 159]. Из Западной Европы также шли письма соотечественников с просьбой выслать журнал. Авторитет издания рос с каждым годом.

«Вестник Европы» ориентировался на нового читателя пореформенной России; надеялся, что раскрепощение, освобождение личности позволит активнее участвовать гражданам в общественно-политической жизни страны, признавал своей важнейшей задачей политическое, нравственное развитие личности, защиту её свобод, прав и интересов. Своими основными читателями редакция жур-

нала видела, прежде всего, интеллигенцию (учёных, историков, литераторов, искусствоведов, учителей). В издании указывалось, что «интеллигенция везде и всегда опережает сознательную мысль народа...» [2, с. 346], но интеллигенция не оторвана от народа, она впереди общественных сил, призвана помочь народу (а журнал — читателю) разобраться в сложных проблемах научной и общественно-политической жизни. Редакция журнала стремилась вести диалог с читателем доступным языком, не снижая при этом научной глубины статей.

В ходе полемики с реакционными и консервативными органами печати («Русь», «Московские Ведомости», «Новое Время» и др.), обвинявшими «Вестник Европы» в оторванности от народа, журнал с достоинством отвечал, что признаёт приоритетной заботу о народном благе (систематически в журнале анализировался ход крестьянской реформы, поднимался рабочий вопрос). Либеральный «Вестник Европы» не был дворянским, узкобуржуазным, сословным печатным органом. В центре его внимания постоянно оказывались проблемы, затрагивающие интересы всех слоёв русского общества, ему импонировали многие демократические идеи.

Публикации «Вестника Европы» были востребованы российскими читателями, имели значительное влияние на интеллектуальный климат в стране, отвечали потребностям русской общественной жизни. Журнал приглашал всю мыслящую часть российского общества к совместному обсуждению актуальных общественно-политических проблем, способствовал формированию правовой, нравственной культуры российских граждан. А.Ф. Кони вспоминал: «Вестник Европы» был старым, привычным, надёжным и верным своему слову другом читателя, приходившим ... в начале каждого месяца, чтобы беседовать в разных формах, начиная с художественной и научной и кончая критической, о пёстрых явлениях общественной жизни, чтобы удерживать от погружения в тину эгоизма и апатии и, среди ослепительных озлоблений, изрекать спокойное слово, призывающее уважать человеческую личность, быть широко терпимым к священным вопросам человеческого духа и служить законной свободе, во всех её видах» [7, с. 19]. «Вестник Европы» по праву заслужил уважение современников. Оставленное им грядущим поколениям богатейшее наследие идей и опыта борьбы за культурный прогресс России не утратило ценности и по сей день.

Литература:

1. Артемьева Е.В. Общественно-политическая программа журнала «Вестник Европы»: 1880-е гг.: дис. ... канд. ист. наук. Нижний Новгород, 2009.
2. Внутреннее обозрение. // Вестник Европы. 1881. № 5.
3. Кельнер В.Е. Человек своего времени (М.М. Стасюлевич: издательское дело и либеральная оппозиция). СПб., 1993.
4. Китаев В.А. «Вестник Европы» и революционное движение в России на рубеже 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. Вып. 5 (123). М.: Наука, 2002.
5. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века. М., 2004.

6. Разманова Н.А. М.М.Стасюлевич и начало издания «Вестника Европы» (1866–1873 гг.). Автореферат дис. ... канд. ист. наук. М., 1988.
7. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. СПб., 1911. Т. I.
8. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. СПб., 1912. Т. 2.
9. Стасюлевич М.М. и его современники в их переписке. СПб., 1913. Т. 5.

О грамотах Александрийского патриарха Иоакима (4 апреля 1545 г.) и Константинопольского патриарха Дионисия (июня 1546 г.) Ивану IV Васильевичу о преподобном Максиме Греке

Крутецкий Владимир Юрьевич, кандидат исторических наук, доцент
Ярославский государственный технический университет

Изучение биографии преп. Максима Грека исключительно важно для понимания его творчества. Обстоятельства судьбы писателя в огромной степени повлияли на его литературную деятельность: с ними был связан выбор тем его произведений в различные периоды творчества, они определили замысел и состав созданных святогорцем собраний собственных сочинений, от них зависели круг и характер его общения, что отразилось на эпистолярном наследии ученого грека. Заметное место среди материалов, связанных с биографией преп. Максима, занимают документы, отражающие участие в его судьбе руководства восточных церквей.

Из Святой Горы в Москву было направлено «прошение» (возможно, устное) об отпуске преп. Максима Грека на родину, упомянутое в одном из его посланий Ивану IV Васильевичу и в Послании митрополиту Макарию. Даты этих посланий неясны. В первом, обращаясь к Ивану IV с просьбой о возвращении на Афон, преп. Максим Грек пишет: «Отдаждь мене, благовернейший царю, честней обители пресвятыя Богородицы Ватопедстей, возвесели духовне живущая в ней преподобныя иноки, рабы твоя и богомольца непрестающая, не восхоти наипаче оскорбити их. Тамо, благовернейший государю, велиа ныне скудость от всех потребных на составление и устроение многолюдныя обители, тамошним потребно окаянство мое, даруй мене им, лета уже многа желающим мене, приклонися умиленным их молением, яже о мне, к твоей богохранимей державе, исполни им таково праведное прошение, да же и их, яже о богохранимей державе твоей, возсылаема непрестанна прошения и мольбы к Вышнему, услышит и исполнит делом скоро иже надо всеми Бог и Владыка Иисус Христос, иже да сохранит и соблюдет и укрепит на многа лета благоверно царство твое.» [1, с. 356–357]. В послании к митрополиту Макарию писатель не только напоминает о прошении святогорских монахов, но и ссылается на «моление» вселенского патриарха: «Благоизволите убо, благоизволите, Господа ради, сотворити милость о мне бедном, дадите ми видети Святуя гору, молитвенницу всей вселенней, отдадите мя вашим богомольцом преподобным отцем и братии

моей, умилини будите христианолепне их к вам о мне молитвами и слезами; не изволите явитися преслушающе богомольца вашего вселенского патриарха, моляща вас о мне; праведен он и богочестив архиерей, якоже и вси вы, с дерзновением же речет его кто исповедника Иисуса Христа, якоже по вся дни безчисленна напастования и поношения от безбожных агарян доблественне терпяща, со всяким добрым упованием о славе Иисуса Христа и Бога нашего. Лепо убо и праведно есть, да и вы, чистым благоверием украшаеми, якоже и инии многи православнии властели, послушаите такова святителя Божия, моляща вас о своем его овчате заблуждшем от священныя его паствы, да и вы явитесь во всем покоряющесе глаголющему тайно учителю: братие, послушайте наставников ваших, и повинуйтеся, тии бо бдят о душах ваших и прочая, таже прилаголет: да с радостию сие творят, а не въздыхающе, не на пользу бо вам сие.» » [1, с. 366–367] Отсутствие в Послании Ивану IV упоминания о «молении» вселенского патриарха привело В.С.Иконникова к заключению о том, что это послание «было писано раньше», чем послание к Макарию [2, с. 509].

В связи с упоминанием в процитированных посланиях Ивану IV и митрополиту Макарию «прошения» об отпуске преп. Максима заслуживает внимания наблюдение Н.В.Синицыной, касающееся грамоты прота Святой Горы Анфима великому князю Василию III (грамота упомянута среди «греческих грамот» в описи архива Посольского приказа 1626 г.) По мнению Н.В.Синицыной, совпадение даты грамоты с датой второго суда над преп. Максимом (1531 г.) «позволяет с достаточно высокой степенью вероятности предполагать, что по крайней мере одной из ее тем было ходатайство об афонском монахе, который, напомним, был отправлен в Москву с грамотой игумена Ватопедского монастыря Анфимия (нельзя исключить, что именно он к 1531 г. стал протом)» [3, с. 14].

В Россию были направлены два послания с просьбой об освобождении преп. Максима Грека — грамота Александрийского патриарха Иоакима (4 апреля 1545 г.) и Константинопольского патриарха Дионисия (июнь 1546 г.). Обе грамоты опубликованы по списку РГБ, ф. 256, Ру-

мянц. 264 [4, с. 272–278]; грамота Иоакима имеет еще одно издание [5, с. 539–541]. В труде А.Н.Муравьева изложено содержание грамоты Иоакима по списку РНБ, Q.XVII.50 (Толст.П.341) и Дионисия — по указанной без шифра рукописи Троице-Сергиевой лавры [6, с. 43–49]. Новейшее издание обеих грамот подготовлено С.М. Каштановым, Л.В. Столяровой, Б.Л. Фонкичем [7, с. 352–355; 355–358].

Самые ранние списки обеих грамот находятся в составе рукописи РГБ, ф. 256, Румянц. 264 — Румянцевского сборника (1551–1555 г.) — прижизненного собрания сочинений и переводов Максима Грека, состав которого не повторен ни в одном из известных рукописных сборников. Уникальность Румянцевского сборника определяется также раритетностью его состава (ряд текстов известен лишь по данному списку) и наличием авторской правки. В отличие от всех позднейших рукописей, включающих грамоты патриархов Иоакима и Дионисия, последовательность грамот в составе Румянцевского сборника не соответствует хронологии их появления: грамота Дионисия (июнь 1546 г.) занимает л. 190–191 об., грамота Иоакима (4 апреля 1545 г.) — л. 192–193.

Грамота Иоакима включена в состав ещё одного сборника XVI в. — РНБ, Q.XVII.50 (Толст.П.341), содержащего официальные церковные документы и материалы, связанные с новгородскими архиепископами конца XV — начала XVI вв.: Геннадием, Феодосием, Макарием. Переводы и сочинения Максима Грека в этой рукописи отсутствуют.

Большую часть грамоты патриарха Иоакима занимают моральные наставления и пожелания в адрес Ивана IV Васильевича. В части послания, касающейся преп. Максима, патриарх лаконичен. О судьбе его он узнал из посланий, которые получал «от многих и великих человекох сущих ту...и от Святыя горы Афоньскыя» (*здесь и далее грамоты патриархов Иоакима и Дионисия цитируются по Румянцевскому списку; л. 192–193, л. 190–191 об. — В.К.*). По словам патриарха, преп. Максим Грек осужден несправедливо («неправедно связан есть и поиман от царства власти твоя»), по навету недоброжелателей («от дѣства диаволя и злых человекъ козней»). Не касаясь конкретных обстоятельств осуждения, содержания предъявленных обвинений, патриарх Иоаким просит предоставить преп. Максиму «всяку волю и свободу ити идѣ же аще хошет и наипаче въ пострижении его».

Видимо, стремясь сделать свою просьбу более убедительной, патриарх счел целесообразным подчеркнуть учительный характер деятельности святогорца. Он дважды напоминает Ивану IV о том, что преп. Максим Грек — «учитель Православныя вѣры», который «научилъ и наказавал и ползовал многих христианех въ царствии твоём».

Одно место в послании, по-видимому, можно расценивать как упрек великому князю в том, что святогорец все еще остается в заключении. Иван IV не предпринял ничего для того, чтобы выяснить, насколько основательны

предъявленные обвинения. «Но ниже лепо есть царствию Твоему, обращается патриарх к великому князю, — да веры имеши всякому слову и всякому писанию, приходящему пред Тобою, **без смотрения и спытания** (*выделено мною — В.К.*)».

В небольшом послании к Ивану IV патриарх Дионисий сообщает о своем возведении «на высочайшии патриаршеский престоль Константинова града» и напоминает об «обдержимомъ» долгие годы «иноце Максиме». От имени Иерусалимского патриарха Германа и всего священного собора («преосвященных митрополит, собравшихся ныне царствующем граде, моего ради поставления, 50 сущих числом, боголюбивых епископов, многих и преподобнейших игуменов») Дионисий просит Ивана IV «помиловать и отпустить» Максима, инока «на старость уже дошедша, и близ суца смертных вратъ. Да сподобиться возвратитися въ землю свою и погребатися въ пострижении своем, еже въ Святеи Горе и въ обетехъ его иночьскаго житиа своего...». Приведенным фрагментом исчерпывается все сказанное в Послании патриарха Дионисия о преп. Максиме Греке.

По-видимому, оба патриарха были осведомлены о содержании судебного процесса над преп. Максимом. Об этом косвенно свидетельствует уже цитированная ранее ссылка Иоакима на полученные им «послания».

В последней четверти XVI в. грамоты патриархов, вместе с рядом других текстов, известных в ограниченном количестве ранних списков, прочно входят в русло рукописной традиции; они включаются в состав большинства создаваемых в это время собраний сочинений преп. Максима Грека: собрание вологодского архиепископа Ионы (Думина), собрание в составе рукописи Парижской Национальной библиотеки Slav.123, Музейное, Синодальное, а в 20-е годы XVII в. — в состав Троицкого собрания.

Х.Олмстед, изучавший проблему происхождения отдельных частей собрания архиепископа Ионы (Думина), выдвинул две возможные версии появления в составе собрания посланий восточных патриархов. Согласно первой — грамоты были заимствованы из Румянцевского сборника.

Вторая версия является, по выражению Х. Олмстеда, «более интригующей»: источником послания Иоакима и, возможно, Дионисия в собрании Ионы (Думина) могла быть РНБ, Q.XVII.50 или близкая ей рукопись [8, с. 297]. Х.Олмстед не располагал точными сведениями о составе рукописи РНБ, Q.XVII.50, в которой грамота Дионисия отсутствует.

По мнению Х.Олмстеда, «конвой» грамоты Иоакима в рукописи РНБ, Q.XVII.50 (официальные церковные документы, в том числе послания) — именно тот первоначальный контекст, в котором грамота патриарха должна была оказаться, попав в Россию.

Ряд документов, находящихся в сборнике РНБ, Q.XVII.50, имеет иосифлянское происхождение, некоторые связаны с игуменом Иосифо-Волоколамского монастыря в 1575–1587 гг. Евфимием Турковым [8, с. 297; 9, с. 109–113]. Данное обстоятельство, полагает

Х. Олмстед, заслуживает серьезного внимания в связи с фактом использования вологодским архиепископом Ионой (Думиным) — вероятным составителем собрания — других материалов волоколамской традиции. К ним относятся послания волоколамского комплекса, составившего заключительную часть собрания, а также документы и сочинения, отложившиеся в Сибирском сборнике. По мнению Х.Олмстеда, использование Ионой (Думиным) источников волоколамской традиции было связано с церковным собором 1591 г., установившим в общерусском масштабе празднование в честь преподобного Иосифа Волоколамского [8, с. 298].

С целью выяснить происхождение текста послания Александрийского патриарха Иоакима Ивану IV в составе

собраний сочинений преп. Максима Грека XVI — XVII вв. текстологическому исследованию были подвергнуты списки послания, находящиеся в Румянцевском сборнике (РГБ, ф. 256, Румянц. 264, л. 192—193), рукописи РНБ, Q.XVII. 50 (л. 256 об.-258 об.), собрания архиепископа Ионы (Думина) (РГБ, ф.98, Егор. 207; РГБ, Больш. 16, л. 151 об. —152 об.; РНБ, Погод., 1141, л. 260 об.-262 об.), а также Синодального (ГИМ, Син. 491, л. 542 об.-543; РНБ, Погод. 1139, л. 565—566 об.) и Троицкого (РГБ, ф. 304, Троицк.200, л. 418—419) собраний.

Было установлено, что между РНБ, Q.XVII. 50, с одной стороны, и списками Послания в составе всех перечисленных собраний сочинений — с другой имеются расхождения:

№	Все списки РГБ, ф. 256, Румянц. 264, л. 192—193.	РНБ, Q.XVII. 50, л. 256 об.-258 об.
1	...да даст тебѣ Господь Богъ..победу же одолѣние на врагы твоя, якоже великому въ царехъ , въ пророцехъ Давиду и Костянтину... (л.192)	...да даст тебѣ Господь Богъ...победу же одолѣние на врагы твоя, якоже великому въ пророцехъ Давиду и Костянтину...
2	...ибо царь подобен естъ еродию, к нему же прибѣгают вся птица и веселятся под кровом крыль его. (л. 192)	...ибо царь естъ подобен еродию, к нему же прибѣгают вся птица и веселятся под кровом крыль его.
3	Зане имаши имя преславно по всеи земли въ мужествѣ и въ смысле , еже по Бозѣ и въ побѣде яже на супостаты и въ милостыни, яже к нищим и требующим,... (л. 192)	Зане имаши имя преславно по всеи земли въ мужествѣ и въ мысле , еже по Бозѣ и въ побѣде яже на супостаты и въ милостыни, яже к нищим и требующим,...
4	Зане «миръ сеи преходит и вся его похоть» (I Ин.2:17), яко же глаголетъ великии въ апостолах богослов и напръсникъ Иоан. (л. 192)	Зане «миръ сеи преходит и всяка похоть его » (I Ин.2:17), яко же глаголетъ великии въ апостолах богослов и напръсникъ Иоан.
5	Ту, в земли царства твоего, обрѣтається нѣкый человекъ, ... имя ему Максимъ. Его же от дѣиства диаволя и злых человекъ козней опалился на нь величаише царствие твое, и крѣпцѣ ввергль его въ темницах и узах нерешимых. (л.192 об.).	Ту, в землю царства твоего, обрѣтається нѣкый человекъ, ... имя ему Максимъ. Его же от дѣиства диаволя и злых человекъ козней и опалился и на величаише царствие твое, и крѣпцѣ ввергль еси его въ темницах и узах нерешимых.
6	И не может ни туды ни сюды ходити и учити яко же Богъ дароваль естъ ему. (л. 192 об.)	И не может ни дуды ни сюды ходити и учити слову Божию яко же Богъ дароваль естъ ему.

К ним относятся: пропуск фрагмента текста в РНБ, Q.XVII. 50 (№ 1), перестановка слов (№ 2) и разночтения (№ 3, 4, 5, 6), в каждом из которых первоначальный вариант текста представлен в списках собраний. Расхождения имеются и в дате документа; в списке РНБ, Q.XVII. 50 неверно указан год — «лѣта 50053», вместо 7053 (или 53 — го), как в списках собраний. В списке РНБ, Q.XVII. 50 находятся «лишние», по сравнению со списками собраний, глагол «еси» (№ 5) и фрагмент «слову Божию» (№ 6), что, вероятно, объясняется распространением в РНБ, Q.XVII. 50 первоначального текста, хотя не исключено, что в списках собраний имеет место пропуск.

Во всех случаях расхождений со списком РНБ, Q.XVII. 50 списки собраний полностью совпадают. Чтения общие списку РНБ, Q.XVII. 50 и группе (или одному) списков собраний, и расходящиеся с остальными списками собраний, отсутствуют. В абсолютном большинстве расхождений список РНБ, Q.XVII. 50 обнаруживает искажение первоначального текста, лучше переданного в списках Послания в собраниях сочинений. Приведенные наблюдения свидетельствуют о том, что текст послания Александрийского патриарха Иоакима Ивану IV в составе собраний сочинений Максима Грека не может восходить к РНБ, Q.XVII. 50 или восходящей к ней рукописи, а связан с румянцевской традицией.

Литература:

1. Сочинения Максима Грека, ч. 2. Казань, 1860.
2. Иконников В.С. Максим Грек и его время. Киев, 1915.
3. Сеницына Н.В. Сказания о преподобном Максиме Греке (XVI—XVII вв.). М.: Издательство ПСГТУ, 2006.

4. Журнал Министерства Народного Просвещения. СПб., 1834. № VIII.
5. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. I, СПб., 1841.
6. Муравьев А.Н. Сношение России с Востоком по делам церковным. Ч. I, СПб., 1858.
7. Россия и греческий мир в XVI в. Т. I. М., «Наука», 2004.
8. Hugh M. Olmsted. Studies of the early manuscript tradition of Maksim Greek's collected works. Cambridge, Massachusetts, 1977.
9. Зимин А.А., Лурье Я.С. Послания Иосифа Волоцкого. М.-Л., «Наука», 1959.

Последствия распада колхоза «Родина» Сорокинского района Тюменской области в 1990-е гг.

Нисковских Евгений Юрьевич, студент

Ишимский государственный педагогический институт им. П.П. Ершова

Начиная с 1930-х гг., вся сельская жизнь держалась на функционировании колхозной системы. С помощью неё поддерживалась деревенская инфраструктура, жители обеспечивались работой и жильём, а рабочих мест хватало для всех жителей деревень, что решало проблему безработицы на селе. Действовали самые разные льготы для членов и работников колхозов. Кроме того, эффективно развивалось образование на селе, что способствовало подготовке новых кадров для агропромышленного комплекса. Для жителей сёл были созданы все условия благополучной жизни, благодаря чему многие из них процветали. Но в 1990-х гг., в связи с перестройкой всей жизни страны, аграрной реформой сельское хозяйство претерпело ряд изменений. Проводилась аграрная реформа, целью которой было создание на селе частных предпринимателей, более заинтересованных в результатах своего труда, нежели если бы они находились в составе коллектива. Ведь не зря одной из важнейших проблем в колхозах было нарушение дисциплины: невыполнение членами колхозов своих прямых обязанностей, что влекло за собой убытки хозяйства [2, с. 56]. Каждый колхозник работал в интересах всего хозяйства, коллектива, но не лично себя, хоть ему и доставалась часть произведенной продукции вместе с зарплатой. Если бы он производил продукцию для себя, то её получалось бы гораздо большее количество, которое можно было бы часть оставить себе, а часть — попросту продать. В советские времена это было невозможно. Именно поэтому сельские жители с удовольствием стали выходить из колхоза и создавать собственные хозяйства после предоставления им в собственность земельных и имущественных паёв. А колхозы и совхозы подлежали реорганизации.

Согласно архивным документам колхозов Приишимья, в период перестройки во многих хозяйствах наблюдалось более злостное нарушение дисциплины по сравнению с предшествующими годами. Но всё же немалая часть продолжала функционировать благополучно и обеспечивать сельскохозяйственной продукцией село и город. Некоторые из них имели дальнейшие перспективы на развитие,

но от реорганизации согласно Постановлению Правительства РФ «О порядке реорганизации колхозов и совхозов» от 29 декабря 1991 г. не освобождались даже они [1, с. 36]. Одним из таких передовых хозяйств был колхоз «Родина» Сорокинского района Тюменской области. Он славился по всей области. В состав колхоза входили сёла Готопутово, Тиханы, Жидоусово, Буньково, Лебяжье, Желнино, Черемшанка. Они расположены на 15–25 км к северу от районного центра. Во всех бригадах, кроме Черемшанки, имелся КРС, в стороне д. Тиханы находилась откормплощадка, рассчитанная на 400 голов. Дойное стадо в его составе насчитывало в рассматриваемый период 1860 голов — по плану. Показатели надоя были настолько высокими, что ёмкости с молоком, подлежащему сдаче государству, зачастую попросту не помещались в машину, и приходилось привлекать дополнительную технику. Посевная площадь насчитывала более 8 000 га, зерна в год собирали 34 000 ц. Почти всегда плановые показатели соблюдались.

Благодаря благополучному развитию колхоза «Родина» и входившие в его состав сёла существовали достаточно благополучно. В каждом из них имелись начальная и средняя школа, медпункт, магазин, клуб, где жители могли хорошо провести свободное время, отдохнуть. Да и деревни были очень хорошо застроены: всюду стояли жилые дома, а численность населения составляла около 100 человек на деревню. У людей была работа и жильё, а также комфортные условия для жизни. Поэтому деревни процветали, редко кто уезжал оттуда в город, т.к. они хорошо прижились здесь. Жизнь кипела.

Но еще во время перестройки положение стало меняться. Выросли цены на ГСМ и запчасти для техники, а продукцию колхоза закупали по слишком низким ценам, что вызвало дефицит. Начали сокращать посевные площади, поголовье скота. Новую технику покупать было нецелесообразно: слишком дорого. А ведь не так давно за недельную сдачу молока можно было купить новый трактор. Зарплата колхозников постепенно снижалась. А после распада СССР ситуация еще более ухудшилась, что привело в конце концов к ликвидации фермы в Бунь-

ково в 1996 г. Эта деревня одна из первых почувствовала на себе последствия кризиса. Содержать её было нерентабельно: доходы были невысокими, зарплата низкая, в результате чего многие ушли из колхоза, да и дисциплина среди оставшихся членов заметно упала.

Кроме того, согласно Постановлению правительства РФ, все хозяйства должны были провести реорганизацию [1, с. 36]. Бригады колхоза «Родина» были преобразованы в крестьянско-фермерские хозяйства (КФХ) в 1998 г. Отдельная семья сама вела своё хозяйство, надеясь получить продукцию не только для собственного пропитания, но и на продажу. В деревни приезжали грузовые машины для закупки продукции, и жители с удовольствием продавали её. Однако схема функционирования КФХ была недостаточно хорошо продумана, и поэтому фермерство не получило должного развития в деревнях. К тому же, формально колхоз существовал в это время, т.к. отправлял отчёты о своей работе. Полученной продукции жителям хватало только для себя, на продажу сдавать было нечего. Сказались высокие цены на корма для животных, семена. К тому же, никто не научил их осуществлять предпринимательскую деятельность и действовать самостоятельно. Они привыкли, что ими руководит председатель колхоза, а здесь нужно было самим осуществлять руководство над собой. И вскоре, в 2002 г., из деревень был снова образован колхоз. Но к тому времени весь инвентарь, всю колхозную собственность уже перераспределили в наиболее благополучные деревни среди данных бригад. Технику всю увезли в Готопутово, посевные площади были сильно сокращены, скот угнан в счёт сдачи долгов колхоза. Часть была распродана. Колхоз «Родина» оказался на грани банкротства и уже не мог функционировать как прежде.

Поэтому в Черемшанке и Лебяжье скот и технику купило ЗАО «Запсибхлеб», а в 2003 г. было образовано ОАО «Нива» на базе бригад Готопутово и Тиханы и ОАО «Авангард» на базе Желнино и Жидоусово. Около села Тиханы была вновь образована откормплощадка на департаментские дотации. Что касается остальных бригад, то Черемшанка вообще практически лишилась хозяйства. Лишь растениеводство было отдано в ведение сорокинского ООО «Русь», куда было зачислено и Лебяжье. В Буньково животноводческая ферма уже давно не работала, а посевные площади стали принадлежать Готопутово. Со временем там перестали даже хранить зерно в складах. Посевные площади уже составляли примерно 2500 га, небольшое поголовье и вся оставшаяся техника — меньшая часть того, что когда-то принадлежало колхозу.

Колхоз стал недееспособным, всё его имущество было частично распродано, и другая часть — приватизирована предприятиями. Эти предприятия через некоторое время обанкротились. К тому же, уровень производства был сильно снижен.

Наиболее сильный удар был нанесен быстро растущей инфляцией еще в начале 1990-х гг. Каждые полгода устанавливались новые цены, тогда как прибыль вовсе не увеличивалась. Приходилось распродавать имущество кол-

хоза. Денег едва хватало на зарплату колхозникам и для дальнейшей деятельности. Многие колхозники решались на заведение собственного хозяйства, и колхоз в результате снова терял рабочие руки. Кроме того, часть колхозного имущества переходила в руки частных. Таким образом, колхоз попросту растаскивали в разные стороны, и, в конце концов, он перестал производить. Большое количество людей лишилось работы. Они устраивались в различные социальные учреждения, но работали там зачастую на низкооплачиваемых должностях, например, санитарями. И то вакансий не хватало на всех. Некоторые из них занялись собственным хозяйством, но даже от собственной произведенной продукции прибыль была очень мала и не могла обеспечить потребности людей на долгое время. Максимум на месяц. В поисках работы и более благополучной жизни им пришлось уезжать из деревень в города, где шансов найти хорошую работу было гораздо больше. Так начался массовый отток сельского населения в города. И обратно они уже не возвращались. Постепенно деревни начали пустеть, жилые дома — забрасываться и разрушаться. Численность населения в одной деревне составляла примерно 40–50 человек. Нерентабельно стало содержание социальных учреждений: школ, больниц, магазинов. Постепенно их закрыли. Кроме медпунктов, но они стали работать по 2–3 дня в неделю. Школы полностью закрыли, а учащиеся, в том числе начальных классов, теперь стали ездить в ближайшие сёла, где таковые функционировали. На территории бывшего колхоза в нескольких деревнях перестали работать магазины, и жители вынуждены стали ездить туда, где они есть.

Созданные на базе колхоза предприятия пришли уже на сильно обедневшую территорию, и заработать прибыль попросту не смогли, т.к. всё было развалено. А воссоздать когда-то крупное хозяйство уже не представлялось возможным, потому что производство сосредоточилось в относительно крупных и благополучных селах вплоть до Соркино. Предприятия за примерно 10 лет сменяли друг друга, становясь банкротами и уступая место новым образованиям. Но предприниматели брали под своё ведение территории отдельных деревень из бывшего колхоза, т.е. эти земли попросту делились на части. Кроме того, животноводство было практически полностью уничтожено, скот продан еще в 1990-е гг., поэтому оставалось лишь растениеводство.

Рабочих рук стало очень мало. Лишь незначительная часть работоспособного населения, не имевшая возможности уехать в город и обосноваться там, заступали на работу в эти предприятия. Но получать хорошую зарплату они могли только весной и осенью, во время посевных и уборочных кампаний. Когда было животноводство, нужно было и следить за ними, способствовать сохранению приплода, заготавливать сено и многое другое. Молоко давало огромную прибыль. Теперь большей части источников дохода попросту не стало. Вот и пришлось довольствоваться двухразовым заработком. Надолго им себя и семью не обеспечить.

Отток населения в города и крупные села продолжался, деревни практически не благоустривались, за редким исключением. Преобладающей возрастной категорией стали пожилые люди. Им незачем было уезжать, получали пенсию и стали жить на неё в этих деревнях. А молодежи делать в деревнях стало нечего. Невозможно стало не только зарабатывать деньги и содержать семью, но и даже просто хорошо отдохнуть. Закрылись культурно-массовые учреждения, а если и открывались, то это были уже не те клубы, что раньше. Посетителей стало намного меньше, содержание учреждений обходилось дороже, а прибыль брать было негде, поэтому и уровень намного снизился. Молодым стало скучно, и они предпочитали ездить в другие сёла, где можно было провести хорошо время. Ну а многие из-за отсутствия занятий, лишения дальнейших перспектив постепенно деградировали. Не редкость тогда

и теперь встретить в вымирающей деревне спившегося человека, который когда-то занимал важные должности на работе в колхозе. А молодой человек, который когда-то был надеждой семьи и мог пойти по её стопам, также не нашёл своего пути в жизни в таких условиях.

В России есть деревни, где жизнь налажена после распада колхозной системы, но существует немало таких деревень, как в Сорокинском районе на месте колхоза «Родина», где не удалось организовать ведение когда-то богатого хозяйства, в результате чего вся сельская жизнь сильно изменилась далеко не в лучшую сторону. Люди лишились всех перспектив на жизнь в деревне и относятся к селу очень негативно, называя его «дырой», «захолустьем». Само понятие «колхоз» стало звучать в негативном тоне. А ведь когда-то в этом слове звучала гордость.

Литература:

1. Аграрная реформа в России. Документы и материалы // А.А. Калинин. — М.: Республика, 1992. — 79 с.
2. Валиуллин, К.Б., Зарипова, Р.К. История России. XX век / К.Б. Валиуллин. — У.: РИО БашГУ, 2002. — 234 с.
3. Петриков, А.В. Специфика сельского хозяйства и современная аграрная реформа в России [Текст] / А.В. Петриков — М.: «Энциклопедия Российских деревень», 1995—215 с.

Школьное образование российских немцев дореволюционной России как фактор человеческой деятельности (историографический обзор)

Предигер Берта Иосифовна, частный преподаватель Отечественной истории, соискатель г. Москва

Представленный в обзоре широкий спектр вопросов по истории развития начального народного, частного и среднего образования российских немцев в период становления немецких школ и до 1917 г. в целом отражают историю и культуру на разных этапах развития. Для наиболее осмысленного взгляда на проблему привлечен дополнительный материал по школьному образованию, культуре и социально-экономическому положению немецкого населения, деятельности немецких обществ и взгляд на проблему в современных публикациях: «Положение земских учителей Пермской губернии в начале XX в.» (Н.М. Ушакова); «Корейская церковная школа на русском Дальнем Востоке в конце XIX — начале XX вв.» (Хон Чжон Сук); «Кадровое обеспечение модернизации образования» (Н.В. Попкова); «Немцы Среднего Поволжья (меннонитская группа)» (Н.В. Овсянникова); «Сообщение Энгельского краеведческого музея о проблемах культурологии и региональной истории»; «Анализ этнических и социальных характеристик поселян-собственников лютеранского населения Саратовской губернии второй половины XIX — начала XX вв.»; «О лютеранстве в социально-экономическом пространстве Саратовской губернии второй половины XIX — начала XX вв.»; «Обзор архивных фондов

Саратовской и Волгоградской области по истории народного просвещения детей немецких колонистов в Саратовском Поволжье 1906—1916 гг.» (Б.И. Предигер), «Немецкий вопрос в Государственной думе (1906—1917 гг.)» (С.В. Баах); «Положение колонистов Поволжья в политике Германского рейха во время Первой мировой войны» (А. Айсфельд); «Концепция цикличности российской истории» (Л.Ю. Зайцева); «10 лет конференциям в Анапе и Москве: вопросы, ответы, перспективы» (В. Хердт).

Для исследований школьного образования российских немцев характерны определенные предметы рассмотрения (типы школ, программное и учебное обеспечение, материально-финансовая база, учительство, деятельность учреждений управления образованием, общественные группы), территориальные единицы (край, губерния, уезд), субъекты (государство, общество).

Историографический материал по истории школьного образования регионов наиболее компактного проживания немецкого этноса, имеет обширный информационно-описательный характер, накопительно-фактическую ценность и по утверждению И.В. Черказьяновой «все большее международное признание» по результатам научных изысканий.

В исследованиях «Чему и как учили в немецких школах России (нач. XVIII столетия — 1917 г.)» (Вл. Зюсс); «Школа в немецких колониях 1764–1917 гг.» и «Духовная культура немцев Поволжья: проблемы школьного образования 1764–194 гг.» (Н.Э. Вашкау); «Земская деятельность по начальному народному образованию» (Э.Д. Днепров); «Начальная школа Министерства просвещения (по официальным источникам) конца XIX в.» (Вл. Фармаковский); «Школьные реформы в России» В.Н. Липник; «Частные товарищеские русско-немецкие училища в немецких колониях Поволжья» С.Г. Веснина; «Частные школы Поволжья во второй половине XIX-начале XX века» М.О. Чеков; «Вопросы народного образования в особых журналах совета министров 1905–1906 гг.» (С.В. Казакова); «Немецкая национальная школа в Сибири» (XVIII–1938 г.); «Школьное образование российских немцев (проблемы развития и сохранения немецкой школы Сибири в XVIII–XX вв.)», «Вопрос о судьбе немецкой школы Российской империи в годы Первой мировой войны» (И.В. Черказьянова) освещаются проблемы, связанные со школьными реформами, выявляются формы деятельности немецких обществ в образовании, вопросы сохранения традиционной школы и формирование новых типов, социальный статус и материальное положение учителей, образовательный стандарт и уровень грамотности учащихся по оценочной системе. Отражают действия правительства в сфере образования, политические и исторические события, повлиявшие на немецкое население и поведенческое общество, обозначены субъективные механизмы управления образованием на разных уровнях, отмечены результаты деятельности заинтересованных в деле школьного образования на определенном отрезке времени, особенности частных и товарищеских школ. Даны разные оценки правовой деятельности управляющих органов образования, важным звеньям в развитии образования с участием немецкого общества поселен-собственников, священнослужителей, учителей и немецкой интеллигенции, приведены оценочно-статистические данные губернских и уездных управ по школьному делу, анализ качества обучения и т.д. формируют представление о состоянии образования российских немцев дореволюционного периода.

Общее всех исследований в использовании источниковедческой базы, определение хронологических рамок, в основном представление одной этнической группы (немецкой) и отдельно меннонитской, территориальной единицы, субъекта.

В них не производится сравнительный анализ и синтез с другими этническими группами, неразрывно связанных и проживающих на одной территории губернии, уезда, колонии, глубокий процесс интеграции, пространственно-статистические анализы по классификации народов, входивших в состав немецких колонистов, которые имели каждый свои особенности и историческое прошлое, повлиявшие на развитие культуры и образование. Обоснованное пожелание (В. Хердт) в «10-летие конференциям

в Анапе и Москве исследователям «недостаточно замыкаться внутри рамок истории российских немцев, необходимо сравнивать эту историю с историей других народов России и СССР, выявляя общее и особенное в их развитии, тогда становится понятной и осмысленной государственная политика по национальному вопросу, проводимая на различных этапах исторического развития страны» [1].

Отдельным фактором человеческой деятельности рассматривается правовое положение и социально-экономический статус народных земских учителей Пермской губернии в начале XX в. (Н.М. Ушакова), что дает основание воспринимать учительство как относительно самостоятельную социальную группу, занимающую промежуточное место в сословной иерархии царской России. Земский учитель считался чиновником, но не состоявшим на государственной службе, поэтому получить этот чин мог только через 12 лет службы. Социально-экономический статус учителя представлялся его материальным положением, которое характеризовалось, прежде всего, учительским жалованием [2, с. 63–71].

Если рассматривать школьных учителей «В кадровом обеспечении модернизации образования» (Н.В. Попкова), то в Федеральной программе развития образования справедливо указывается, что «улучшение материального положения и повышение социального статуса работников образования является одной из приоритетных задач образовательной политики и, необходимым условием модернизации системы образования России» [3, с. 163–170], т.е. реформы в образовании с середины XIX — начала XX в. и модернизация образования начала XXI вв. ориентированы на те же задачи.

Другой важный фактор деятельности в школьном просвещении образованность учащихся, в данном случае имеется в виду уровень знаний и степень владения грамотой для дальнейшего образования или применение в служебной деятельности.

На основании статистических данных по результатам обучения в Камышинском уезде 1915 г. где из 675 учащихся земских школ поступали на службу лишь — 40%, продолжали образование — 18%, оставались дома — 7,8% и только 30% могли окончить школу и 22% воспользоваться знаниями и полученной грамотой в характеристике земской школы (А.Н. Волконская) [4]. Освещается «формальный подход к обучению, стремление к механическому накоплению знаний» и утверждение, что это приводило к невозможности практического применения и было причиной «массового выбывания».

В противодействие вывода в «Начальной пореформенной школе» (Е.К. Сысоева) «3-х летнего и тем более 5-ти летнего курса обучения достаточно для выработки у детей устойчивых навыков в письме, чтении для сознательной передачи своих мыслей, способностей к дальнейшему самообразованию» [5, с. 168]. С учетом подписей одних и тех же свидетелей, например, в обрядности бракосочетания в немецких селениях Камышинского уезда

в 1910 г. у 5-ти брачных пар подписи свидетелей Георга Фриккель и Георга Франк, свидетель у 3-х пар — Киндсфатер можно утверждать, что не только ввиду авторитетности прихожан, но и отсутствие «устойчивых навыков в письме» [6]. В исследовании метрических книг о рождении колонистов евангелическо-лютеранского исповедания селений Саратовской губернии 1863—1917 гг. подпись свидетелей таинства крещения обозначена крестом или буквами «п», «к» [7] и редкие подписи крестьян в экономических книгах и документации сельских советов и исполкомов селений Камышинского уезда Саратовской губернии 1917—1929 гг. показали, что разрыв между грамотным и неграмотным населением данных периодов был велик. В сравнение в православных метрических книгах о рождении селений Камышинского уезда 1868—1914 гг. подписи свидетелей полностью отсутствуют, еврейских частных метрических книгах о рождении г. Саратова 1902 г. в обрядностях только подпись раввина. Таким образом, % грамотности населения XIX — начала XX в. можно считать условным.

В работе «Система организации работы общеобразовательных учебных заведений в XIX-начала XX века» (И.В. Фомичев) приводится объяснительная записка к учебному плану гимназии 1871 г. о том, что «следует отказаться от мысли научить учеников говорить и писать по-французски, по-немецки, что совершенно невозможным в гимназии» [8, с. 36—37]. То же высказывание в «Школьных реформах» 1902 г. (А.Образцов) о недостатках гимназического образования «имеется ввиду только гимназия, а потому относительно к ней все погрешности среднего образования, которые не дают своим воспитанникам общего развития, препятствуют самостоятельной мысли и работе и учение приобретает характер отбывания повинности, зубрения и погоней за дипломами и правами, утрачивая свое образовательное и воспитательное значение, не владеют родным языком, ни знанием новых языков» [9, с. 18], в причину указывается отсутствию решений педагогических проблем и отношение к ним Министерства народного просвещения.

Если рассматривать период 1906—1917 гг. на примере Камышинской Алексеевской женской гимназии Саратовской губернии по годовой успеваемости общеобразовательных предметов, то из общего числа учениц — 1.912 среди 99-ти евангелическо-лютеранского исповедания средняя оценка по французскому языку колеблется — 3/4, немецкому — 4/5, те же показатели учениц старообрядческого, православного и иудейского исповеданий, нельзя исключить и пропущенные дни в течение учебного года от 38 до 180 на каждую ученицу [10, с. 1—239]

При поступлении в подготовительный класс Саратовской 1-ой мужской гимназии за 1910—1911 гг. учащиеся тех же исповеданий имели такие же показатели по иностранному языку [11]. Самое низкое по оценочному определению знание русского языка учащимися евангелическо-лютеранского исповедания — 3/2, при поступлении в подготовительный класс чаще всего — 2, остальные ис-

поведания — 3. Таким образом, знание языков, определенных по оценкам учащихся начальных и средних учебных заведений было низким.

В этот период выросла активность общественного движения в России в динамике подачи «Земских ходатайств как источника по истории школы и общественно-педагогического движения в России второй половины XIX — начала XX веков» по вопросу начального народного образования в уездах от 34 до 78 ходатайств в период 1905—1908 гг. Активность зависела от числа либерально настроенных гласных и от количества гласных от крестьян, но не замечено влияние на активность выборных, например, от немецких колоний (И.Ю. Маклакова) [12, с. 247].

Уровень активности крестьян показателен в анализе этнических и социальных характеристик поселян-собственников лютеранского населения Камышинского уезда Саратовской губернии на начало XX в., в которых отражены организационные способности и хозяйственно-материальная направленность в стремлении к конкурентноспособности в экономическом развитии Саратовской губернии (Б.И. Предигер) [13, с. 40—42; с. 172—182]. В вопросе о менонитской общине переселенцев Томской губернии (И.В. Нам) так же, подчеркивается активность поселян в крестьянском труде: проведении опытов в полеводстве, огородничестве, скотоводстве, укреплялись на земле, не ссылаясь на тяжелые климатические условия [14, с. 17—30]. По данному вопросу можно привести и выдержку из инструкции евангелического общества по опеке поселенцев от 1908 г. (А. Айсфельд), что поволжские немцы по пригодности среди всех российских немцев, пригодны прежде всего, в качестве сельскохозяйственных рабочих, рабочая сила для промышленников и ремесел [15, с. 183—195], поэтому отсутствие ожидаемой активности в общественном движении по вопросам народного образования можно рассматривать и по причине хозяйственного уклада как приоритетного для крестьянина.

В сознании наиболее просветительной части немецкого населения укреплялась мысль о необходимости получения основательных знаний в связи с формированием в гражданском обществе нового коммуникативного пространства и это стало определяющим фактором в отношении просвещения своих детей. Общества колонистов поселян-собственников активно включались в просветительную деятельность, расширяя сеть образовательных учреждений начальных народных и частных. Например, за период 1908—1909 гг. по Царицынскому уезду Саратовской губернии общее число начальных училищ в немецких колониях выросло от 73 до 77, собственных училищ — 55, частных от 18 до 22. Кроме того, в номинациях расходов на содержание начальных училищ от госказначейства, земских, общественных и сословных сборов, городских и частных пожертвований и оплата за обучение к концу 1908 г. по каждой номинации увеличились почти в 2.800 руб. [16]

В сообщении Энгельского краеведческого музея о колонистах Покровской слободы в 1850 г. отмечалось, что из 9.676 жителей слободы было лишь 19 колонистов, но тем не менее, это не помешало им открыть свою лютеранскую школу, существовавшую на средства колонистов из Саратова династии Зейфертов; об интеграции основной массы колонистов в экономическую и общественно-политическую жизнь Покровской слободы с высокой степенью адаптации [17].

Инициатива создания сети разных типов церковно-приходских школ и школ грамоты, например, для корейцев на русском Дальнем Востоке принадлежала самим корейцам с полным содержанием на средства общества (школьное строительство, учебные пособия, школьная мебель), желая закрепиться навсегда в данном регионе в перспективе на дальнейшую карьеру для мальчиков (Хон Чжон Сук). Понимали, что для этого необходимо знание русского языка, который можно изучать только в школах. С начала XX в. в школах обучались мальчики и девочки, в ряде случаев обучались вместе с русскими детьми, в школах преподавали русские и корейские учителя. Автор заключает, что успешность в результатах школьного образования связана с совпадением интересов Российской империи (распространение православия и охрана границ) и облегчение процесса интеграции для выгодной карьеры [18, с. 14–24].

В материалах I Всероссийского съезда по народному образованию (декабрь 1913 г. январь 1914 г.) (М.О. Чеков) «частные учебные заведения в Казанском учебном округе продолжают расти», в связи с чем, потребность в учительском персонале выросла и «попечитель вынужден просить дирекцию народных училищ при ходатайстве о разрешении открытия частных учебных заведений обязывать учредителей иметь для учебного заведения своих преподавателей, не рассчитывая на учителей (ц) правительственных учебных заведений» [19, с. 98]. Таким образом, стремление к образованию двух народов данного периода равных в освоении территориального пространства посредством крестьянского труда, имели одну цель — занять определенное место в обществе через образовательную деятельность и знание русского языка.

Если при анализе отношения депутатов Государственной думы к «немецкому» вопросу 1906–1917 гг. указывается на «основные рычаги воздействия на российских немцев» в период языковой и этнической ассимиляции, не имевшая массовый характер (С.В. Баах) [20, с. 22], то при развитии детских коммунистических организаций (В. Деннингхаус), например, пионерской в национальных областях на территории РСФСР и союзных республик в 1920-ые годы среди немецких детей так же, не получило широкого распространения на примере пяти немецких районов Украины и в целом по СССР. Влияние немецкого духовенства на детей и подростков, деятельность детских «нелегальных» религиозных организаций, можно воспринимать как резонанс на антирелигиозную пропаганду ЦК РЛКСМ (Центральный Комитет Российской Ленинский

Коммунистический Союз Молодежи) и «пережиткам, традициям, обычаям и нравам» [21, с. 92–113]

В первом случае, проблемы языковой ассимиляции в отсутствии подготовки учителей для немецких школ и учебных пособий, во втором — оплаты работы пионервожатых, районных организаторов пионерского движения, не подготовленность литературы по пионерской тематике на немецком языке, т.е. не была разработана единая система пионерского движения в национальных областях, что в обоих представленных случаях требовало материально-финансовых затрат и большей заинтересованности государства.

Отсутствие специальной системы образования и воспитания для нацменьшинств Российской империи послужило причиной возникновения и рассмотрения данных вопросов. В причину можно вменить одну «из специфических черт российской цивилизации превалирование политических сил над социально-экономическими и общественно-культурными» (Л.Ю. Зайцева) [22, с. 145–153].

Образование немецких детей всецело зависело от обществ поселян-собственников, религиозных и социальных групп.

В сообщении о немцах Среднего Поволжья (Н.В. Овсянникова) характеризуется протестантская группа менонитов, как замкнутая социальная система (язык, образование, уровень социально-экономического развития, особенность этнического сознания), устойчивость к ассимиляции, подчеркивается популярность религиозного образования [23, с. 1–24].

Немецкие и менонитские колонии к началу XX в. имели хорошую систему начального и среднего образования (С.И. Бобылева). Вместе с церковными учреждениями они стали влиятельными центрами развития духовной жизни колонистов. К началу XX в. в южной России существовало 835 колоний, к 1914 г. — 21 центральное училище с 2.219 учащимися, 94 классных женских училища, женская гимназия, 2 коммерческих училища, 2 торговых школы, земледельческое 6-ти классное училище, 3 училища для глухонемых, содержащиеся на средства колонистов. Субсидии от земств не имели большого значения. Последующие политические события позволили сделать вывод, что политика царизма данного периода нарушила принципы частной собственности и её незаконное отчуждение, неуважение к собственному законодательству, отсутствие равноправия языков и культур [24, с. 1–24].

Образовательная, духовная и попечительская деятельности немецких обществ регионов России были направлены на сохранение этноса.

Основные выводы и заключения исследователей по школьному образованию российских немцев определены на основании сравнительно-исторического и сравнительно-сопоставительного методов, применение логического анализа в оценочно-статистических результатах, использование приемов доказательности, основанных на фактических и архивных данных, прогнозирование конкретных перспектив развития образования и культуры российских немцев.

Литература:

1. В. Хердт. Ключевые проблемы истории Российских немцев //10 лет конференциям в Анапе и Москве: вопросы, ответы, перспективы. М. 2003.с. 543.
2. Н.В. Ушакова. Положение земских учителей Пермской губернии в начале XX в.//Положение и борьба трудящихся Урала XVIII-начала XXв. Свердловск. 1986.с. 63–71.
3. Н.В. Попкова. Кадровое обеспечение модернизации образования //Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов. 2011.с. 163–170
4. А.Н. Волконская. Земские школы Саратовской губернии (1890–1911гг.). Саратов. 1999. с. 31.
5. Е.К. Сысоева. Общеобразовательная школа в России в условиях модернизации нач. XXв.//Вестник Московского университета,серия 8. История. М.2010.с. 63. с. 168
6. ГУ «ГАВО» г. Волгоград. ф.166.оп.1.ед.хр.7. Список оглашения обрученных браком, сочетавшихся в с. Вершинка (Кауц) Олешинской волости Камышинского уезда, Саратовской губ. 1903–1910гг.
7. ГУ «ГАВО» г. Волгоград. ф.339.оп.112.ед.хр.65.л.169. Евангелическо-лютеранская церковь. Метрическая книга о смерти Евангелическо-лютеранского вероисповедания с. Линево – Озеро, Гуссенбах Медведицкой волости Аткарского уезда, Саратовской губ.1902–1908 гг.
8. И.В. Фомичев. Развитие общеобразовательной школы в России до 1917 г. Воронеж.1996. с. 36–37.
9. А. Образцов. Школьная реформа. С-П. 1902 .с. 18.
10. ГУ «ГАВО» г. Волгоград. ф.304.оп.1. ед.хр.14. 239л. Приемная книга гимназии (книга учета сдачи вступительных экзаменов) за 1908–1917гг. Камышинской Алексеевской женской гимназии Камышинского уездного инспектора учебных заведений Саратовской губернии.
11. ОГУ «ГАСО» г. Саратов. ф.248. оп.1.дело 703.с. 42. Сведения об учениках Саратовской 1-ой мужской гимназии за 1910–1911 учебный год.
12. И.Ю. Маклакова. Земские ходатайства как источник по истории школы и общественно-педагогического движения в России второй половины XIX – начала XX веков (по материалам ЦГИА СССР). //Народное образование и педагогическая мысль России кануна и начала империализма. М. 1980. с. 247.
13. И.Б. Предигер. Анализ этнических и социальных характеристик поселян-собственников лютеранского населения Саратовской губернии второй половины XIX – начала XX вв. (по материалам метрических книг и губернского статистического комитета) // Объединенный научный журнал. №1–2. Москва. 2011.с. 40–42. Лютеранство в социально-экономическом пространстве Саратовской губернии второй половины XIX – начала XX вв.// Гуманизация социально-экономических отношений в современном обществе. Новосибирск. 2010. с. 172–182.
14. И.В. Нам. Немецкая диаспора //Немцы России и СССР 1901–1941 гг. Материалы международной конференции. с. 17–30
15. А. Айсфельд. Положение колонистов Поволжья в политике Германского рейха во время Первой мировой войны //Российские немцы на Дону, Кавказе и Волге. Материал Российско-Германской научной конференции. М., 1995. с. 183–195.
16. ОГУ «ГАСО» г. Саратов. ф.13.оп.1.ед.хр.3277. 23л. Отчет о числе начальных училищ и частных учебных заведений по Царицынскому уезду. 1908.
17. Сообщения Энгельского краеведческого музея. Проблемы культурологи и региональной истории. сб.науч.тр. вып.6. Саратов. 2004. с. 198.
18. Хон Чжон Сук. Корейская церковная школа на русском Дальнем Востоке в конце XIX-начале XXв. //Вестник Московского университета. Серия История. №2. Москва. 2009. с. 14–24.
19. М.О. Чеков. Частные школы Поволжья во второй половине XIX – начале XX века. Самара-Москва.1999.с. 98.
20. С.В. Баах. Немецкий вопрос в Государственной думе (1906–1917гг.). Автореферат. дис. на соиск. уч. степ. к.и.н. Омск. 2002.с. 22.
21. В. Деннингхаус. «Азбука коммунизма»: к истории развития детского коммунистического движения в национальных областях и регионах СССР в 1920-ые гг.//Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов. 2011.с. 92–113.
22. Л.Ю. Зайцева. Концепция цикличности Российской истории //Актуальные проблемы Российской цивилизации и методики преподавания истории. Саратов. 2011. с. 145–153.
23. Н.В. Овсянникова. Немцы Среднего Поволжья (1764 – первая половина 1941 гг.) Ав.07.00.02-отечественная истории. Самара. 2003. с. 1–24
24. С.И. Бобылева. Система образования немецких колоний нач.XXв. и «ликвидационные» законы (на материалах южных губерний России).Немцы России и СССР: 1901–1941 гг. М.: Готика. 2000. с. 1–24

Сельский сход как орган управления Дирического союза XVIII – перв. пол. XIX в.

Улчибеков Эдуард Улчибекович, соискатель
Дагестанский государственный педагогический университет

«Чтобы община обрела действительное существование, свободные собственники земли должны сходиться на собрание», — писал К. Маркс [14, с. 470]. Наиболее важным, так сказать, высшим органом власти сельской общины союза Дириче было сельское собрание (сход), в котором участвовали все совершеннолетние мужчины общества [6].

Известно, что в Дагестане в XVIII — перв. пол. XIX в. имелось до 15 более или менее крупных феодальных владений и более 80 различных по своему политическому положению союзов сельских обществ. В Табасаране имелись два феодальных владения: майсумство и кадийство и 9 союзов сельских обществ, одним из которых был Дирический союз, в состав которого входили такие села как Кандик, Цудук, Хив, Лака, Хоредж, Чувек, Арчуг.

Таким образом, союз сельских обществ — «это особый тип территориально-этнических, общественно-политических и хозяйственных структур, — пишет М.Р. Гасанов, — появление которых было обусловлено рядом причин и, прежде всего, изменениями, происшедшими в социально-экономическом и политическом развитии общин» [6].

В рассматриваемое время сельские общества союза в административно-политическом плане представляли собой сложную картину. Все общества союза находились в составе майсумства, но они управлялись администрацией главного селения. Сельские общества юридически независимого союза, нередко все же находились в некой зависимости по отношению друг от друга. В этом контексте следует, вероятно, подчеркнуть и тот факт, что население подавляющего большинства селений часто на известных условиях пользовалось покровительством другого отдельно взятого селения. Нередко такое селение обязывалось в случае военных действий участвовать в них на стороне союза или феодального владения. Таковым в союзе Дириче было селение Хив, в котором кавха вместе со старшинами остальных сел собирал народ, для участия в военных действиях в составе майсумства. Зависимость формально свободного населения сельского общества могла проявляться и в форме использования им угодий феодала на тех или иных условиях.

Как известно, вместе с возникновением сельских общин появляются и соответствующие формы управления ими. Как писал Кушнер (Кнышев) П.: «С появлением в составе общинных хозяйств чужих родов, прежняя форма управления общиной становится несовместимой с новым хозяйственным укладом. Создается новая общинная администрация, не родовая, а сельская — сельские старшины, сельские собрания, сельские сходы, которые или уничтожают родовое представительство, или существуют помимо него [10, с. 213].

В любом случае каждая сельская община располагала своими органами управления, главным из которых был сельский сход. Как правило, административно-должностными лицами сельских общин выступали старшины селений, а также их помощники — мангуши. Такая же картина наблюдалась и во многих других союзах сельских общин Дагестана [6].

На этих сходах решались различные вопросы, касающиеся всего джамаата, всех или большинства семей: земельные споры, взаимоотношения с другими, соседними джамаатами, отношения между отдельными тухумами внутри села, выборы старшины, и других должностных лиц джамаата, условия сдачи общинных и вакуфных земель в аренду, строительство и ремонт мостов, дорог, оросительных каналов и других общественных работ. Здесь же оговаривали сроки начала и завершения сельскохозяйственных работ, условия найма общественных пастухов и чабанов и т.д. Мы полагаем, что большинство перечисленных вопросов и многие другие дела обсуждались и решались старейшинами селения, которые выносили на сход только некоторые, жизненно требующие немедленного разрешения вопросы. Созывалось такое собрание старшинами селения, по их распоряжению об этом жителей селения оповещал мангуш (глашатай).

«В каждом селении был кевха, — указывает архивный источник, — который избирался из известного тухума; обязанность его заключалась в судебном разбирательстве маловажных дел» [16]. Так, в селении Хив кевха наследственно избирался из тухума «Сейдар», а в селении Кандик — из тухума «Аксакаляр» [17; 15]. Старшина села Хив пользовался особым предпочтением, который решал дела безапелляционно. Если спор возникал между жителями разных селений, то этот спор разбирали старшины тех селений, к которым принадлежали тяжущиеся.

Собрания происходили в определенных местах, освященных обычаями. Ковалевский М.М. отмечал, что сельский сход собирался на одном и том же месте, возле мечети или в окрестностях главного поселения [9, с. 76]. Они имели свое особое правление и собирались каждой весной, часто 2—3 раза в год, в местности Джагань для решения важных вопросов [8, с. 115]. Как пишут исследователи: у магалов горного Табасарана (в том числе Дириче — Э.У.) есть свои самостоятельные места сельских сходов [2; 6]. Так, в селении Хив и по сей день сохранилась площадка, где собирались на сход [16]. В остальных обществах союза они проходили прямо на годекане — «гюм'ин» [15].

Вопрос считался решенным, если за него проголосовало большинство присутствующих. Голосование как таковое проводилось не всегда, а в тех несчастных случаях, когда собравшиеся не приходили к единому мнению. Со-

бренный нами полевой материал в обществах изучаемого союза подтверждают, что до голосования дело доходило редко, решение принималось одобрительными возгласами [15]. Раз уже решение было принято, оно становилось обязательным к исполнению или к сведению всех членов общества, обретая статус закона и силу обычая.

Положение Б.Г. Алиева, согласно которому в некоторых частях Дагестана членами сельского схода имели право быть мужчины «с 18–25 и даже с 25 и 40 лет» [3, с. 312]. Собранные наши полевые материалы в 2010–2011 гг. в Хивском районе, по рассматриваемому союзу не подтверждают это. Право голоса имели мужчины, достигшие 15-летнего возраста.

Согласно традиции женщины в сельском сходе не участвовали. Если решаемый на сходе вопрос лично касался женщины, за нее здесь выступал муж, отец, брат, близкий родственник. Тем не менее, исключения из общего правила могли быть, в тех случаях, например, если рассматриваемый вопрос для семьи был очень важен, а хозяина дома, главы семьи, в селении на данный момент не было. Видимо, до усиления позиций ислама, распространения шариата женщина в Дагестане пользовалась большей общественной свободой, самостоятельностью.

Участие в работе сельского схода рассматривалось не только как право, но и как обязанность. «Если кто по вызову сельского исполнителя не придет на годекан, то с него взыскивается штраф в размере одного саха зерна» [1, с. 76]. Хотя сам штраф был небольшим, но объявление порицания, само наложение штрафа было чувствительным моральным наказанием.

Хотя внешне решение сельского схода принималось большинством, чаще всего побеждало мнение сельской имущей и административной верхушки [7, с. 88]. Мнение, принятое на сходе, могло иметь формальный характер, оно могло быть выражено и проведено заинтересованными людьми. Многочисленные богатые тухумы, состоятельный человек, еще и занимающий административную должность, всегда проводили то решение, которое им было выгодно, но оно выражалось обычно в завуалированной форме [5].

Относительно Кюринского округа в документе второй половины XIX в. мы читаем: «Дела (на сельском сходе — авт.) решались большинством голосов, но по большей степени случалось так, что сильные тухумы брали вверх» [11, с. 43]. Поэтому, надо полагать, М.М. Ковалевский писал о том, что «в Дагестане деятельное участие в вечевых собраниях отнюдь не было предоставлено народу» [9]. «Даже в случае равенства голосов (на сходе — авт.) перевес всегда бывал на стороне этих владетельных и влиятельных членов джамаата, — отмечает Б.Г. Алиев. — Как не могло быть схода, созванного без согласия старшин и

кадия, так не могло быть и решения без этих же первенствующих лиц джамаата» [4, с. 248].

Сельский сход фактически был средством проведения в жизнь интересов богатой сельской верхушки. Действительная сущность схода, принципы, которыми руководились при обсуждении и принятия решений на нем, определялись всегда общественно-политическим и социально-экономическим состоянием общества. Часть населения сосредоточила в своих руках большое количество скота и земли, другая часть, была лишена их, поэтому многие вопросы, рассматриваемые сельским сходом, практически не касались бедных. И мнение богатого имело решающее значение и «слабому тухуму пощады не было» [18].

Сельский сход играл важную роль в традиционном общественном быте дерчинцев не только в силу практической значимости результатов его деятельности. Сход был и формой приобщения широких слоев узденства к общественной деятельности, спланировал коллектив, формировал у рядовых членов общины чувство сопричастности ко всему, что делается не только его семье и в семье ближайших родственников, но и в целом в общине, в селении, в джамаате. Решая проблемы хозяйственно-экономического, административного, политического характера, касающиеся чаще всего всех членов общества, сельский сход не оставался безразличным и к вопросам морального, нравственно-этического содержания. Сельский сход был той инстанцией, тем институтом, который строго следил за соблюдением поведенческих норм, принятых в обществе, более того, многие основы, точки отсчета морально-этических норм на протяжении веков формировались и «оттачивались», «шлифовались» изменялись на сельском сходе. К участникам схода предъявлялись определенные нормы поведения: взыскиваться по старшинству, спокойно, без ярких эмоций, кратко и по сути, держаться достоинством, никого в то же время морально не ущемляя. Такие же требования предъявлялись к участникам схода и у других народов Дагестана [12, с. 126].

Таким образом, сельский сход, как верховный орган правления в общине, представлял собой институт, призванный решать важнейшие вопросы жизнедеятельности сельского общества, касающиеся основ внутренних правовых, семейных, имущественных отношений, а также особенностей взаимоотношений общины с другими административными, социальными единицами — общинами, союзами общин, феодальными образованиями. Функционирование общины на демократических, «народовластных» началах в ходе социально-экономического развития общества подвергалось изменениям, связанным с углублением процесса феодализации и управленческой верхушки и имущественного расслоения узденства.

Литература:

1. Адаты келебских селений // Памятники обычного права Дагестана. XVII — XIX вв. Архивные материалы. М., 1965. С. 76.

2. Алимова Б.М. Табасаранцы. XIX — начало XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 1999.
3. Алиев Б.Г. Традиционные институты управления и власти Дагестана XVIII — первая половина XIX вв. Махачкала, 2006. С. 312.
4. Алиев Б.Г. Союзы сельских общин Дагестана в XVIII — первая половина XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). — Махачкала: Издат-во тип. ДНЦ РАН, 1999. С. 248.
5. Булатов А.Г., Исламмагомедов А.И., Мазанаев Ш.А. Агулы в XIX — начале XX вв. Историко-этнографическое исследование. Махачкала, 2008.
6. Гасанов М.Р. Очерки истории Табасарана. Махачкала, 1994.
7. Ихилов М.М. Народности лезгинской группы. Махачкала, 1967. С. 88.
8. Колоколов П.Ф. Описание Табасарана. 1831 г. // ИГЭД, 1958, с. 115.
9. Ковалевский М.М. Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Т. 1. С. 76.
10. Кушнер (Кнышев) П. Очерки развития общественных форм. М., 1927. 7-е изд. С. 213.
11. Кюринский округ (Бывшее Кюринское ханство) // Памятники обычного права Дагестана. XVII — XIX вв.: Архивные материалы. М., 1965. С. 43.
12. Лугуев С.А. Культура поведения и этикет дагестанцев. XIX — начало XX вв. Махачкала, 2006. С. 126.
13. Магомедов Р.М. Общественно-экономический и политический строй Дагестана в XVIII — в нач. XIX вв. Махачкала, 1957.
14. Маркс К. Формы, предшествующие капиталистическому производству // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2. Т. 46. Ч. 1. С. 470.
15. Полевой материал, собранный в Хивском районе РД, в 2010—2011.
16. ЦГА РД. Ф. 150. Оп. 1. Д. 4-б. Л. 88.
17. ЦГА РД. Ф. 90. Оп. 2. Д. 24. Л. 68.
18. ЦГИА РГ. Ф. 416. Оп. 4. Д. 17. Л. 2.

Деятельность уполномоченного совета по делам Русской Православной Церкви Калининской области в период Великой Отечественной Войны

Федорова Зинаида Андреевна, аспирант
Тверской государственной университет

Проанализирована деятельность уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви (Совета по делам религий) на территории Калининской области в период Великой Отечественной войны (ВОВ). На базе архивных материалов исследована благотворительная деятельность Русской Православной церкви (РПЦ) в 1941—1945-е гг.

Ключевые слова: Калининская область, Русская Православная церковь (РПЦ), Совет по делам религий, государственно-церковные взаимоотношения, открытие церквей, благотворительность, Великая Отечественная война (ВОВ).

В современной исторической науке одним из актуальных вопросов стало изучение деятельности Совета по делам РПЦ (Совета по делам религий) и его региональных уполномоченных. Привлечение регионального материала способствует воссозданию объективной картины политики государства по отношению к РПЦ в годы ВОВ. Потребность в подобного рода исследованиях обусловлена, прежде всего, тем, что Русская Православная церковь с недавних пор принимает активное участие в развитии российского общества. Церковь сегодня определяет не только свое место и роль в сложившихся социально-исторических политических условиях, но и предлагает российскому обществу свое видение политического устройства страны в соответствии с религиозными нормами православия.

С 1943 г. советская власть осознала необходимость нормализации взаимоотношений с церковью, и проводила курс на частичное восстановление традиционных форм церковной жизни. 14 сентября 1943 г. советской властью был создан орган, который занимался осуществлением новой политики в отношении церкви — Совет по делам Русской Православной церкви при СНК СССР. 7 октября 1943 г. было утверждено «Положение о Совете по делам Русской православной церкви при СНК СССР», в котором описывались полномочия Совета. В его ведение входило предварительное рассмотрение церковных вопросов, разработка проектов законодательных актов и постановлений по делам церкви, наблюдение за их правильным и своевременным проведением в жизнь, своевременное информирование правительства о поло-

жении РПЦ в стране, ее положении и деятельности на местах, общий учет церквей и составление статистических сводок. Первым председателем Совета по делам РПЦ был назначен Георгий Григорьевич Карпов, 45-летний кадровый сотрудник НКГБ СССР в звании полковника [1, с. 45]. И.В. Сталин предостерег Г.Г. Карпова от того, чтобы представлять себя обер-прокурором Синода, и рекомендовал своей деятельностью больше подчеркивать самостоятельность церкви. Со стороны правительства деятельность Совета в 1943–1945 гг. курировал заместитель Председателя СНК СССР В.М. Молотов. Он рассматривал предоставляемые Г.Г. Карповым доклады, отчеты, письма итоговые записки. Решения в большинстве случаев принимались при личной встрече, однако И.В. Сталин в первые годы существования Совета лично рассматривал церковные вопросы.

На местах при СНК союзных и автономных республик и при обл (край) исполкомах осенью 1943 г. были введены должности уполномоченных Совета по делам РПЦ. В целом по стране процесс создания института уполномоченных затянулся вплоть до середины 1944 г. Уполномоченные назначались решениями местных органов власти и утверждались на бюро областных, краевых, республиканских комитетов партии. Совет согласовывал кандидатуры, но на практике, это было лишь формальностью, окончательное решение оставалось за председателем облисполкома. Права и обязанности, уполномоченных Совета по делам РПЦ подробно регламентировались инструкцией, принятой 5 февраля 1944 г. В соответствии с инструкцией на уполномоченных Совета возлагалось:

1. Предварительное рассмотрение поступающих от групп верующих заявлений об открытии церквей или молитвенных домов, проведение соответствующей проверки и представление заключения.
2. Регистрация религиозных общин.
3. Проведение учета всех действующих молитвенных зданий (храмов).
4. Наблюдение за правильным и своевременным проведением в жизнь законов и постановлений правительства СССР, относящихся к РПЦ; за деятельностью религиозных общин и служителей культов, которая должна строго регламентироваться целями, как-то: совершением богослужений в культовом здании, отправлением религиозных обрядов и треб, управлением культовым имуществом.
5. Проведение служебного приема представителей религиозных общин и духовенства по рассмотрению жалоб. Выезды на места для обследования церковных зданий и культового имущества, для проверки жалоб и др.
6. Предварительное рассмотрение материалов по закрытию и ликвидации религиозных общин при нарушении ими действующего законодательства о религиозных культурах.
7. Ведение учета и отчетности [2, с. 48].

Уполномоченный являлся ключевой фигурой в процессе взаимодействия советских органов и православных

организаций по всем направлениям: финансовым и хозяйственным, административным и идеологическим.

В Калининской области, как и в других областях в конце 1943 г. при Облисполкоме была введена новая должность — уполномоченный Совета по делам РПЦ по Калининской области. Распоряжением Облисполкома уполномоченным по Калининской области был назначен Василий Иванович Хевронов. С самого начала В.А. Хевронов зарекомендовал себя ревностным проводником идей «советской законности» по отношению к церкви. Как следует из первых его отчетов перед Советом и секретарем Обкома ВКП (б), целью своей деятельности он считал максимальное уменьшение религиозного влияния на население области.

Русская православная церковь заняла четкую патриотическую позицию с первых дней Великой Отечественной войны. 22 июня 1941 г. Патриарший местоблюститель митрополит Сергей выступил с обращением «Пастырям Христовой Православной церкви». Митрополит Сергей призывал народ защищать Родину с оружием в руках и принять посильное участие в сборе средств в фонд обороны. О том, что этот призыв нашел широкий отклик, свидетельствуют многочисленные документы Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР. Приведем некоторые из них.

Из докладной записки о материальном выражении патриотической деятельности Русской Православной церкви в Калининской области уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР по Калининской области В.И. Хевронова, адресованной председателю Совета по делам Русской Православной церкви при СНК СССР Г.Г. Карпову следует, что на оборону страны верующие Калининской области с 22 июня 1941 г. по 1 июля 1944 г. собрали 447 697 рублей деньгами и 500 рублей продуктами и различными предметами. Также были собраны средства на подарки Красной армии в размере 50 000 рублей, оказана материальная помощь детям и детским учреждениям 3 000 рублей, семьям Красных воинов 2 300 рублей, на другие патриотические цели прихожане собрали 684 425 рублей. Таким образом, на территории Калининской области верующие всего собрали 1 187 922 рублей [3, л. 14].

Однако Уполномоченный Совета по делам Русской Православной церкви по Калининской области В.И. Хевронов сообщил Г.Г. Карпову в докладе от 8 июля 1944 г. о некоторых упущениях в сборе пожертвований: «...Из бесед со служителями культа и председателями церковных Советов выяснил, что средства, сданные на оборону страны и др. патриотические цели, собирались среди верующих во время церковных служб (тарелочный сбор), специальных сборов для этой цели почти не проводилось. Объясняется это тем, что руководители исполнительных органов церковных общин не имели инструктажа о своих обязанностях...». «Сам архиепископ Василий Калининский в беседе со мной заявил, что без указаний патриарха дать установку служителям культа организовать в дни пасхальной

службы сбор средств на оборону страны он не может» [4, л. 12.]. В силу изложенных причин взносы на оборону страны и др. патриотические цели не имели системы, а носили единичные случаи. Подписка на заем общинами верующих и служителями культа проходила наиболее активно. Большую работу в этой области провели сельские Советы.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР Калининской области В.И. Хевронов докладывает секретарю калининского обкома ВКП (б) товарищу И.П. Бойцеву о деятельности РПЦ на территории области. По данным В.И. Хевронова, всего на 20-е апреля 1944 г. по районам и городам области 64 действующие церкви, 507 недействующих, а 305 используются под культурно-хозяйственные цели и 202 церкви пустуют. С января по апрель 1944 г. поступило около 500 заявлений об открытии 106 церквей. После рассмотрения части заявлений по 33 церквям заявления отклонены, только по 14 церквям документация была отправлена в Совет по делам РПЦ при СНК СССР.

Из отчетов В.И. Хевронова следует, что заявления поступают от жителей, где церкви пустуют или здания используются не по назначению, т.е. не под культурные учреждения. Например, жители села Рождествено, Оршинского района указывают на то, что церковь используется не по назначению и ремонта в здании не проводят, «... райкомбинат из железной крыши делает ведра, разбираются стены здания, колокольня превращена в уборную...» [5, л. 7]. Исполком Нерльского райсовета широко практикует продажу церковных зданий. За 5 лет с 1939 по 1944 г. продано 7 зданий и 3 переданы на снос [6, л. 8].

Верующие обосновывают свое желание об открытии церквей по нескольким направлениям, чаще всего это необходимость поддержки морального состояния в условиях военного времени с помощью религии. В заявлениях также подчеркивается необходимость открытия церквей для сбора средств в фонд обороны страны, были и такие кто желал возобновить деятельность церквей для личной наживы. Прежде всего, это бывшие церковные старосты, которые без разрешения органов советской власти избирали при недействующих церквях двадцатки и советы, далее выезжавшие в советские органы с прошениями об открытии церквей и молитвенных домов [7, л. 1].

Случалась фальсификация при сборе подписей в заявлении об открытии церкви, например, «бывшая монашка Николаева из деревни Гороцен Козловского района и старик Соболев написали протокол от якобы состоявшегося собрания верующих об открытии церкви» [8, л. 1], ходили по домам и собирали подписи даже у несовершеннолетних лиц. Под протоколом произведены подписи фамилий, владельцы, которых об этом не знали и не желали открытия церкви. Гражданин Борин из села Болонино Овинищевского района организовал церковную двадчатку и ходатайствовал об открытии церкви, но ему отказали, по причине того, что есть церковь в 5 км от села, которая, по мнению советской власти, удовлетворяет потребности верующих.

Особая активность об открытии церквей имела место перед религиозным праздником Пасха, особенно в Каменском, Бологовском, Новокарьельском, Спиловском, Волоцком, Кушалинском, Максатихинском, Кесовогорском районах. Посещаемость в ночь на 16 апреля (время пасхальной службы) в сельской местности в среднем 750–1000 человек на церковь, а в городе 1500–2000 человек. По возрастному составу церковь посещают 25% молодежи, которая быстро разошлась по домам, 25% средний возраст, остальные старики. По большинству церквей служба сопровождалась сбором средств на оборону страны, например, в Кимрском районе для раненых в госпиталь прихожане собирали яйца и масло, в Калининском районе собрали пожертвований на 17 845 рублей. В некоторых церквях зачитывались проповеди о благодарности Богу, также были и проповеди, в которых звучал призыв любви к Родине, помощи Красной армии. Верующие в Спиловском и Брусовском районах молились у разрушенных церквей, и пели Христос Воскрес.

В.И. Хевронов отмечает, что активность по ходатайствам после 16 апреля 1944 г. не снизилась. Верующие не понимали, почему не разрешают открытие церквей, объясняя это нежеланием руководителей районных органов пойти им на встречу [9, л.2].

25 апреля 1944 г. В.И. Хевронов получил инструктивное письмо № 2. от председателя Совета по делам РПЦ при СНК СССР Г.Г. Карпова, в котором говорится о незаконных действиях со стороны духовенства и приходских советов на территории всей страны. Например, в городах Ставрополь, Краснодар, Ярославль, Ростов на Дону существуют «черные кассы взаимопомощи». Вещи и деньги собранные на оборону страны и помощь Красной армии раздаются отдельным гражданам по усмотрению руководителей церковных общин, по мнению Г.Г. Карпова, церковь это делает для того, чтобы распространить еще большее влияние на массы. Ставропольский архиепископ Антоний (Романовский) объявил о создании богословских курсов для подготовки духовенства без разрешения советской власти [10, л. 4].

Исследователями справедливо замечалось, что благотворительная деятельность Русской Православной церкви в годы Великой Отечественной войны носила противоречивый характер. Конкретная помощь нуждающимся официально оставалась под запретом и после начала войны. Приходам разрешалось перечислять деньги только в общие фонды [11, с. 126].

Г.Г. Карпов в своем инструктивном письме отмечает, что имеют место быть и неправильные действия Райисполкомов и Сельсоветов либо это оскорбление религиозных чувств или привлечение представителей церкви к делам советской власти. При отклонении ходатайств допускались неправильные формулировки мотивов отклонений [12, л.4]. Законными мотивами для отклонения ходатайства верующих об открытии церкви следует считать: отсутствие зданий, невозможность освобождения зданий используемых под культурные нужды, фальсификация в

заявлении об открытии церкви при сборе подписей, количество верующих должно составлять не менее 20 человек.

Уполномоченный Совета по делам РПЦ при СНК СССР Калининской области В.И. Хевронов докладывает секретарю калининского обкома ВКП (б) товарищу И.П. Бойцеву о состоянии, положении и деятельности РПЦ по Калининской области на 1-е августа 1944 г. Согласно отчету, имеется 81 действующая церковь на территории Калининской области, 23 действующие с дореволюционного времени, с 1917 по 1941 г. были открыты 2 церкви. В ходе Вов было открыто 56 церквей, 11 в период немецкой оккупации и 11 по решению Совета по делам РПЦ при СНК СССР.

В районах, где нет близко действующих церквей, отмечались случаи церковной службы в домах верующих и кладбищах духовенством, не состоящим на регистрации в Исполкоме Облсовета. Больше всего церквей на 1-е августа 1944 г. в Кашинском — 9, Овинищенском — 8 и Молоковском — 5 районах. В Максатихинском, Удомельском и Новоторжском районах служители культа проводили свою деятельность без ограничений, ходя с молебнами в дома верующих, организовывали крестные ходы. В 28 районах действующих церквей и молитвенных домов не имелось [13, л. 6].

Всему имуществу церквей была дана оценка. В 25 церквях проведена регистрация церковных общин, их исполнительных органов, ревизионных комиссий и служителей культа. Были и те, кто остались не довольны регистрацией, например, «Священник церкви с. Елинец, Невельского района Милославский заявил, что при немцах не было ни исполнительных органов, ни ревкомиссий, всем руководил священник» [14, л. 6]. По мнению В.И. Хевро-

нова, ряд крестьян работали в церквях только из-за нежелания вступать в колхоз и погоней за легким заработком. Необходимо отметить, что встречались и случаи подкупа служителями культа уполномоченного Совета по делам РПЦ при СНК СССР Калининской области В.И. Хевронова, так А.И. Херасков и И.И. Пономарев перевели по телеграфу 2 000 рублей за положительный ответ на прошение по открытию церкви [15, л. 7].

Законодательством о культах 1929 г. благотворительная деятельность религиозных организаций в СССР была запрещена. Однако в годы Великой Отечественной войны государство было вынуждено прибегнуть к политике двойных стандартов. Не изменяя действующих законодательных норм, власти получали значительную материальную помощь от церкви и верующих в виде взносов на «патриотические» нужды. Жители Калининской области также приняли активное участие в сборе средств в фонд обороны страны, что подтверждается размером собранных денежных средств — 1 187 922 рублей.

Поток поступающих заявлений верующих с ходатайствами об открытии храмов, а также и выезды в Исполком Облсовета представителей верующих позволяют сделать вывод, о том, что количество действующих церквей спроса верующих не удовлетворяло. Все здания недействующих храмов находились под наблюдением верующих и в каждом случае переоборудования этих зданий, частичный или полный разбор вызывали организованные протесты. Также большая часть жалоб поступала по проблеме пренебрежительного отношения к использованию церковных зданий, особенно райпромкомбинатами и артелями промкооперации. На Пасху и великие праздники «незаконная» религиозная активность резко увеличивалась.

Литература:

1. Гераськин Ю.В. Возникновение и становление института уполномоченного Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР // Известия Алтайского государственного университета. Серия «История и политология». 2008. № 4—4. С. 45—51.
2. Церемпилова И.С., Злыгостева Ю.Г. Деятельность уполномоченных Совета по делам Русской православной церкви (Совета по делам религий) в 1940-х—1980-х гг. (на примере Байкальского региона) // Власть. 2010. N 10. С. 47—50.
3. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 22.
4. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 22.
5. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
6. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
7. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
8. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
9. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
10. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
11. Шкаровский М.В. РПЦ при Сталине и Хрущеве: Государственно-церковные отношения в СССР в 1939—1964 годах. М., 1999. 400 с.
12. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
13. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
14. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.
15. ГАТО. Ф. Р-2723. Оп. 1. Д. 2.

Суждения и мнения В.С. Соловьева о русском обществе

Цивелев Андрей Алексеевич, соискатель

Новосибирский государственный педагогический университет

Основу исторических построений Владимира Соловьева составляют преимущественно работы 1870-х годов. Эти сочинения проникнуты чистейшим идеализмом, и процесс развития общества описан в них как сугубо духовный, вне связи с практическими проблемами современности. Сердцевиной же философских воззрений Соловьева является его произведение «Философские начала цельного знания» (1877). В этом сочинении он пишет, что мир и любая его часть устроены таким образом, что в них различаются три состояния — безличная воля (или просто сила, потенция), конкретное словесное выражение этой воли (идея) и, наконец, ее воплощение. На уровне глобального устройства мира это деление выглядит так: сущее (Бог, безличная божественная воля), понятийное выражение сущего в виде сущности (идея) и воплощение божественной воли в бытии (природа). Эти три составляющие мироздания, по Соловьеву, в свою очередь также имеют соответствующее деление:

Сущее — Бог, Сущность — идея, Бытие — природа,

Дух — Благо — Воля

Ум — Истина — Представление

Душа — Красота — Чувство

На основе этой схемы Владимир Соловьев в работе «Чтения о богочеловечестве» (1880) изложил свои метафизические взгляды, предвещающие более поздние его воззрения. По мысли Соловьева, мир есть проявление божественной воли, где все воплощает собой ту или иную идею Бога. И несовершенство мира в том, что каждая сущность (идея), получившая от Бога бытие, не обладает его всеединой волей, а только волей собственной. Таким образом, все эти сущности есть отдельные души. В идеале же они должны соединиться и стать Софией — мировой душой, которая тоже является божественной ипостасью, конечным выражением Бога. «... Стремление божественного начала к воплощению идеи, — пишет философ, — делается его стремлением к соединению с мировой душой, как обладающею материалом для такого воплощения, и, в свою очередь, стремление мировой души к реализации единства в ее материальных элементах становится стремлением к божественному началу, как содержащему абсолютную форму (время и пространство. — О.С.) для этого единства» [1]. Таким образом, Соловьев называет три ипостаси Бога — дух как абсолютная потенция, идея (Логос, или Слово) и душа. В соответствии с этим понимается и христианский символ Троицы: Бог — отец — безличная божественная воля, Бог-сын — ее выражение и Святой Дух — мировая душа. Каково же место и значение человека в этой системе?

«В человеке, — пишет Соловьев, — мировая душа впервые внутренне соединяется с божественным Логосом в сознании как чистой форме всеединства. ...Все

остальные существа... имеют в себе лишь одно начало природное, материальное, божественная же идея есть для них лишь... внешняя форма бытия, которой они подлежат по естественной необходимости, но которую... не сознают...» [2]

Таким образом, человек, по В.С. Соловьеву, — венец мироздания, а значит с появлением человека развитие мироздания неразрывно связано с человеческой историей. И ее смысл, по мнению философа, заключается в обожествлении человека и человечества. Обожествление отдельно взятого человека Владимир Соловьев описывает с помощью теории познания. В человеческом познании он также видит три составляющие — волю, представление и чувство. Человеческое сознание, согласно его построениям, обладает некой безличной волей, силой, направленной на представление о любом предмете, а эмоциональная реакция на это представление есть чувство. Все три этапа — одновременные процессы, все три понятия неразрывны в реальном мышлении. Свою гносеологию Соловьев назвал органической логикой и подробно изложил ее в уже упомянутой работе «Философские начала цельного знания» [3]. Органической эта логика названа им потому, что все звенья в цепи рассуждения имеют в своей основе именно волю как жизненное начало. И воля эта всеедина. Человеческая воля — часть общей божественной воли, которую Соловьев еще именует положительным ничто. Таким образом, все человеческое бытие, трактуемое с помощью названных трех понятий, есть воплощение Бога, или истинно-сущего.

Что же касается обожествления на метафизическом уровне, т.е. на уровне всего человечества, то, по мысли Соловьева, оно не может произойти в одном акте божественного творчества. Непременным условием обожествления материи является свобода, а само соединение божественного и материального происходит следующим образом [4]. Согласно теории развития В.С. Соловьева, можно выделить три основных этапа развития любого организма: его зачаток, в котором все органы и качества в начале не выражены и слишком подавлены единством; их обособление, доходящее до отрицания целого; а затем — сознательное воссоединение, поскольку вне целого существование развитых уже форм невозможно и бессмысленно. Иными словами, человек как часть (как отдельный орган) всего мирового организма в ходе абсолютно свободного развития должен, пройдя естественные этапы заблуждения и отрицания своей принадлежности к целому, в конце концов, признать свою неотделимость от всего существующего на свете и добровольно стать конечным воплощением Бога, т.е. слиться с его душой. И все люди в конечном итоге должны соединиться, как должны соединиться все идеи. В этом, по В.С. Соловьеву, состоит про-

гресс общества. В соответствии с таким пониманием мыслитель намечает основные этапы человеческой истории.

Начальный этап наиболее подробно описан философом в статье «Мифологический процесс в древнем язычестве» (1873) [5]. Первое, к чему обратился человек, была природа. Со временем последовало ее отрицание. К человеку пришло смутное ощущение существования чего-то более совершенного. Но поскольку он не знал еще ничего кроме природы, то ее отрицание означало отрицание всего вообще, безразличие ко всем вещам и явлениям. Единственным выходом было погружение в нирвану — в небытие. Эту стадию ярче всего выразил буддизм.

Прежде чем подойти к изложению кульминационного момента человеческой истории по В.С. Соловьеву — рождению христианства — следует добавить, что постепенно, по мысли философа, произошло разделение мира на Восток и Запад (т.е. Восточную и Западную культуры). Восток был хранителем божественного идеала (единства), но без попытки реализовать его в действительность, а Запад же, всегда слишком озабоченный практической деятельностью, сеял рознь. На Востоке «...и в общественной жизни, и в мышлении, и в искусстве все служило божеству, силы же чисто человеческие имели вполне подчиненное и пассивное значение» [7]; восточный человек всегда искал истинного Бога. Сначала в буддизме человек в своем искании пришел «к признанию истинного Божества как чистой, ото всего отрешенной бесконечности» [8]. Индийский гений, признав неконечность земного мира, противопоставил ему сверхсущую истину, хотя еще и в качестве небытия. Затем зендская (древнеиранская) религия в отличие от безличных богов буддизма разделила божества на добрых и злых (Ормузд и Ариман), но борьба между ними не касалась людей. Египетская религия пошла к прославлению жизни и поэтому была обеспокоена поисками вечной жизни, но эта жизнь понималась ею только как материальная (отсюда и бальзамирование трупов), а о нравственном совершенствовании человека в соответствии с высшими идеалами речь не шла [9].

Что касается Запада, то уже эллинская культура была обращена к человеческому началу как основному источнику духовности. Ее поэзия возвеличивала человека, а философия — свободную деятельность человеческого ума. Но греческое искусство только украшало жизнь, не изменяя ее. Реальная жизнь Древней Греции представляла собой постоянные раздоры между городами и внутри самих республик. Платон создавал утопии, Аристотель же приводил в систему и узаконивал существующие формы отношений, в том числе и рабство. «На смену человеку-художнику и человеку-мыслителю должен был прийти человек крепкой воли и практического разума» [10]. И наследницей греческой культуры в дохристианском мире стала культура Древнего Рима. «Человеческая воля (свобода), — писал В.С. Соловьев, — как начало права — вот идея Рима. Закон жизни — в воле человека. Но чтобы быть законом, эта воля должна быть одна...» [11] Поэтому в поисках совершенного человека Запад обогот-

ворил кесаря. Однако свобода, избавленная от внешних стеснений, обернулась безумием, что и показало правление наделенных неограниченной властью римских императоров.

С течением времени Запад пришел к выводу, что совершенным человек может быть только в соединении с Богом, а Восток — что совершенное Божество, открывшееся ему лишь в состоянии отрешенности, может обнаружить свое совершенство в совершенном человеке. И такой человек явился. Христианство, пишет Соловьев, как откровение Бога в человеке «есть узел всемирной истории», потому что во Христе нашли себя и Восток, и Запад. С рождением христианства произошло слияние западной и восточной культур. Объединение человечества состоялось как внешне — во всемирной империи, так и внутренне — во вселенской церкви. И затем внешняя сфера жизни (гражданское общество), принимая христианскую веру, поставила себя в зависимость от внутренней — от Церкви. Но идеал Церкви, воплощенный в Богочеловеке, Им одним только и осуществлен был полностью, и исторической задачей Церкви становилось соединение божественного и человеческого начал. Вот тут и проявилось все различие Востока и Запада. Необходимое равновесие божественного и человеческого начал для установления на земле подлинной христианской жизни Востоком было нарушено в сторону одного, Западом — другого.

Восток, приняв богочеловечность Христа, не смог понять необходимости осуществления этого идеала во всей Церкви, видел в первую очередь только божественное. Отсюда и такой его интерес к догматике как неподвижному божественному основанию Церкви. В практической же жизни, однако, это основание не только не было реализовано, но возобладавшая с разделением Римской империи в ее восточной части светская власть утверждала совершенно не христианские законы в быту (имеется ввиду кодекс Юстиниана, составленный на основе языческого древнеримского права). Этим объясняется и популярность ислама как религии, близкой к христианству в понимании Бога, но не претендующей на уподобление Богу человека. В результате Византия потеряла свою, по сути, нехристианскую государственность и Восточная церковь, подчинившись османам, стала даже более самостоятельной, чем при императорах. Привязанность Востока к догматике и преданию послужила и одной из причин разделения церквей — неприятию католических обрядов, которые противоречили не столько установленным общехристианским канонам, сколько местным обычаям Восточной кафедры. Следование местным обычаям привело затем и к межнациональной вражде внутри самой этой кафедры. Что касается собственно разрыва Восточной и Западной церквей, то, по В.С. Соловьеву, он не был результатом каких-то мелких разногласий. Главная беда заключалась не в том, что «христианский Восток был слишком созерцателен, а Запад слишком практичен», а в том, что «у них обоих было недостаточно христианской любви» для понимания и принятия друг друга.

Человеческое, материальное начало, которое олицетворяет западная культура в целом, писал В.С. Соловьев, проявилось не только в характере древнеримской и древнегреческой культур, в деятельности Римской церкви, но и в бурном обособлении различных сторон жизни в Западной Европе, начиная со средневековья [11]. Обособление это проходило во всех трех названных сферах — практической, в сфере знания и в сфере творчества. Рассмотрим сначала сферу практической деятельности. Во-первых, здесь с падением Западной Римской Империи Римская церковь оказалась отделенной от государства, т.е. от Восточной Римской Империи. Затем началась борьба Папы с германскими племенами, а позднее — с возникшими у них государствами. В результате, государства, враждующие с Римом, создали послушную себе Церковь — протестантскую. Затем последовало отделение от государства его экономической опоры — третьего сословия, в результате чего совершилась Французская революция, произошли другие подобные события, и возникла парламентская форма правления. Эти изменения имели место, в том числе и по причине движения за индивидуализм как свободное развитие личности, но привели только к «обезличению и опощлению», уничтожив религиозные и рыцарские идеалы прошлого. В итоге единственным идеалом Западного общества сделался капитал. А он принадлежал небольшому классу — буржуа, тогда как труд был уделом рабочих. И социалистические идеалы предполагали, чтобы тот, кто трудится, обладал и капиталом, т.е. чтобы общественные отношения определялись экономическими. Теория цельной жизни Соловьева показывает, почему ее автор был против. В «Чтениях о богочеловечестве» философ четко сформулировал свою мысль: социализм требует свободы, равенства и братства, но они не могут быть достигнуты на основе экономической свободы, равенства и братства. Ответ на вопрос о цели человеческой жизни лежит вообще не в плоскости практической деятельности, а в сфере религиозной.

С этих же позиций Соловьев критиковал Запад и в сфере знания. Поскольку теология там покушалась выйти за пределы своей компетентности, от нее отделились философия и наука (окончательно — в XVII веке). Затем произошло еще более чудовищное разделение — разделение натурального знания на рационалистическое и эмпирическое. Апогеем рационализма стала философия Гегеля, а абсолютизацией эмпиризма — позитивизм (ему в практической сфере соответствовал социализм), тоже претендовавший на господство в сфере знания. Позитивизм как современное Соловьеву явление подвергся с его стороны особой критике, так как не мог дать ответа на вопрос о цели человеческой жизни, изучая только явления, а не их причины и сущность [4].

Что касается творчества, писал Владимир Соловьев, то в средние века на Западе все было проникнуто мистикой, в эпоху Возрождения на первый план выдвинулись изысканные искусства (сначала ваяние и живопись, затем му-

зыка и поэзия), а в XIX веке господствовало искусство техническое, утилитарное.

Таким образом, в соответствии с теорией развития В.С. Соловьева Западное общество находилось на втором этапе, характеризующем человеческое начало, с его бурным отделением, доходящим до отрицания целостности. Запад утверждал безбожного человека, там везде господствовал эгоистический интерес. «Крайняя напряженность личного сознания, — пишет Соловьев, — не находя себе соответствующего предмета, переходит в пустой и мелкий эгоизм, который всех уравнивает» [5]. Повышенное внимание к случайному факту, мелкой подробности говорит об атомизме в жизни, науке, искусстве. Восток же, по мысли философа, находится на первом этапе, где отрицается самостоятельность человека и утверждается бесчеловечный Бог. Вывод, сделанный автором — нужна третья сила, которая дала бы человеческому развитию смысл, стала бы посредником между человечеством и сверхчеловеческой действительностью. Такую силу Соловьев увидел в русском народе.

И вот здесь обнаружилась утопичность взглядов философа. Хотя о России он говорит не иначе как о благотворной третьей силе, при столкновении с реальными проблемами его стройная схема развития общества предстает как отдаленная цель, а на первый план в качестве ближайшей задачи выходит борьба с национализмом в стране.

Взгляды В.С. Соловьева на национальный вопрос есть продолжение его общих представлений о прогрессе. В работе «Философские начала цельного знания» и в статье «Три силы» он пишет о мессианском предназначении России в деле обожествления человечества. Философ, как уже было сказано, увидел в ней третью силу, которая согласно его теории развития должна была внести последний вклад в прогресс, т.е. заново соединить все части некоего организма уже как развитые формы. Основные взгляды Соловьева по этой проблеме представлены в сборнике его статей «Национальный вопрос в России» [7].

Открывает сборник статья «Нравственность и политика. Исторические обязанности России», в которой акцент сделан на национальности и национализме. Что такое национализм? — спрашивает Соловьев. И отвечает: это когда каждый народ имеет «свою собственную политику, цель которой — соблюдать исключительные интересы этого отдельного народа или государства» [8]. По мысли Соловьева, это происходит от великого заблуждения — разделения нравственности и политики. Но исторический рост, по мнению автора, заключается как раз в ограничении этого разделения, «в постепенном возведении человечества к высшему образцу правды и любви», т.е. христианскому образцу. И христианство упраздняет именно национализм, а не национальность. Национальность, или народность, есть положительная сила, и народы каждый по особому служат целому телу человечества как различные органы. Отказываясь исключительно от национализма, народ только тогда и приступает к осуществлению своей исторической задачи,

которая соединяет его с другими народами в общем все-ленском деле. Христианские принципы, пишет философ, должны быть единственными принципами политической деятельности.

На этой основе Владимир Соловьев приходит к выводу, что Россия должна ближайшей своей целью видеть соединение православной церкви с католической, осознать свое мессианское предназначение соединить божественное и человеческое (т.е. Восток и Запад), и только достижению этой цели должна способствовать ее политика [9]. России необходимо так поступать и в силу ее особой религиозности, и потому, что так должно действовать любое христианское государство. Первое, что нужно для этого сделать, — это вступить в открытую полемику с Римом для решения спорных религиозных вопросов, мешающих воссоединению. Такая точка зрения вызвала недовольство многих. Между В.С. Соловьевым, с одной стороны, и известным славянофилом И.С. Аксаковым и религиозным консерватором А.А. Киреевым, с другой, развернулась полемика [2]. Далее, бросая взгляд на отечественную историю, В.С. Соловьев утверждал, что все лучшие ее страницы связаны с отречением от национального эгоизма и следованием христианскому принципу открытости, со смелостью принимать иностранное для своего совершенствования. Обскурантизм и замкнутость, ярче всего проявившиеся в допетровской России XVII в. и которых не лишена была Русская Православная церковь, он назвал тормозящими факторами развития [2]. Их носителем в истории русской мысли стали, по мнению Соловьева, славянофилы 1840–1850-х годов и их преемники, воспринявшие только эту часть их идей [2].

На основе своих общих историософских взглядов Владимир Соловьев составил собственное мнение о том, как правильно должно развиваться общество, каким путем ему необходимо следовать. Что же, по мнению философа, мешало России следовать этим путем? Автор пришел к выводу, что причина была всегда одна и та же, но имеющая в разное время разные лики. Замкнутость и обскурантизм Московской Руси, национализм эпохи Александра III. А по сути, отступление от Бога.

Как соотносились общественные взгляды Соловьева с современными ему настроениями и с положениями его историософии в целом? Вообще, то, за что он ратовал — борьба против религиозной (православной) и национальной нетерпимости, элементов замкнутости и обскурантизма России — было прогрессивно. Однако, как и у большинства российских мыслителей, точка зрения Соловьева не имела конкретного и развернутого историко-политического обоснования. Обоснование ее было совершенно иным.

Владимира Соловьева нельзя отнести ни к какому политическому течению. Если он и выступал против национализма и религиозной нетерпимости, то по своим собственным, отличным от других причинам. Именно поэтому, несмотря на определенное сходство, Соловьева нельзя

отнести к либеральному западничеству. Обоснованием его общественной позиции служила разработанная им теория прогресса.

Согласно историософским воззрениям Соловьева, его взгляд на историю и современное ему российское общество должен был быть логическим продолжением его представлений о вершине развития человечества. Но вышло то, что к концу 1890-х годов философ коренным образом изменил свое мнение. Вместо того, чтобы развернуть свой тезис относительно мессианской роли России, Соловьев пишет обличительное произведение, которое в большей степени посвящает не тому, почему именно России принадлежит мессианская роль, а тому, каким образом она ей не соответствует и насколько вообще Россию можно считать христианским государством, не говоря уже о богочеловеческом. Обратив пристальный взгляд на современную ему эпоху и проблемы своего отечества, Владимир Соловьев увидел массу несоответствий своим воззрениям. Попытавшись решить противоречия и отстоять выработанную им точку зрения, он увяз в полемике с оппонентами, а в ходе этой полемики обнаружил определенные изъяны и собственных взглядов, и собственной личности (хотя эти недостатки делаются ему вполне очевидными только к концу 1890-х годов, когда он сам напишет о себе). Так что вопрос о том, как образом будет проходить третий, завершающий этап развития — осуществление идеи богочеловечества, — остался у автора нерешенным.

Итак, Владимир Соловьев не разработал до конца вопрос о третьем этапе развития человеческого общества. Но именно потому, что он не смог завершить свою теорию, его нельзя обвинить в голом рационализме и безбожии. Можно лишь проследить тенденцию к этому. Понимая, что абсолютизация разума пагубна, он полагал, что в определенных пределах последний все же необходим. Не только в теории, но и на личном опыте философ пытался соединить этот разум с верой. Но органичным такое соединение быть не могло. И именно это нашло свое отражение в «Трех разговорах».

«Три разговора» — это критика роста рациональных настроений и появляющихся как их следствие благ. Философ верно почувствовал, какая опасность таится в подобном росте, и критика рационализма в целом сплелась у него с критикой собственных воззрений. Смысл и повествование «Трех разговоров» как бы двойственны. В предисловии автор подчеркивает, что главному персонажу каждого из разговоров он симпатизирует лишь отчасти. В.С. Соловьев, а за ним и читатель одобряют точку зрения генерала в первом разговоре. Сам порыв вступить с оружием в руках за незаслуженно обиженных справедлив. Справедливо и то, что если допустимо решать проблемы без оружия, как это показано во втором разговоре, то и так можно послужить христианской идее. Беда заключается в том, что все это, в сущности, рациональные меры, и на деле они приводят скорее к торжеству разума над непросвещенностью, не-

жели действительно к вере. Пусть таким образом мир сможет объединиться и исчезнут всякие предрассудки, осуществления идеи богочеловечества все же не произойдет. Допустим, что Владимир Соловьев в «Трех разговорах» просто просчитал сценарий абсолютного развития идей, поскольку за такой абсолют он радел всю жизнь. И вот идеи объединились, прогресс наступил, но оказалось, что он ничем не отличается от прогресса в позитивистском его понимании. Диалектика идеи, скажем больше — диалектика человеческого начала, человека в том и состоит, что последний живет одновременно верой и разумом. Они в нем переплетаются, но не сплавляются при этом во что-то третье.

Соответственно при объединении всех идей эта раздвоенность остается. Более того, в «Трех разговорах» В.С.

Соловьев ясно проводит мысль, что при скоплении или абсолютном развитии идей укрепляется или объединяется как рациональная сторона жизни вообще, так и религиозная. Силы поляризуются. С одной стороны, силы Демурга (т.е. разум, пусть и заботящийся о благе) настолько проникают во всякую внешнюю жизнь, что это приводит к появлению антихриста как высшего их выражения [7], но с другой — это же помогает и обличить дьявольское начало в обществе, взбунтоваться началу религиозному, непримиримо столкнуться божественному и дьявольскому.

Мы не знаем, дойдет ли до такого конца усиление рации в нашей жизни. Но то, что это усиление происходит, что жизнь становится все более искусственной, или рациональной, несомненно. Владимир Соловьев почувствовал это уже столетие назад.

Литература:

1. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 136.
2. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. С. 139–140.
3. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2.
4. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 1.
5. Соловьев В.С. Собр. соч.: В 12 т. СПб., 1908. Т. 1.
6. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т. 2. с. 76–149.
7. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. Философские начала цельного знания. Гл. 1. Общественно-историческое введение (о законе исторического развития).
8. Критика и Гегеля, и позитивистов подробно осуществлена Вл. Соловьевым в его философских работах. Здесь нет необходимости и возможности кратко пересказывать ее.
9. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т. 2. С. 202.
10. Наиболее полно утопические взгляды В.С. Соловьева представлены в его работе «Духовные основы жизни» (СПб., 1890).
11. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Правда, 1989. Т.1 с. 259–639.
12. Соловьев В.С. Сочинения: В 2 т. М.: Мысль, 1988. Т.2. С. 635–762.

События русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в воспоминаниях художника В.В. Верещагина

Цыганов Александр Валерьевич, студент
Тверской государственной университет

Интерес к российско-славянской «взаимности» был традиционной чертой общественной мысли в России. Особенно заметно внимание российского общества к положению славян, населявших христианские провинции Османской империи в Европе, проявилось и нарастало в середине XVIII–XIX вв., что объясняется чередой русско-турецких войн. Между тем знания о славянах в России были весьма скудны и недостоверны, при этом одним из наименее известных славянских народов долгое время оставались болгары. Интерес к ним усилился в ходе русско-турецких войн 1806–1812 и 1828–1829 гг., когда русским войскам приходилось вести военные действия на болгарской территории, и русские солдаты и офицеры по-

лучили возможность соприкоснуться с этим балканским народом.

Отражением возросшего интереса к болгарам стало более громкое звучание болгарской темы в научных трудах, на страницах печати. Сведения о современных болгарях содержались уже в «Истории Российской В.Н.Татищева [1, с. 330–334]. В XIX в. увидели свет специальные исследования, посвященные не только болгарской истории и культуре, но и современному положению болгар, это труды К.Ф.Калайдовича [2], Ю.И.Венелина [3].

Особое внимание читателей привлекали свидетельства очевидцев. С начала XIX в. стали публиковаться путевые записки, дневники и воспоминания россиян, с теми или

иными целями побывавших в болгарских землях, к примеру, записки советника российского посольства в Константинополе П.А.Левашова, взятого в плен в ходе русско-турецкой войны 1768–1774 гг. [4]. В таких периодических изданиях, как «Военный журнал», «Русский вестник», «Вестник Европы» появлялись материалы личного происхождения, в которых приводились сведения о прошлом и настоящем болгарского народа.

События, которые развернулись на Балканах с начала 70-х гг. XIX в. (речь идет о жестоком подавлении турками Апрельского восстания 1876 г. и начале репрессий над болгарскими, а также о последовавшей вслед за этим сербско-турецкой войне), вызвали горячее сочувствие россиян к положению братьев-славян «под турками». Создавались Славянские благотворительные комитеты, собиравшие средства для помощи славянам, тысячи добровольцев отправлялись на Балканский фронт. Такое отношение общества показало необходимость скорейшего вступления России в борьбу за национальное освобождение славянских народов от гнета Османской империи.

Известие о начале войны 1877–1878 гг. было встречено с энтузиазмом большей частью россиян. В июне 1877 г. русская армия перешла Дунай и вступила на территорию северной Болгарии. Русское общество требовало достоверной информации о событиях на Балканах. Отвечая потребности больше знать о войне, ее задачах, ходе военных действий, о реакции на события болгарского населения, литература и публицистика уделяли огромное внимание этим вопросам. Российские и иностранные периодические издания отправляли своих корреспондентов на Балканы, оперативно публиковали их сообщения о самых свежих событиях, передавали их впечатления об увиденном. Особый интерес читателей вызывали Болгария и болгарский народ [5, с. 13], который впервые оказался в столь тесном и непосредственном контакте с россиянами.

О событиях русско-турецкой войны 1877–1878 гг. оставлено большое количество свидетельств самих ее участников — дневников, записок, писем, репортажей. Большинство этих работ было создано как во время самой войны, так и сразу после нее. Состав авторов весьма широк, это офицеры, священники, медики, дипломаты. Особый интерес представляют свидетельства журналистов, которые являлись не просто наблюдателями событий, разворачивающихся вокруг них, но ставили своей целью увидеть как можно больше и зафиксировать свои впечатления.

Воспоминания писателя В.А. Сологуба, который в 1877 г. находился при Главной квартире императора для составления Дневника Высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г., в виде дневниковых записей содержат анализ причин войны, сведения о боевых действиях, а также сведения бытового характера [6].

Прозаик, поэт, журналист, официальный корреспондент газеты «Правительственный вестник» В.В. Крестовский в своей книге «Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877–1878 годах» делится своими впечатле-

ниями о пребывании в Ставке Действующей армии, описывает быт и нравы болгарского населения [7].

Одним из очевидцев военных событий был адвокат публицист, военный корреспондент журнала «Вестник Европы» Е.И. Утин. По возвращении им были составлены заметки об увиденных военных операциях в Болгарии в 1877 г. [8].

События войны 1877–1878 гг. представлены и в работе поэта и журналиста В.И. Немировича-Данченко, одного из первых в России профессиональных военных корреспондентов [9]. На русско-турецкую войну 1877–1878 гг. он был отправлен корреспондентом от газеты «Новое время».

Значительным явлением как в документальном, так и в художественном смысле являются воспоминания и так называемая «Балканская серия» картин и рисунков художника В.В. Верещагина.

Василий Васильевич Верещагин родился в 1842 г., он происходил из мелкопоместной дворянской среды. Юношей в чине гардемарина он окончил Морской корпус в Петербурге, но сменил карьеру морского офицера на профессию художника, поступив в Петербургскую Академию художеств в 1860 г.

С началом войны 1877 г. В.В. Верещагин по собственной просьбе был причислен к штабу русских войск, и в апреле 1877 г. он выехал в действующую армию, где находился до окончания военных действий. В самом начале войны Верещагин был тяжело ранен. Не дождавшись выздоровления, он направляется в Плевну, где оказывается участником ее штурма. В зимние месяцы вместе с отрядом М.Д. Скобелева художник совершает переход через Балканы и участвует в решающем бою на Шипке.

В последние годы своей жизни Верещагин много путешествует. Путешествие в Японию в 1903 г. оказалось предпоследним в его жизни. Сообщение о начале русско-японской войны потрясло художника. И вновь он устремляется на фронт. 31 марта 1904 г. Верещагин погиб вместе с вице-адмиралом С.О. Макаровым, находясь на броненосце «Петропавловск», который подорвался на японской mine на рейде Порт-Артура.

Широко известный как художник, В.В. Верещагин обладал и писательским талантом. Находясь на войне, художник делал зарисовки, которые после войны превратились в картины «Перед атакой. Под Плевной», «Перевязочный пункт при Плевне», «На Шипке всё спокойно» и др. Картины художник писал в Парижской мастерской в течение 1878–1881 гг. Талант художника позволил ему ярко отобразить в этой серии все тяжести войны.

В период русско-турецкой войны 1877–1878 гг., находясь в самых горячих точках, В.В. Верещагин вел переписку с художественным и музыкальным критиком В.В. Стасовым [10], в которой делился своими впечатлениями.

Но особый интерес представляют его военные записки — «Воспоминания о русско-турецкой войне 1877» [11]. Следует отметить тот факт, что В.В. Верещагин был участником многих сражений, находясь в отряде М.Д. Скобелева не только в качестве художника, но и в каче-

стве добровольца, нередко исполняя функции офицера Генерального штаба.

Свои воспоминания о событиях на Балканах художник создал не сразу. Записи, которые художник делал на протяжении всей войны, легли в основу его воспоминаний.

Воспоминания художника были изданы в 1902 г. издательством И.Д. Сытина.

При написании данной статьи автором было использовано последнее издание воспоминаний В.В.Верещагина, вышедшее в 2007 г. под названием «Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877–1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина» [12].

Верещагин в своих воспоминаниях подробно описывал все увиденное им, с напряженным вниманием художник всматривался в окружающее, пылливо изучал войну. Его восхищало мужество и терпение русских солдат.

Верещагин побывал на всех ключевых театрах военных действий и был знаком практически со всеми главнокомандующими русской армии, со множеством офицеров и солдат. В воспоминаниях Верещагин дает их яркие, образные портретные характеристики, что является проявлением не только его наблюдательности, но и живописного дара. Так, на художника произвела впечатление внешняя красота генерала Дмитрия Ивановича Скобелева. В период боевых действий генерал каждое утро объезжал полки и здоровался с офицерами. Верещагин пишет, что генерал был «красивый, с большими голубыми глазами и рыжей бородой» [12, с. 27].

Один момент, несомненно, вызвал восторг художника — это природа Балкан. Верещагина как человека с севера очень восхитила природная красота Балкан. Из всех болгарских городов, где побывал художник, особенно ему понравился город Тырнов, где «зелень, свежесть общались всему известную прелесть» [12, с. 158].

Самые противоречивые чувства у художника в ходе войны вызвало болгарское население. Первое знакомство Верещагина с болгарским населением состоялось в городе Систов по дороге в Плевну. Настроение болгар вызвало удивление художника, поскольку болгары относились с «недоумением и непониманием ко всему творящемуся», и что особенно подмечает художник, настроения у многих болгар были протурецкими [12, с. 98].

После Плевны художник отправился на Шипку, самоотверженно удерживаемую малочисленным русским отрядом. «Не думай, пожалуйста, что мне весело здесь, — писал Верещагин жене, — я просто не хочу пропустить то, что в мою жизнь не придется более увидеть...Вчера и третьего дня я немного рисовал и ходил по госпиталям, видел ужасные перевязки...» [12, с. 10].

По дороге на Шипку Верещагин опять столкнулся с совершенно непонятной ему реакцией болгар на прибытие русской армии. Наслышанный о восторженных приемах,

художник столкнулся с очень холодным приемом у болгар: «На ночлег пускали неохотно, получить корм себе и лошади было трудновато, после долгих просьб» [18, с. 150].

И находясь под таким впечатлением от «гостеприимства» болгарского народа, Верещагин выдает совершенно ошеломляющую мысль о том, что «представление наше о положении болгар перед войной было ошибочным» [12, с. 150]. В вину он это ставит российскому образованию и российской дипломатии: «если бы в высших школах наших преподавание велось не поверхностно, шаблонно, а консульства наши, не строя из себя дипломатов, занимались собиранием сведений об экономическом положении народонаселения, то мы знали бы, что болгары живут несравненно зажиточнее русских» [12, с. 150].

Верещагин подмечает, что такое удивление высказывал не только он сам, но и солдаты русской армии, которые проходя через болгарские земли, были очень удивлены, что «всюду нашли сравнительное довольство, благосостояние и чем дальше, тем больше чистоту, порядок в домах, полные житницы, закрома, набитые всяким добром» [12, с. 155].

И чем дальше продвигалась русская армия, тем хуже становилось отношение болгар к русским. Особенно у болгар вызывало возмущение поведение русских в бытовом отношении: «Офицерские квартиры у болгар отличались безукоризненной чистотой и опрятностью — плюнуть негде, жаловались наши, через несколько часов обращались в настоящие вертепы беспорядочности и грязи, все заплывывалось, покрывалось обломками, объедками, окурками» [12, с. 155].

Не обходит вниманием Верещагин и болгарских женщин. Как иностранцу художнику было интересно сравнить болгарских женщин с русскими. Как замечает Верещагин «тип болгарских женщин нельзя назвать особенно красивым... в миловидности, нельзя отказать им, и надобно отдать честь их целомудрию, по крайней мере относительно русских» [12, с. 160].

В целом надо отметить, что воспоминания Верещагина представляют собой ценный и информативный источник о событиях на Балканах в 1877–1878 гг., особенно в сочетании с его живописными произведениями. Меткий и непредвзятый взгляд художника смог заметить много такого, что ускользнуло от других наблюдателей. Особенно интересными являются сведения Верещагина о взаимоотношениях русского и болгарского народа, которые вызвали у художника противоречивые чувства и заставили помянуть многие традиционные представления о русско-славянском взаимодействии.

В.В. Верещагин своим живописным и литературным творчеством искренне желал передать современникам и потомкам в России правду о войне такой, какой он её видел.

Литература:

1. Татищев В.Н. История Российская. Т.1. М.-Л., 1962.

2. Калайдович К.Ф. Иоанн, екзарх болгарский. СПб., 1824.
3. Венелин Ю.И. Древние и нынешние болгаре в политическом, народописном, историческом и религиозном их отношении к россиянам. М., 1829.
4. Левашов П.А. Плен и страдания россиян у турок, или обстоятельное описание бедственных приключений, претерпенных ими в Царьграде по объявлении войны и при войске, за которым владели их в своих походах. СПб., 1790.
5. Россия и Болгария. По страницам русской литературы XIX — начала XX вв. М., 2003.
6. Сологуб В.А. Дневник высочайшего пребывания императора Александра II за Дунаем в 1877 г. СПб., 1878.
7. Крестовский В.В. Двадцать месяцев в Действующей армии в 1877—1878 гг. СПб., 1879.
8. Утин Е.И. Письма из Болгарии в 1877 г. СПб., 1879.
9. Немирович-Данченко В.И. Год войны. Дневник русского корреспондента. 1877—1878 гг. В 3 тт. СПб., 1903.
10. Переписка В.В. Верещагина и В.В. Стасова. М., 1950.
11. Верещагин В.В. Воспоминания о русско-турецкой войне 1877. СПб., 1902.
12. Верещагин В.В. Скобелев. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. в воспоминаниях В.В. Верещагина. М., 2007.

5. АРХЕОЛОГИЯ

Типология кожаных и войлочных головных уборов носителей пазырыкской культуры

Головченко Николай Николаевич, студент
Алтайская государственная педагогическая академия

Костюм носителей пазырыкской культуры Алтая не раз привлекал к себе внимание исследователей [3, 5, 8, 9, 10, 13, 14]. Однако общепризнанной типологии «пазырыкских» головных уборов до сих пор не выработано [8, 10, 7, 11, 14].

Под головными уборами в контексте работы понимается определенная категория вещей, функциональное назначение которых заключается в том, чтобы защищать голову носителя в условиях непогоды или боя, служить социально-дифференцирующим маркером носящего и, возможно, его оберегом; основными элементами головного убора являются: «наголовник», «завязки», «назатыльник» и «шпиль». [4, с. 72–76].

Наголовник — основная часть головного убора, покрывающая голову носящего.

Завязки — многофункциональный элемент головного убора, представленный в виде завязок, наушников, нащечников и, возможно, подвесок, крепившихся к височным сторонам убора.

Назатыльник — элемент головного убора, закрывающий теменную область, шею и, иногда, плечи носящего.

Шпиль — коническая конструкция вершины головного убора, наличие или отсутствие которой определяет форму убора.

Мы предлагаем рассмотреть головные уборы носителей пазырыкской культуры Алтая по предложенной нами ранее схеме [4, с. 72–76]. Основными структурными элементами типологии являются: категория, группа, отдел и тип. Основной задачей типологии являлся свод в единую иерархично выстроенную систему всех известных головных уборов носителей археологических культур скифо-сакского мира.

Категория — представляет собой комплекс вещей одного назначения, в нашем случае, — все головные уборы. Категория делится на две группы.

Группа — включает в себя головные уборы, объединенные материалом изготовления: «мягкие» (кожаные, войлочные, суконные, текстильные) и металлические (шлемы) уборы. Группы подразделяются на отделы.

Отдел — объединяет головные уборы, имеющие одинаковую форму наголовников. В группе «мягких» го-

ловных уборов выделяется 3 отдела: конические, полусферические и цилиндрические уборы.

Тип — составляют уборы, объединенные устойчивым сочетанием таких признаков как «завязки» и «назатыльники». В каждом отделе 4 типа, выделяемых по возможным комбинациям признаков «завязок» и «назатыльников» (с завязками и с назатыльником, с завязками, но без назатыльника, без завязок, но с назатыльником, без завязок и без назатыльника).

Предлагаемая схема позволяет следующим образом типологизировать «пазырыкские» головные уборы.

Отдел I. Конические головные уборы.

Тип I. Уборы с завязками, но без назатыльника.

Тип представлен находками головных уборов в курганах пазырыкской культуры Алтая: кургане 1, могильника Верх-Кальджин 2, погребение мужчины; кургане 2, могильника Ак-Алаха-1, погребение ребенка; кургане 1, могильника Ак-Алаха-1, погребение девушки; кургане 3, могильника Верх-Кальджин-II, погребение мужчины; втором Пазырыкском кургане, погребение мужчины (см. рис. 1). [8, рис. 1, 2, 3, 4, 5; 9, 10 с. 87, рис. 2.58].

Аналогичные уборы встречены в могильнике Уири, Синьцзян [9, рис. 3.], на скульптурке юноши из Халчаяна

Рис. 1. Войлочный головной убор кургана I могильника Верх-Кальджин II, мужское погребение [8, рис. 1]

Рис. 2. Войлочный головной убор из кургана I
могильника Ак-Алаха II [10, с. 87, рис. 2.58]

[1, илл. 56], и на изображениях скифов-стрелков на афинских вазах V – IV вв. до н.э. [13; 14, рис. 23]

Таким образом, описанные выше головные уборы мы можем, с известной долей вероятности, признать типичными для «пазырыкского» общества. Лишь один образец, убора этого типа был зафиксирован в изображении на артефакте из материального комплекса практически не связанном с пазырыкской культурой [13; 14, рис. 23].

Тип II. Уборы без завязок, и без назатыльника.

Тип представлен находками головных уборов, в погребальных комплексах курганов №1 Ак-Алаха-3 и второго Пазырыкского (см. рис. 3) [10, с. 76, рис. 2.47 а, б.; 3, с. 31–35].

Рис. 3. Женские войлочные колпаки
[10, с. 76, рис. 2.47 а, б]

Аналогичные уборы зафиксированы в погребальных комплексах курганов (Гу-му-гоу [7, табл. I, рис. 10] и Мордивновского [14, рис. 36]); и на изображениях (на медальоне из Херсонеса [14, рис. 27], на барельефах [12, табл. I, илл. 1], на афинских вазах [1, рис. 57,58; 6, с. 187, рис. 2; 13]).

Представленный тип уборов зафиксирован практически у всех носителей археологических культур скифо-сакского мира, однако «пазырыкские» уборы имеют несколько уникальных черт. Во-первых, они имели специфическое назначение – под ними «пазырыкские» женщины носили роскошный парик. Во-вторых, они значительно выше всех своих аналогов.

Отдел II. Полусферические головные уборы.

Тип I. Уборы с завязками, но без назатыльника

Тип представлен находками уборов в курганах: третьем пазырыкском [10, с. 89, рис. 2.59 а], первом Верх-Кальджина II [10, с. 88, рис. 2.59 б.], Уландрык I [14, рис. 46.] (см. рис. 4).

Рис. 4. Войлочный головной убор. Курган I,
могильник Верх-Кальджин II. МА ИАЭТ СО РАН
[10, стр.88, рис. 2.59 б]

Обозначенные выше головные уборы мы также можем признать типичными для пазырыкцев.

Несмотря на наличие изображений цилиндрических головных уборов на коврах, обнаруженных в пазырыкских курганах, прямых свидетельств о бытовании последних в «пазырыкском» обществе у нас нет.

Таким образом, комплекс головных уборов «пазырыкцев» гармонично вписываются в систему костюма носителей археологических культур скифо-сакского мира. Что дает возможность говорить о значительном влиянии на материальную и духовную культуру носителей пазырыкской культуры Алтая, в том числе и на конструкцию и функциональное назначение их головных уборов, родственных кочевых культур.

Литература:

1. Акишев, К.А. Курган Иссык. Искусство саков Казахстана. / К.А. Акишев. – М.: Искусство, 1978. – 129 с.
2. Артамонов, М.И. Сокровища саков / М.И. Артамонов. – М.: Искусство, 1973. – 269 с.

3. Баркова, Л.Л. Войлочный колпак из второго пазырыкского кургана / Л.Л. Баркова, Е.А. Чехова // СГЭ вып. LXIV. — СПб, 2006. С. 31—35.
4. Головченко, Н.Н. К вопросу о классификации «мягких» головных уборов скифов и саков / Н.Н. Головченко // Молодой ученый. — 2011. — №5, т.2. — С. 72—76.
5. Дашковский, П.К. Семантика головных уборов «пазырыкцев» Алтая (по материалам могильника Ханкаринский дол) / П.К. Дашковский, И.А. Усова // Интеграция археологических и этнографических исследований : сборник трудов. Часть I / отв. ред. М.Л. Бережнова, С.Н. Корусенко, Р.С. Хакимов, гл. ред. Н.А. Томилов. — Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. — С. 304—307.
6. Ключко, Л.С. Костюм предскифского времени на территории современной Украины / Л.С. Ключко, З.А. Васина // *Kimmerowie, Scytowie, Sarmaci*. (Pod red. J. Chochorowskiego). — Krakow, 2004. С. 185—198.
7. Мирошина, Т.В. Некоторые типы скифских женских головных уборов IV — III вв. до н.э. / Т.В. Мирошина // СА №4, 1981. С. 46—69.
8. Полосьмак, Н.В. Воинские шлемы пазырыкцев / Н.В. Полосьмак // Итоги изучения скифской эпохи Алтая и сопредельных территорий. — Барнаул, 1998. С. 148—151.
9. Полосьмак, Н.В. Пазырыкские аналогии в могилах Синьцзяна / Н.В. Полосьмак // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. Т. IV, 1998. С. 337—343.
10. Полосьмак, Н.В. Костюм и текстиль пазырыкцев Алтая (IV — III вв. до н.э.) / Н.В. Полосьмак, Л.Л. Баркова. — Новосибирск: ИНФОЛИО, 2005. — 232 с.
11. Руденко, С.И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. / С.И. Руденко. — М.; Л.: Наука, 1953. — 354 с.
12. Руденко, С.И. Искусство Алтая и Передней Азии (середина I тысячелетия до н.э.). / С.И. Руденко. — М.: Вост. лит., 1961—67 с.
13. Яценко, С.А. Костюм Скифии в архаическое (7—6 вв. до н.э.) и «классическое» (5—4 вв. до н.э.) время: к вопросу об этнических изменениях / С.А. Яценко // Античная цивилизация и варварский мир. — Краснодар, 2000. С. 24—31.
14. Яценко, С.А. Костюм древней Евразии. Ираноязычные народы. / С.А. Яценко — М.: Вост. лит., 2006. — 664 с.

Археологические наблюдения и сборы на левом берегу Чебоксарского водохранилища

Шалахов Евгений Геннадьевич, заместитель директора по научной работе
Юринский историко-художественный музей имени Г.П. Лосева (пос. Юрино, Республика Марий Эл)

Создание собственной археологической коллекции для любого районного краеведческого музея — задача непростая, но выполнимая. Замечу, что успех в собирательской работе по археологии сопутствует тому музею, где есть сотрудник, владеющий навыками полевого исследования. Кроме того, в территориальной близости от музея должны находиться изученные специалистами памятники различных археологических эпох и культур. Наличие этих условий позволило Юринскому историко-художественному музею им. Г.П. Лосева в 2009 г. организовать полевые работы, результатом которых стал сбор подъёмного материала в разрушенной части Юринской стоянки и на объектах Сутырского археологического комплекса (см. Приложение).

Сезон полевых работ на памятниках археологии Волго-Ветлужского междуречья был начат 19 мая. Автором обследованы стоянки эпохи раннего металла на месте бывшего пос. Красный Выселок, стоянки и поселения каменного и медно-каменного веков, расположенные близ современного устья р. Ветлуги — Сутыри—

IV, Сутыри—V, Сутыри—VII. Подъёмный материал с Сутырского комплекса представлен кремневым дебетажом (отщепы, сколы) и мелкими фрагментами неолитической и энеолитической волосовской керамики. Интересная находка сделана на юго-восточной окраине Бардицкого бора, где с полотна грунтовой дороги поднят нательный крестик из цветного металла. Длина литого изделия — 4,8 см, ширина — 3,2 см, толщина — 1 мм. Крестик имеет граненое «ушко» для подвешивания. По некоторым аналогиям, находку можно датировать первой половиной XIX в. (рис. 1).

На месте несуществующей ныне русской деревни Бардицы зафиксированы многочисленные фрагменты гончарной посуды XVIII—XX вв., а в размыве берега найдена медная монета 1897 г. В ходе дальнейших полевых наблюдений и сборов, осуществленных здесь в июне—августе, на размытом берегу встречен хозяйственный инвентарь XIX—XX вв.: подкова, нож-«косарь», обломок точильного бруска и оселок из песчаника. Визуальное изучение береговых осыпей в зоне затопления Чебоксарского водох-

Рис. 1. Нательный крестик с опушки Бардицкого бора

ранилища позволило выявить в деревянном слое целый ряд объектов, связанных с хозяйственными постройками бывших крестьянских усадеб. Например, выявлены остатки столбовых ям. В центре несуществующего населённого пункта обнаружен разрушенный оползнем погреб. Стенки ямы, имевшей форму усеченного конуса, обложены половинками кирпича старой выделки.

При осмотре поверхности разрушающихся Полянских стоянок — в 40 м к востоку от базы Юринского ремонтно-эксплуатационного участка «Инженерная защита Чебоксарской ГЭС» обнаружено тесло из светлого кремня. Лезвийная (рабочая) и обушковая части рубящего орудия отсутствуют (отбиты в древности?). Спинка и брюшко тесла обработаны широкой уплощающей ретушью. Орудие имеет линзовидное сечение.

Рис. 2. Фрагмент верхней части керамического сосуда приказанской культуры (эпоха поздней бронзы). Красный Выселок

В июне на Красном Выселке под слоем XIX–XX вв. зафиксированы остатки культурного слоя эпохи поздней бронзы — в виде плотного тёмно-коричневого песка (мощность его доходит до 5 см). В нём содержались мелкие кремневые отщепы и фрагменты тонкостенных керамических сосудов с «текстильными» отпечатками. На берегу водохранилища отмечен фрагмент сосуда приказанской культуры (рис. 2).

Юринская стоянка, изученная Марийской археологической экспедицией, в сборах представлена фрагментами керамических сосудов, обломками тиглей для плавки металла (меди), а также кремневыми изделиями. В выдувах культурного слоя Юринской стоянки зафиксированы многочисленные фрагменты поздневолосовской и чирковской посуды эпохи ранней бронзы. В материалах сборов прео-

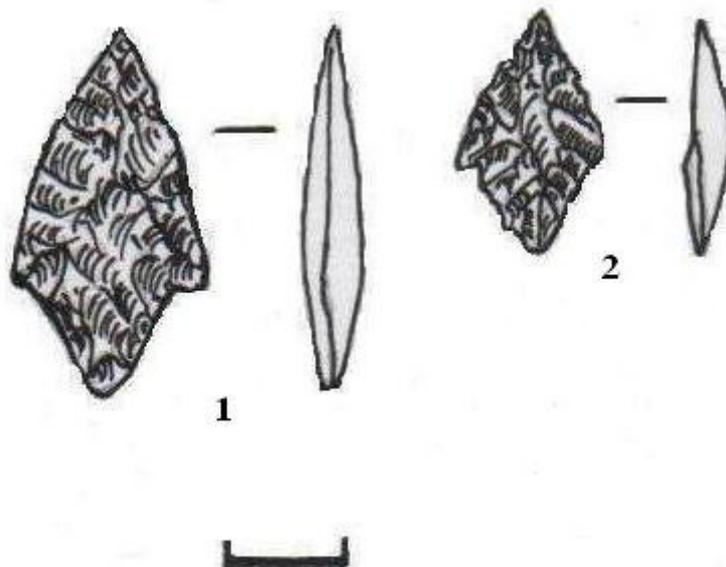

Рис. 3. Кремневые наконечники стрел. Эпоха бронзы. Юринская стоянка

бладает керамика поздневолосовского облика (до 60%). Орнаментация на стенках и венчиках сосудов выполнена оттисками зубчатого штампа и ногтевидными вдавлениями. В коллекции 2009 г. — три орудия: нож, изготовленный на плоской кремневой гальке малинового цвета, и целые наконечники стрел треугольно-черешковой формы. Последние имеют двухстороннюю обработку перьев и черешка (рис. 3). Наконечники собраны на передуттом песчаном гребне в южной части стоянки, где, по мнению Б.С. Соловьёва, могли быть постройки раннего бронзового века [1, с. 47].

Осенью регулярно обследовался Юринский могильник сейминско-турбинского типа, открытый автором в ноябре

2000 г. [2, с. 230]. В обнажениях береговой террасы — к востоку от раскопов Марийской экспедиции 2001—2006 гг., зафиксированы кремневые отщепы и обломки кремневых орудий. Бронзовых изделий в сборах нет.

Наиболее выразительные предметы из сборов 2009 г. дополнили археологическую коллекцию Юринского историко-художественного музея. Артефакты, полученные при обследовании разрушающихся Юринской и Полянских стоянок, экспонируются среди материалов стационарной выставки «Из глубины веков: археология Поволжья» (открылась в феврале 2011 г.).

Литература:

1. Соловьёв Б.С. Финал волосовских древностей и формирование чирковской культуры в Среднем Поволжье // Поздний энеолит и культуры ранней бронзы лесной полосы европейской части СССР. Йошкар-Ола, 1991.
2. Никитин В.В. Археологическая карта Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 2009.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Результаты обследования археологических памятников в 2009 г.

№ п/п	Памятник	Культурная принадлежность, археологическая эпоха	Дата обследования	Археологический материал (сборы или фиксация)
1.	Красный Выселок	энеолит — эпоха поздней бронзы	19 мая, 3 июня, 11 июня, 22 июля	мелкие фрагменты сосудов с «текстильными» отпечатками, кремневые отщепы
2.	Юринская стоянка	ранний бронзовый век	3 июня, 11 июня, 22 июля, 29 сентября	фрагменты керамических сосудов, кремневые орудия (нож, наконечники стрел) и отщепы
3.	Юринский могильник	сейминско-турбинская культура	19 мая, 11 июня, 22 июля, 16 октября, 22 октября	кремневые отщепы
4.	Полянские стоянки	мезолит — эпоха бронзы	11 июня	кремневое тесло (обломок)
5.	Сутырская I стоянка	неолит, волосовская культура	19 мая, 11 июня	фрагменты лепной керамики, кремневые отщепы
6.	Сутырское IV поселение	неолит, волосовская культура, средние века	19 мая, 11 июня	фрагменты лепной и круговой (гончарной) керамики, кремневые отщепы
7.	Сутырское V поселение	неолит, волосовская культура, средние века	19 мая, 11 июня	костные остатки животных, мелкие фрагменты керамики — лепной и круговой, кремневые изделия (отщепы)
8.	Сутырское VI поселение	неолит, волосовская культура, средние века	19 мая, 11 июня	фрагменты лепной и круговой керамики, кремневые отщепы
9.	Сутырское VII поселение	неолит	19 мая, 11 июня, 16 октября, 22 октября	кремневые орудия (нож, наконечник стрелы, скребок), отщеп со следами вторичной обработки

6. ЭТНОГРАФИЯ И ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ

Формирования донского купечества из казачьей среды

II половины XIX – начала XX вв.

(из истории российского предпринимательства)

Окопная Олеся Павловна, кандидат исторических наук, преподаватель
Ростовский государственный медицинский университет

В настоящей статье предпринята попытка анализа особенностей донского и кубанского купечества II половины XIX – начала XX вв. Уделяется внимание составу сословия и выделяются его особенности.

Изменения экономического развития страны, проходящее в 90-х гг. XX в., сделали особенно актуальным изучение развития российского капитализма. Это связано с тем, что перед обществом XXI в. встали проблемы, характерные для II половины XIX – начала XX вв.: вопрос о частной собственности, развитии крупного и мелкого предпринимательства. Понимание процессов характерных для российского капитализма невозможно без изучения основных социальных групп этой формации, в связи, с чем особую актуальность приобретает исследование купеческого сословия. Изучение купечества следует рассматривать в соответствии с социальными, экономическими и демографическими аспектами, а также необходимо показать роль купечества в культурной и общественной жизни.

С изучением капиталистического развития страны, следует выделить отдельной проблемой формирование, развитие, структуру деятельности регионального купечества. Одним из ведущих регионов страны в период II половины XIX – начала XX вв. становится Область войска Донского. Такие особенности данного региона как специфика формирования населения, его многонациональность, наличие транспортного узла, богатые природные ресурсы определили своеобразие социально-экономических процессов, протекавших на территории Области войска Донского указанного периода.

Люди, обладающие экономической властью в стране, всегда пытаются влиять на политическую жизнь государства. В конце XIX начале XX вв. представители торгово-промышленного класса России стремились стать активной политической силой. Для отстаивания собственных интересов предприниматели еще в XIX в. пыта-

лись создавать различные организации, имеющие определенный общественный вес.

Предприниматель, бизнесмен – любой человек, лично осуществляющий хозяйственную деятельность и вступающий в рыночные отношения с другими хозяйствующими субъектами исключительно по своей воле. По Владимиру Далю «Предприниматель – это предприимчивый торговец, способный к предприятиям, крупным оборотам, смелый, решительный, отважный на дела этого рода человек».

Российское дореволюционное торговое законодательство называло предпринимателя купцом. Купцом, с точки зрения торгового права, признавался тот, кто занимался производством торговых сделок в виде промысла от своего имени.

Купеческое сословие составляли люди, использующие свой капитал, свои силы и знания для становления и развития отечественной промышленности¹.

Многие черты жизни купечества отдельных регионов являются общими для купеческого сословия всей страны. Вместе с тем, трудно не согласиться с мнением исследователем В.П. Бойко о том, что у купечества отдельных регионов в период капитализма «проявлялись особенности, которые определялись историей формирования экономики края, происхождением и источниками пополнения купечества, его численностью, национальным, отраслевым и возрастным составом»².

Донское купечество состояло из местного населения (в основном из представителей казачества), пришлого (из различных губерний России), «перемещенного (армяне) и иностранцев. В формировании крупной кубанской буржуазии участвовали выходцы из Европейской России.

¹ Королева С.И. Торговое сословие России. М., 1998. – С. 4.

² Бойко В.П. Томское купечество к. XVIII–XIX вв. Из истории формирования сибирской буржуазии. Томск: Из-во «Водолей», 1996.

Необходимость в развитии «качественной» торговой деятельности понимали лучшие представители **казачьего сословия** и старались не препятствовать распространению торгового промысла.

Донской атаман М.И. Платов в н. XIX в. выделил из казачьей среды людей, занимающихся «торговым промыслом», разделив их на ряд групп:

- торговцы-казаки, доставляющие казаку-воину вещи первой необходимости;
- торговцы-казаки, занимающиеся экспортом: по Азовскому морю;
- торговцы-казаки, доставляющие с Волги лес, необходимый для строений;
- торговцы-казаки, занимающиеся исключительно рыбным промыслом и снабжающие жителей г. Черкаска и многих других станиц.

Донской атаман отмечал, что такие «торговцы-казаки» необходимы для внутреннего благосостояния региона, и состоят как из отставных казаков, так и из служивых казаков¹. Они освобождались от военной службе и платили за это 100 рублей в год (1802 г.)². Эти деньги шли на поддержание самых бедных представителей донского казачества.

В 1804 г. торговых казаков насчитывалось 300 человек. А в 1827 г. по указу царского правительства штат торговых казаков был увеличен до 500 человек³. На основании царского указа 12 сентября 1834 г. было учреждено «Донское торговое общество». Донские казаки оказались вовлечены в торгово-промышленную деятельность, которую многие из них предпочитали традиционной многовековой службе своего сословия. Накопив капитал, многие казаки записывались в Донское Торговое общество, численность которого в 1859 г. составила около 1000 человек, а в 1869 г. — 1500 человек, в 1874 г. — до 3700 человек, в 1875 г. — 3921 человек⁴.

Члены Донского торгового общества освобождались от государственной службы, получали право заниматься торговой и другой предпринимательской деятельностью, имели права беспощинной торговли по всей России. Они приобретали купеческие свидетельства, переходили в сословие купцов. Купеческое сословие полнилось торговыми казаками Парамоновыми, Кошкиными⁵, Плугатыревыми, Пастуховыми, Поповыми и другие⁶.

В 1869 г. взносы в доход Областного войска составили 57 рублей 15 копеек. Кроме того, торговые казаки платили ещё по 3 рубля за 4 торговые книги и по 3 рубля в доход Областного приказа общественного призрения. К

1875 г. общая сумма годовых взносов достигла в войсковой капитал до 255 рублей 548 копеек в доход Приказа — 765 рублей в год. В 1877 г. торговые казаки были обложены ещё земским сбором. Членами Торгового общества в период с 1871 по 1880 гг. было внесено в войсковой капитал более 11, 2 мил. рублей⁷. На просветительские, благотворительные и общественные цели, а также на нужды войны Общество торговых казаков с 1838 по 1904 г. пожертвовало более 300 тысяч рублей.

Следует отметить, что купцы, вышедшие из казачьей среды были в основном крупными, уважаемыми, авторитетными людьми Дона. Они в связи со своим «местным» положением воздействовали на других представителей купечества и по сути способствовали чтобы им подражали и перенимали их привычки и особенности. Принадлежность к казакам некоторых представителей купечества можно было определить по внешнему виду. Казаки были восприимчивы к различным культурам. Например, выходец из казаков Елпидифор Трофимович Парамонов, будучи уже богатым человеком, не сменил свое платье на европейский лад. Стиль женской одежды складывался на Дону под влиянием русских, украинских и восточных традиций.

В казачестве соединился азиатский консервативный семейный быт с почитанием мужчин, стариков и свойственное европейскому миру свободолюбие. Находясь «меж двух враждебных рас — монголов и Европы» — казачество впитало в себя не только представителей различных этносов, но и культурное достижение⁸.

Таким образом, донские казаки, вступившие в ряды купечества, стали выразителями интересов казачества, и своей деятельностью способствовали развитию производительности и промышленности родного им края. Они внесли в быт донского купечества черты казачьей культуры.

До конца XIX в. занятие торговлей⁹ законодательно соединялось с купеческим состоянием, а купечество было единственным сословием, для вступления в которое надо было уплатить взнос. Стоимость гильдейских документов в 1906 г. составляла 75 рублей для первой гильдии и 30 рублей для второй. Однако вместе с платежами за промысловые свидетельства, а также с различными сопутствующими сборами эта сумма достигала солидных размеров и была доступна только состоятельным людям. Кроме того, увеличению купеческого сословия из среды казаков препятствовал устав о воинской повинности от 14 апреля 1875 г. и закон о казаках торгового общества 30

¹ ЦНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 82, л. 109.

² ЦНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 82, л. 109.

³ ЦНИ РО, ф. 12, оп. 5, д. 82, л. 141.

⁴ ЦНИ РО, ф. 12, оп. 2, д. 16. Л. 2.

⁵ Сидоркин Н.И. Возвращение Меркурия: торговля в культурной традиции России. — Ростов н/Д: «Донской изд. Дом», 2004. — С. 94.

⁶ Вареник В.И. Ростов и ростовцы. Путешествие в 1913 год. Ростов н/Д: АКРА. 2005. — С. 224.

⁷ ЦНИ РО, ф. 12, оп. 2, д. 16. Л. 2.

⁸ Донской край. Пособие по чтению для иностранных учащихся. — Ростов н/Д, - из-во «Логос». 2006. — С. 16.

⁹ Самарские купцы: вехи истории. / Под ред. Е.П. Бариновой. Самара: Из-во «Самарский университет». 2006. — С. 18.

мая 1876 г. Эти документы привели к уменьшению числа членов Торгового общества, в которое к концу 1882 г. входили до 1104 человека, а в 1886 г. — 257 человек¹⁰.

Нерентабельное положение казаков торгового общества заметно стало отражаться на торгово-промыш-

ленном развитии края и послужило поводом к захвату пришлым иногородним и иностранным элементами торговых и промышленных предприятий в регионе, следовательно, это отразилось на экономическом благосостоянии казачьего населения.

¹⁰ ЦДНИ РО, ф. 12, оп. 2, д. 16. Л. 112.

7. ВСПОМОГАТЕЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

XX съезд КПСС: начало «оттепельных явлений» в исторической науке

Баранова Елена Анатольевна, учитель истории и обществознания
МБОУ СОШ с углубленным изучением отдельных предметов №2 (г. Волжский, Волгоградская обл.)

XX съезд КПСС проложил отчетливый рубеж, за которым начинается новый период развития советской исторической науки. Он определил общее направление работы историков — преодоление сталинского догматизма и обращение к ленинскому наследию, осуждение культа личности Сталина.

Внимание историков было обращено к съезду. Отчетный доклад Н.С. Хрущева, речь А.И. Микояна, выступление на съезде А.Н. Несмеянова и А.М. Панкратовой в той или иной степени затрагивали проблемы отечественной исторической науки. Историки в первую очередь взяли на вооружение те строки отчетного доклада Н.С. Хрущева, которые разъясняли «марксистско-ленинское понимание роли личности в истории»: «ЦК решительно выступил против чуждого духу марксизма — ленинизма культа личности, который превращает того или иного деятеля в героя — чудотворца и одновременно умаляет роль партии и народных масс, ведет к снижению их творческой активности» [1, с. 101–102]. А вот более адресные строки для исторической науки из отчетного доклада: «Некоторые научные учреждения работают над вопросами, не имеющими большого практического значения, не обобщают передовой опыт нашего строительства» [1, с. 86]. Следовательно, приоритет должен быть отдан советской истории, что и было выполнено, не без излишнего усердия. Хрущев напоминал историкам, что, «по Ленину, в разные периоды на первый план выступает то одна, то другая сторона марксизма» [1, с. 114]. Для середины 1950-х гг. приоритетной была признана экономическая сторона теории марксизма-ленинизма. Отсюда — обилие производственных тем в исторических исследованиях, показывающих достижения советской промышленности и сельского хозяйства за разные годы и в различных регионах.

На вечернем заседании 16 февраля А.И. Микоян затронул и проблемы собственно исторической науки. Содержащийся в его речи вывод о том, что «научная работа в области истории нашей партии и советского общества, пожалуй, самый отсталый участок нашей идеологической работы» [1, с. 325], стал для историков руководством к деятельности. Причем сама формулировка задачи исторической науки как части идеологической пропаганды, делает излишним какие-либо комментарии относительно партийно-политической направленности исследований.

В своем выступлении А.И. Микоян обратился к историкам также с призывом по-новому, с позиций ленинизма, освещать многие факты и события, изложенные в «Кратком курсе истории ВКП (б)», тексты которого являлись каноническими для советских историков в течение почти двух десятилетий. Призыв этот стал немедленно осуществляться. Многие статьи, публиковавшиеся в «Вопросах истории» в те годы, содержали в преамбуле фразы типа «так, например, в «Кратком курсе истории ВКП (б)» указывается, что... А на самом деле...», как в статье В.П. Насырина «О некоторых вопросах социалистического преобразования промышленности в СССР» [2, с. 34].

В качестве примера неудовлетворительного состояния изучения истории Российской коммунистической партии Микояном были названы «книги по истории таких крупных политических партий и организаций, как кавказская и Бакинская, в которых были подтасованы факты, одни люди произвольно возвеличивались, а другие вовсе не упоминались; второстепенные события поднимались на незаслуженную высоту, а другие, более важные, принижались» [1, с. 326].

Президент АН СССР А.Н. Несмеянов заверил съезд и Коммунистическую партию в том, что «Президиум АН СССР не пройдет мимо этой справедливой критики и сделает необходимые выводы» [1, с. 374].

С чем же обратилась к съезду член ЦК КПСС, академик А.М. Панкратова. Естественно, она не могла не упомянуть «о необходимости борьбы против пережитков субъективистско-идеалистических взглядов на роль личности в истории» [1, с. 386]. Основное же внимание Панкратова сосредоточила на анализе состояния исторической науки и задачах ее развития. Она перечислила проблемы, которые должны были стать основными темами при изучении истории. Среди них она назвала вопрос о мирном сосуществовании двух систем, о возможности предотвращения войн в современную эпоху, о формах перехода различных стран к социализму, о развитии социалистических производственных отношений. Эти проблемы сразу же были отнесены к числу приоритетных.

Таким образом, XX съезд КПСС непосредственно повлиял на советскую историческую науку. Историческая наука была признана частью идеологической пропаганды. Был принят план научных исследований, обозначены на-

ибо более важные для рассмотрения проблемы. Пятилетние усилия по этим направлениям привели к определенным результатам, хотя и привели к ущемлению других направлений исторической науки.

Казалось, шло быстрое возрождение исторической науки, но сохранялась ее зависимость от партийной доктрины, и это приводило к деформациям. Партийная доктрина в основных своих положениях осталась прежней, но в ней произошли существенные изменения: критика культа личности И.В. Сталина, отказ от наиболее жестких репрессивных сторон административно-командной системы и их осуждение. Эти изменения расширяли возможности исследователей в трактовке исторических событий. К тому же критика культа личности Сталина позволила вместо сталинских интерпретаций обратиться к собственно наследию В.И. Ленина. Это открывало возможность для постановки новых проблем, не входя в противоречие с партийной доктриной, путем того или иного толкования ленинских идей. Однако эти новые возможности были все-таки ограниченными, сказывалась практика партийно-государственного руководства исторической наукой.

И всё же при смене сталинского набора идеологических постулатов на ленинский, возникло некое ощущение свободы исследования. Именно ему историография обязана своим обогащением.

Появляется значительное число фундаментальных, многотомных трудов, подготовленных большим коллективом учёных. В первую очередь следует назвать такие издания как «Всемирная история», «История СССР», «Очерки истории исторической науки в СССР», «История Коммунистической партии Советского Союза», «Советская историческая энциклопедия». Была продолжена публикация многотомников «История гражданской войны в СССР», «История Москвы», работ по истории фабрик и заводов. Увеличилось издательское пространство: с 1957 года к журналу «Вопросы истории» прибавились ещё «История СССР», «Вопросы истории КПСС» и «Новая и новейшая история».

За годы первого послесталинского десятилетия отечественная историческая наука включила в свой арсенал огромное количество нового источникового материала, что является одним из самых больших достижений периода оттепели. То, что «свежий ветер XX съезда распахнул двери советских архивов», не было преувеличением. Исследователи получили доступ ко многим ранее закрытым материалам. В 1956 году в системе Академии наук были образованы специальные подразделения-сектора публикации источников по истории советского общества в институтах истории АН СССР и союзных республик, Археографическая комиссия при Отделении исторических наук АН СССР. Начали издаваться журнал «Исторический архив», сборники документов «Материалы по истории СССР», «Археографический ежегодник». С 1957 года Главное архивное управление при Совете министров СССР приступило к выпуску Информационного бюллетеня, который в

1961 году был преобразован в журнал «Вопросы архивоведения». За пять лет — с 1956 по 1960 год — был издан 491 сборник документов, из которых 381 — по истории советского общества.

На рубеже 1950—1960-х гг. было предпринято издание пятого, полного собрания сочинений В.И. Ленина, переизданы протоколы съездов РСДРП (б) — РКП (б). Увидели свет «Переписка Секретариата РСДРП (б) с местными партийными организациями», «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б)», выпущены первые тома «Декретов Советской власти», опубликованы сборники по советской внешней политике, аграрной, индустриальной, национальной политике Советской власти и так далее. Перечень даже наиболее крупных изданий весьма обширен. Большую роль в деле обеспечения возможностей публикации сыграли созданные после XX съезда КПСС новые исторические журналы — «Вопросы истории КПСС», «История СССР» и «Исторический архив». Количественный рост сопровождался значительным расширением тематики исследований.

Объединяет эти сборники документов, столь различные по составу материалов, единая методика отбора исторических источников, которая включила в себя «критический подход, проверку, партийную оценку и руководство марксистско-ленинской теорией» [3, с. 27]. Это расширило и одновременно ограничило возможности советской исторической науки.

На рубеже 1950—1960-х гг. было предпринято издание пятого, полного собрания сочинений В.И. Ленина, переизданы протоколы съездов РСДРП (б) — РКП (б). Увидели свет «Переписка Секретариата РСДРП (б) с местными партийными организациями», «Протоколы Центрального Комитета РСДРП (б)», выпущены первые тома «Декретов Советской власти», опубликованы сборники по советской внешней политике, аграрной, индустриальной, национальной политике Советской власти и так далее. Перечень даже наиболее крупных изданий весьма обширен. Большую роль в деле обеспечения возможностей публикации сыграли созданные после XX съезда КПСС новые исторические журналы — «Вопросы истории КПСС», «История СССР» и «Исторический архив». Количественный рост сопровождался значительным расширением тематики исследований.

Ярче всего своеобразие состояния исторической науки первого послесталинского десятилетия отразил капитальный шеститомный труд «Очерки истории исторической науки в СССР». Первый том «Очерков» увидел свет в 1955 г. Он был посвящен исторической науке СССР с древнейшего времени до середины XIX века. Центральное место в нем занимала историография России, а также были включены разделы, рассказывающие о развитии исторических знаний у народов СССР. Следующие тома «Очерков истории исторической науки в СССР» вышли в 1960—1963 году. Второй том охватывал в основном вторую половину XIX века и излагал историю исторической науки до начала ленинского периода. Третий том

«Очерков» был посвящен российской историографии рубежа XIX—XX вв. В центре внимания — начало ленинского этапа в развитии отечественной исторической науки и кризис буржуазно дворянской историографии. Очередной, четвертый том «Очерков» увидел свет в 1966 г., пятый же том — в 1985 г. Причиной таких хронологических сбоях явилось то, что эти тома должны были охватить историю исторической науки с 1917 по 1959 г., освятить влияние XX съезда КПСС на историческую науку, то есть, посвящены наиболее сложному в политико-идеологическом аспекте периоду. Пятый том оказался слишком радикальным для 1960-х гг. и был издан с двадцатилетним опозданием.

Руководящим принципом исторического исследования в «Очерках истории исторической науки в СССР» был назван «принцип коммунистической партийности». «Партийность марксистско-ленинской исторической науки полностью совпадает с ее научной объективностью, ибо она опирается на объективно существующие законы общественного развития» [4, с. 11], утверждалось во введении.

Литература:

1. XX съезд КПСС. Стенографический отчет. — М., 1956. Т. 1.
2. Вопросы истории. 1956. № 5.
3. Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. Сб. статей. — М., 1962.
4. Очерки истории исторической науки в СССР. Т. 1. — М., 1963.

Главной чертой исторических, литературно-публицистических и художественных произведений тех лет было обращение к острым проблемам современности, полемическая заострённость, внимание к личности. На какой-то момент создавалась видимость самостоятельности исторической науки. Но в широком смысле слова суть взаимоотношений между исторической наукой и коммунистической партией осталась неизменной. Первая продолжала пользоваться относительной свободой в рамках, очерченных для нее партийными идеологами. Но монополия на истину по-прежнему оставалась в руках партийно-государственного руководства. Решение теоретико-методологических проблем исторической науки находилось в исключительном ведении политиков и историков из аппарата ЦК партии. Для остальных, нечиновных историков они существовали уже в виде непреложных истин в материалах партийных форумов, постановлениях ЦК партии. В этом заключается противоречивость развития исторической науки в условиях, когда модернизация господствующей идеологии совмещалась со стремлением сохранить идеологический контроль.

Научное издание

ВОПРОСЫ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

Международная заочная научная конференция
г. Москва, январь 2012 г.

Материалы печатаются в авторской редакции

Дизайн обложки: *Е.А. Шишков*

Верстка: *П.Я. Бурьянов*

Подписано в печать 24.01.2012. Формат 60x90 ¹/₈.
Гарнитура «Литературная». Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 7,7. Тираж 300 экз.

Отпечатано в типографии «Ваш полиграфический партнер»
127238, Москва, Ильменский пр-д, д. 1, стр. 6